

**ЕВГЕНИЙ
БЕЛОГОРСКИЙ**

КАРЕЛЬСКИЙ БЛИЦКРИГ

2017

Annotation

Забытая и оболганная советско-финская война. Очень хочется подобно господину Суворову, Солонину и прочим правдюкам, сказать, что это сокровенная правда, которую комиссары так долго скрывали от людей, но нет. Перед вами чистейшая выдумка, основанная на реальных событиях услышанных автором из первых уст.

Белогорский Евгений Александрович
Карельский блицкриг

Пролог. Наркомовская оттепель

Приход весны всегда олицетворяется с началом новой жизни, чего-то светлого и радостного, что одним своим видом дарит людям надежды на лучшее. Именно это согревает остывшие за долгую зиму души, заставляет биться сердца, строить планы на жизнь. Весна — прекрасная пора и крайне трудно и горестно встречать её, находясь в темной и тесной камере. Когда все твое людское существование рвется наружу, а крепкие толстые стены тебя не пускают, и от осознания собственного бессилия хочется выть во все горло.

Комдив Константин Рокоссовский, находившийся в заключение в знаменитых "Крестах" вот уже второй год, по своей натуре был крепким и волевым человеком. Арестованный в конце тридцать седьмого года по так называемым "национальным спискам", он мужественно держался на допросах, категорически отказываясь признать себя виновным и дать признательные показания.

То на чем ломались многие "герои гражданской войны" сделавшие головокружительную карьеру, на него не действовало.

С детства привыкший тяжелой работе, сильный и выносливый Рокоссовский не испугался применения против него физического воздействия со стороны следствия. Чтобы добиться "чистосердечных признаний" и заставить несговорчивого комдива "разоблачиться", следователь был вынужден звать на помощь ещё двоих своих товарищей по нелегкому делу в розыске "скверны". Но попав под тройной нажим, Константин Константинович не сдал своих позиций, не признал себя виновным.

Не оказало на него нужного воздействия и фактор психологического давления, который следователи очень широко и успешно применяли во время арестов и допросов. Очень трудно было перестроиться человеку, обладавшему большой властью над людьми. Ещё вчера, он был уважаемым и заслуженным командиром. От него зависели судьбы тысячи людей, многие из которых всеми силами пытались получить от него знак внимания и поддержки. В руках его была сила власти и вдруг, всего этого нет. Знаки различия и боевые награды вырваны с мундира "с мясом" и ты уже не " Сам Иван Иванович", а простой заключенный, которыми так плотно набита камера, что спать приходится сидя на полу. Когда молодой сопливый "сержант государственной безопасности" нагло пускает в лицо дым от папиросы и, ухватив за ворот гимнастерки, кричит "Ты у меня сознаешься! Ты у меня дашь показание тварь, на своих дружков, врагов народа!" и хлестко бьет по лицу, ты не можешь ему достойно ответить.

Константин Рокоссовский мужественно прошел и через это утонченное унижение. Со скованными за спиной руками, он ухитрился смачно плюнуть кровь из разбитых губ прямо на следователя. И когда тот в порыве гнева наотмашь ударил его, комдив так на него пронзительно посмотрел на своего мучителя, что тот больше не стал близко к нему подходить. Вдруг снова плюнет или ударит головой, такие случаи редко, но бывали к несчастью для здоровья следователей.

Крепким орешком оказался для ленинградского следствия "этот чертов поляк". Не стал он в угоду следствию оговаривать невинных людей, как это делали многие из тех, кто попал в "ежовые" рукавицы наркома. Руководствуясь простым и гадким принципом "раз я страдаю, так пусть пострадают и другие", они в угоду следствию перевирали свои разговоры с людьми, на которых собрались дать показания, а зачастую их просто выдумывали.

Некоторые, приходя с допросов, с некоторой гордостью говорили — "сегодня дал признательные показания, ещё на пятнадцать человек!"

Трудно осуждать сломленных побоями и издевательствами людей за такие поступки. Каждый, в экстремальной ситуации действует, так как подсказывает ему собственная совесть, но участь этих людей была незавидная. В подавляющем числе, соглашательство и помощь следствию закончилось для них расстрельной стенкой. Специальные военные суды и заседания не знали жалости "к изменникам Родины", руководствуясь принципом "предавший один раз, предаст снова".

Единственным слабым местом в броне комдива Рокоссовского была семья. Полная неизвестность относительно судьбы жены и дочери, доставляло ему боли во стократ больше, чем побои, грубость и унижение со стороны следователя.

От людей арестованных после него, Рокоссовский знал о незавидной судьбе семей "изменников Родины". Сразу после ареста "изменника" его семья в 24 часа выселялась из казенных квартир и должна была искать самостоятельно средства к существованию. Многие, под давлением обстоятельств были вынуждены публично отказываться от мужа и отца, пытаясь доказать свою непричастность к его "вредительской деятельности".

Черные мысли ежечасно точили его душу, но мир не без добрых людей. Непонятно каким чудом, но семья узнала, где находится комдив и смогла отправить письмо, а затем посылку. Её содержимое было очень скромным, но для Рокоссовского был крайне важен сам её факт, благодаря которому, он знал, что "у них все хорошо, мама работает, а дочь учится".

Эта маленькая весть с воли, прорвавшая невыносимо долгую блокаду неизвестности, дала Константину Константиновичу новые силы к сопротивлению и борьбе за свою жизнь, честь и доброе имя. С этого момента многое переменилось в жизни бывшего командира корпуса, а ныне заключенного Рокоссовского.

В конце 1938 года, сменился нарком внутренних дел и это, сразу сказалось на поведении следователей. Не зная чего ожидать от нового руководства, они уже не так активно выколачивали признания у подсудимых. Следственная машина стала работать "в холостую", а в первых числах марта, после поступившего приказа с самого верха "Разобраться!" и вовсе встала.

Прекрасно понимая, что заварившим "кашу" следователям самостоятельно будет очень сложно, нарком приказал создать специальные комиссии, в которые включались представители различных ведомств. Чтобы разбирательство было разбирательством, а не попыткой сохранить "чистоту мундира".

Одна из таких комиссии и прибыла в "Кресты", чтобы решить вопрос о так называемых "висяках" — дел по которым долгое время не было результатов. В числе тех дел, что были представлены этой комиссии, было и дело комдива Рокоссовского.

Начальник комиссии, старший майор госбезопасности Громогласов, был колоритной фигурой. Плотный, коренастый, невысокого роста, всем своим видом он напоминал больше лесоруба промышленника, на которого по ошибке надели "почти генеральский мундир".

С самого начала своей деятельности на посту начальника комиссии, Громогласов не знал, что ему делать. По "хорошему", в его понятии следовало бы дать следователям нагоняй, чтобы лучше работали со своими подсудимыми, установить срок исполнения, а затем строго спросить. "Проверка проведена, нарушения выявлены, на них указано" — все ясно и понятно, комар носа не подточит.

При прошлом наркоме такого итога работы было бы достаточно, но новая метла мела

по-новому. Новому наркомому такой результат был явно не нужен. Приведя с собой свою команду, он принялся чистить "авгиевы конюшни" и первыми под эту чистку попали "кольчики", чей работой так восхищался бывший нарком.

Все это наводило на неприятные размышления, от которых нужно было держать ухо востро.

Также большую настороженность и откровенное непонимание для Громогласова доставлял состав комиссии. Из чекистов в её составе был только он, да капитан Чайка, все остальные были для него чужими и, следовательно, на полное понимание с их стороны ему рассчитывать не приходилось.

Особое беспокойство старшему майору доставлял очкастый военный юрист 3 ранга, неизвестно как попавший в состав комиссии. С самого начала работ он держался несколько обособленно. По прибытию в "Кресты" отказался от предложения начальника тюрьмы перекусить, чем бог послал и попросил представить ему дела заключенных.

В открытую конфронтацию с Громогласовым он не вступал. Ни одно из его распоряжений не подверг критике или высказал свое несогласие с ними, но при этом, постоянно делал записи в своем большом блокноте, что очень беспокоило старшего майора.

— Сейчас все хорошо, а потом напишет за спиной, черт знает чего и тогда, поминай, как звали. Знаю я таких тихонь — доверительно говорил Громогласов Чайке. — Ты смотри, приглядывай за ним. Чует мое сердце, беды с ним не оберемся.

Комиссия работала не шатко, ни валко. Уловив командный посыл сверху о необходимости вскрыть недостатки и восстановить законность, на несколько из представленных дел было вынесено решение о прекращении. Часть дело отправлено на исследование в новом составе следствия и взято на контроль, а оставшиеся ввернуты следователям с грозным приказом "Лучше работать надо!"

Поданное Громогласову дело Рокоссовского вызвало у него нескрываемое раздражение. Оно было толстым, а у старшего майора уже устали пальцы. Уж слишком разными были его толстые короткие пальцы и тонкие страницы очередного дела.

— Рокоссовский — прочитал Громогласов фамилию арестованного, — поляк?

— Так точно, товарищ старший майор. Взят по польскому списку согласно приказу товарища Ежова от июня 1937 года — бодро доложил следователь. То, что Ежов был только снят с должности, но ещё не арестован и не осужден, оставляло следствию пространство, для пусть малого, но маневра. Ведь исполнялось приказание наркома внутренних дел, а не разоблаченного шпиона иностранной державы.

Громогласов перевернул несколько страниц дела и все понял. Комдива брали как поляка и главный упор, по нему делался согласно показаниям арестованных военных польского происхождения. Начавший дело следователь хотел связать несколько дел в один большой заговор, но это у него не получилось.

— Раззява. Ломать нужно было быстрее, тогда бы все и срослось, и по срокам и по показаниям. А так время упущено и вместо большого "веника" разрозненные прутья — зло подумал про себя Громогласов.

— А что сослуживцы, почему от них так мало показаний на Рокоссовского?

— Хитрый и осторожный этот комдив. Все делал строго по приказу, никакой самостоятельности. Всегда выступал на собраниях в поддержку политики партии и правительства. С арестованными врагами народа имел контакты по службе, личных контактов нет. Единственный его прокол в том, что высказал сомнение по поводу ареста

корпусного комиссара Шестакова, который, кстати, саморазоблачился и дал признательные показания, в том числе и на самого Рокоссовского — следователь позволил себе усмехнуться. Самую малость, ибо то, что наговорил Шестаков, хватала на арест комдива, но никак не на расстрельную статью.

Громогласов перелистнул ещё несколько страниц допросов и вздохнул. Имевшегося в деле материала не хватало, чтобы сделать из комдива "японского" шпиона или пусть по ленинградским и псковским делам о военных заговорах. Начавший дело следователь вел дело исключительно по шаблону. Сделав главную ставку на то, что сумеет сломать подследственного, он вовремя не стал собирать на него дополнительный компромат.

— Сто чертей ему в печенку. Понабрали, черт знает, кого из всякого там Крыжополя, вот и результат — зло подумал старший майор в адрес этого неумехи, чью плохую работу ему предстояло разгребать. Сам он, правда, был родом из Волочка и москвичом стал чуть более пяти лет, но это не мешало ему всей душой не любить "лимитчиков", понаехавших в столицы.

— В отношении комдива Рокоссовского просил разобраться нарком Тимошенко — подал голос, молчавший все это время военюрист.

— И что? Я таких указаний от наркома Берия не получал — негодуяюще спросил чекист, развернувшись в его сторону на стуле. Он хотел повернуть голову, но из-за жесткого ворота мундира вынужден был повернуть все тело. Майор ожидал, что очкарик вступит с ним в перепалку, но этого не произошло.

— Я только информировал вас, товарищ старший майор — абсолютно нейтральным голосом сказал военюрист.

— Паразит, специально сказал это при свидетелях — понял Громогласов, и словно подтверждая его опасения, в дело вступил Пикин из наркомата контроля. Сидевший на нем нарком Мехлис не особенно жаловал чекистов Ежова.

— Есть мнение направить это дело на дорасследование с заменой следователя и постановкой на контроль — предложил Пикин, и очкарик тут же кивнул головой в знак согласие.

— Это будет уже двенадцатое дело — многозначительно произнес Громогласов, пытаясь привести в чувство слишком далеко зашедших правдолюбцев. Передача дела на новое расследование, после специальной директивы наркома о запрещении применения физического воздействия к арестованным, в большей степени означало прекращения дела.

Голос чекиста и его воинственная поза возымели действие. Пикин с остальными членами комиссии несколько смутились, поняв, что может произойти перерасход отпущенного лимита, но военюрист моментально нашел лазейку.

— Хорошо. Давайте напишем протокол разногласий, где каждая из сторон выскажет свое мнение и подкрепит его фактами — ловко плеснул маслицем крючоктвор и Громогласов закачался. Писать, а уж тем более обосновывать свое мнение ему как-то не хотелось. Он вопросительно посмотрел на Чайку, но тот только скорбно молчал. Писать и обосновывать ему тоже не хотелось. Дело ведь касалось не командарма или комкора, а простого комдива.

— К чему вносить раскол в наши ряды? Если есть мнение, то давайте направим на дорасследование — нехотя согласился Громогласов, но и этого очкарику было мало.

— Если комиссия не возражает, я хотел бы задать несколько вопросов арестованному комдиву Рокоссовскому.

— Какие ещё вопросы? — сразу насторожился чекист.

— По условиям его содержания.

— Зачем это? Условия содержания арестованных у нас одни для всех, сносные. Других нет, и не будет.

— Вот пускай он это и скажет.

— Что не будут?

— Что сносные.

— Глупости все это — уверено громыхнул чекист, но крючокотвор вновь плеснул масло ему под ноги.

— Хорошо, я так и отпишу, что присланные мне вопросы оказались глупостью — произнес юрист, хитро не уточняя, куда и кому следует отписать.

Весь кипя от негодования, Громогласов вперил в юрист майора тяжелый взгляд готовый прожечь его насквозь, но в их ментальную дуэль вмешался Пикин.

— Товарищ Громогласов. Если товарищ военюрист просит, пусть приведут арестованного. Пусть он ответит на вопросы, если это надо. Много их у вас?

— Ровно десять, товарищ Пикин.

— Вот видите. Пусть ответит, и товарищ секретарь начнет писать бумаге по нашей работе.

Не будь в комиссии Пикина и товарищей из госконтроля, Громогласов послал бы крючокотвора ко всем чертям с его вопросами но, увы, не мог этого сделать.

— Хорошо. Герасименко, распорядитесь — приказал Громогласов чекисту и тот пулей выскочил из кабинета. Прошло немного времени, и арестованный был доставлен перед грозные очи комиссии.

Едва Рокоссовский переступил порог кабинета, как Громогласов впился глазами в военюриста. Чутье чекиста подсказывало, что тот неспроста потребовал к себе комдива, и он весь напрягся, готовый сорвать и разоблачить незаконные действия крючокотвора.

Однако ничего подозрительного не произошло. С усталым лицом, военюрист попросил арестованного представиться комиссии, не называя при этом причин по которым она приехала в "Кресты".

Единственное, что он сделал — это встал со стула и, разминая затекшие ноги, подошел к сидевшему на табурете Рокоссовскому, точно также как следователи, ведущие долгий допрос арестованного.

— Есть ли у вас претензии по вашему содержанию? — спросил юрист, открыв блокнот и взяв в руки тонко отточенный карандаш.

— Нет — после короткой паузы ответил комдив. Он ожидал услышать все, что угодно, но только не это.

— Получаете ли вы письма и посылки от семьи?

— Да — с некоторым напряжением в голосе ответил Рокоссовский. Он внимательно смотрел на юриста пытаясь понять, знает он его или нет, но тот сосредоточено смотрел в свой блокнот, чем затруднял задачу для арестанта.

— Имеете ли возможность читать советские газеты?

— Да — прозвучал ответ, и юрист поставил на листке очередную галочку.

— Регулярно ли проводится у вас санитарная обработка?

— Да.

— Хорошо — сдержанно произнес юрист и буднично перекинул страницу блокнота. Он

был большой, с круглыми скобками вверху и страницы можно было перелистывать одну за другой.

— Есть ли у вас жалобы на состояния своего здоровья? Оказывается ли вам медицинская помощь? — задал свой очередной вопрос проверяющий, и в этот момент комдив увидел надпись карандашом, сделанную с тыльной части перевернутой страницы. Перекинутая юристом, она оказалась точно перед его глазами и Рокоссовский, не мог её не прочесть.

Короткая, всего в несколько строк, она содержала крайне важные для него сведения.

"Дело комкора Рокоссовского — тухлое. Все давшие против него показания мертвы, а новых материалов нет". Таково было резюме, изучившего дело комдива военюриста, записанное в черновом варианте на странице блокнота.

Едва комдив прочитал эти слова, как сердце его застучало в бешеном темпе. Он с удивлением поднял глаза на юриста, но тот даже не посмотрел в его сторону.

— И последний вопрос. Есть ли пожелания в адрес администрации тюрьмы?

— Нет — чисто механически произнес комдив, усилено перебарывая открывшуюся ему правду.

— У меня все — закрыл блокнот военюрист и вопросительно посмотрел на Громогласова, который тут же дал команду увести арестованного.

Кем он был этот военюрист, знакомым которого комдив так и не смог вспомнить или просто хорошим человеком, которого бывшие сослуживцы попросили помочь арестованному Рокоссовскому, так и осталось неизвестно. Некоторое время Константин Константинович опасался, что все это хорошо подстроенная чекистами провокация, но чем больше он думал, тем сильнее он убеждался в обратном.

О том, что написал юрист, он и сам догадывался выстраивая логическую цепочку. Но одно дело предполагать и совсем другое, получить подтверждение своим догадкам, пусть и столь необычным способом.

Брошенным судьбой кругом следовало воспользоваться и, вернувшись к себе в камеру, он принялся выстраивать тактику своего освобождения.

На очередном допросе, комдив сказал, что готов к сотрудничеству со следствием, но только после очной ставки, с теми, кто дал на него показания. К подобному повороту следователь оказался не готов. Как он не напирал, не уговаривал Рокоссовского хорошо подумать, тот твердо стоял на своем.

Да, дам признательные показания, которые вы так хотите получить, но на очной ставке. Представьте мне хоть одного человека, пусть скажет мне это в глаза, и я соглашусь.

Вновь назначенного следователя поджимали сроки пересмотра, нового он ничего не смог найти на комдива и дело, было закрыто. В середине апреля специальная комиссия своим решением полностью оправдала командира корпуса Рокоссовского К.К.

В пригожий апрельский день Константин Константинович вышел из тюремных ворот полный счастья и надежд, но очень скоро вернулся туда вновь, причем по собственной воле.

Трагичный курьез заключался в том, что у комдива не было ни копейки денег, а тюремный писарь, оформлявший ему документы на освобождение, неправильно выписал ему проездные документы до Пскова, последнего места службы Рокоссовского.

Как не пытался он убедить кассира воинской кассы Балтийского вокзала выдать ему билет до Пскова, все было бесполезно.

— У вас, гражданин военный литера неправильно заполнена. Поэтому я не могу выдать

вам проездной документ — склочным голосом говорила кассирша, худому, одетому в большую по размеру шинель комдиву.

— И что же мне делать? Я только что освободился, у меня денег нет — попытался пробудить у неё чувство доброты и сострадания к чужому горю Рокоссовский, но тетка была непреклонной.

— Знаете, что гражданин, идите вы к себе в тюрьму. Они вас неправильно выпустили, вот пусть и исправляют свои ошибки — фраза была насквозь гадкой и мерзкой, но бедному комдиву ничего не оставалось, как последовать совету кассирши.

Где "зайцем", где под неодобрительный взгляд кондуктора, прицепившись "колбасой", он на трамвае доехал до "Крестов" и стал настойчиво просить дежурного пустить его в тюрьму.

— Поймите, канцелярия уже закрыта, а мне ночевать негде. Пустите, товарищ сержант, я как раз к вечерней раздаче я успеваю — просил комдив дежурного на тюремной проходной и после долгого раздумья, тот согласился. Согласился не из жалости к вчерашнему арестованному, чего их брата жалеть, замерзнет, не велика потеря. А из кастовой солидарности к своим канцеляристам, совершившим эту досадную ошибку при оформлении документов за которую может получить нагоняй от начальства.

— Ладно, проходи. Никифоров, определи его в шестую камеру, до утра — сержант открыл калитку и "Кресты" нехотя приняли в свои объятия будущего маршала Советского Союза.

Трудно сказать, что испытывал он в этот момент, но миске теплой пшенной каши и кружке горячего чая, он был рад как никогда в жизни. Равно, как и месту на деревянных нарах, на которых, наконец, можно вытянуться, во весь рост, и дать отдых гудящим от непривычки ногам.

Ночь пролетела в одно мгновение, а утром, комдива охватил страх. А вдруг дежурный позабыл отдать его документы на исправление или ещё хуже потерял их. Как же тогда выйти из "Крестов"? Эти простые, но далеко не смешные вопросы для просидевшего полтора года в тюрьме, терзали с нарастающей силой комдива, едва только он открыл глаза.

Сердце наполнялось неприятным предчувствием, но все обошлось. На этот раз чекистская машина сработала без всяких сбоев и к полудню дверь камеры открылась, и дежурный надзиратель громко произнес: — Рокоссовский, с вещами на выход!

Потом был вокзал, поезд на Псков и полные изумления глаза бывших сослуживцев, считавшие комдива давно расстрелянным.

Было возвращение звания и орденов, восстановление в партии и должности. Был приказ по наркомату обороны об отправке в отпуск с одновременным предоставлением комдиву Рокоссовскому, путевки в южный санаторий вместе с семьей для поправки здоровья.

Все это было, а пока получив документы на освобождение, он покинул "Кресты" с твердым намерением больше туда не возвращаться.

— Лучше сразу застрелиться, чем вновь пройти все эти круги ада — твердо решил для себя комдив, делая первые шаги свободного и честного советского человека. — Больше я им в руки живым не дамся.

Примерно также думали и сотни других военных, которым в этот год посчастливилось восстановить свое честное имя и вернуться в ряды РККА. Страшная страница чисток связанных с наркомом Ежовым была перевернута и начиналась новая.

Там не было массовых репрессий, но на всех парах приближалась новая Большая

европейская война. О невозможности, начала которой так много говорили на каждом европейском углу и чью громкую грозную поступь в Испании и Чехословакии, было невозможно не услышать.

Глава I. Вальс тридцать девятого года

Лето 1939 года, а особенно его август месяц был особенно жарким, как для Европы, так и для всего остального мира. С конца мая месяца гремел выстрелами и оружейными разрывами Дальний Восток. В районе реки Халхин-Гол японские милитаристы пробовали на прочность советско-монгольский военный союз.

Прошлогодний пограничный конфликт в районе озера Хасан вскрыл наличие больших проблем в Особом Дальневосточном округе. Краснознаменная и легендарная Дальневосточная армия под командованием товарища Блюхера, оказалась не готова к современной войне. Герои Спасска и Волочаевки не смогли не только быстро и достойно дать врагу отпор на границе, как того предписывала советская военная доктрина, но даже не смогли обозначить свое присутствие в её районе.

Вся тяжесть по защите границы легла на плечи пограничников, которые своим легким стрелковым оружием противостояли вооруженному до зубов агрессору. В течение нескольких дней с момента начала конфликта они не имели поддержки ни в артиллерии, ни в танках, ни в авиации, хотя до Владивостока, где находился штаб округа, было рукой подать.

В те тревожные дни выяснилось, что все заверения прославленного маршала о полной боевой готовности Дальнего Востока к отражению японских милитаристов, всего лишь слова. Не укомплектованность соединений, неумение и неготовность войск округа к выполнению боевой задачи обрушилась на Сталина как снежный ком.

Ещё больше осложнил положение тот факт, что утратив руководство войсками, командующий округа маршал Блюхер упорно врал Москве в своих донесениях и разговорах. Клятвенно заверяя Сталина, что в самое ближайшее время, вверенные ему войска наведут порядок на границе, на деле маршал ничего не предпринимал, видимо ожидая, что конфликт сам собой рассосется.

Только прямое вмешательство наркома обороны в руководство боевых действий и отправка на Хасан комкора Штерна спасло ситуацию. Конфликт удалось погасить, не дав ему превратиться в большую войну.

Теперь, все было хуже и серьезнее. Ободренные начальными успехами Хасана, японцы решили ударить по единственному союзнику СССР, чьи вооруженные силы переживали не самые лучшие времена.

Сделав соответствующие выводы из прошлогодних боев, императорская армия вторглась на монгольскую территорию в районе реки Халхин-Гол большими силами и просто так, быстро выбить их было невозможно.

Благодаря быстрым и решительным действиям присланного из Москвы комкора Жукова, продвижение японцев вглубь монгольской территории удалось предотвратить. Брошенная на врага с марша, без поддержки пехоты и артиллерии, танковая бригада ценой больших потерь остановила врага. Легкие танки, светлой памяти маршала Тухачевского, горели как свечи от огня японских орудий, но танкисты разгромили врага и отбросили его

за реку.

Прорыва японских войск на Улан-Батор удалось избежать, но противник успел основательно окопаться за Халхин-Голом и уходить оттуда не собирался. Генеральный Штаб предложил провести фланговый охват японских войск и заставить их покинуть территорию Монголии, но Сталин категорически запретил им делать это.

— Любое вторжение наших войск в Маньчжурию превратит этот приграничный конфликт в большую войну с Японией, а мы к этому не готовы — решительно отклонил вождь предложение Тимошенко и для этого у него были веские основания.

На западных границах Страны Советов намечался куда более значимый и опасный военный конфликт с участием Германии и Польши с одной стороны и СССР с другой.

Получив на основе Мюнхенского договора 'мирное удовлетворение' в виде поглощения сначала Судет, а затем и Чехии, фюрер хотел решить вопрос относительно вольного города Данцига и сухопутного сообщения основных земель рейха с Восточной Пруссией.

Учитывая тот факт, что в результате раздела Чехословакии Польша получила свой бонус в виде Тешинского района, а также наличия планов по совместной немецко-польской войне против СССР, Гитлер надеялся решить эту проблему мирным путем. Тем более что судьбу Данцига должен был решить плебисцит, а за право проложить по польской территории железную — и автомобильную дорогу, немцы предлагали хорошие денежные и торговые отступные.

Эти планы устраивали Берлин и Варшаву, но совершенно не устраивали Париж и Лондон. Не позволив войскам Красной Армии пройти через польскую границу на помощь Чехословакии и отдав Прагу на растерзание Гитлеру, господа Даладье и Чемберлен хотели, чтобы следующей жертвой Германии стал Советский Союз.

Высокие стороны считали, что совместный удар немцев и поляков приведет к разгрому ослабленной чистками Ежова Красной Армии и смене власти в Кремле. За это им отошли бы советской Белоруссии и Украины, а Англия и Франция прибрали бы к рукам Батуми и Баку с их нефтеносными приисками.

Война Германии и Польши с советской Россией должна была начаться летом 1939 года, но произошел серьезный сбой плана великих держав. Ещё не полностью уверенный в силе своего вермахта, его 'танковых роликов' и бомбардировочной авиации, фюрер решил немного подождать. Усилить и укрепить вермахт, который, по мнению фюрера ещё не был готов к войне с Россией.

Шаг логичный и разумный, но шел в полный разрез с планами англичан и французов. Две главные европейские страны не замечали роста мощи немецкой армии и потакали территориальным претензиям Гитлера к соседям только ради 'большой войны на Востоке'.

Ради этого они привели Гитлера к власти, предоставили кредиты на развитие германской экономики и вдруг, их питомец отказывается играть по их правилам.

Если зверь не прыгает по команде укротителя — он должен быть наказан. Иначе вся дрессировка пойдет насмарку, и великие державы решили наказать Гитлера.

В день, когда поляки должны были сказать 'да' мирным предложениям немцев, по наущению британцев Польша гордо произнесла 'нет' и, повернувшись задом, показала господам тевтонам свой шляхетский нрав и гонор.

Получив гарантии полной дипломатической и военной поддержки со стороны Лондона и Парижа, министр Бек дал ответ в такой ультимативной форме, что Гитлеру не оставалось ничего другого, как отдать приказ о разработке плана нападения на Польшу.

День, когда генералы Генерального штаба представили фюреру своё творчество под кодовым названием 'Вайс' и об этом через свои источники узнали британские дипломаты, Даладьё и Чемберлен послали друг другу поздравления.

Пусть с некоторыми изменениями и не в том объеме как хотелось бы двум мировым державам, но большая многоходовая операция по уничтожению сталинской России вышла на финишную прямую.

— Вы отлично поработали с господином Беком, Пайп, — похвалил Чемберлен чиновника по особым поручениям из министерства иностранных дел, курировавшего этот вопрос. — Он так резко ответил Гитлеру на все его предложения, что тот просто был вынужден начать приготовление к войне с Польшей, чтобы сохранить лицо перед своими соратниками.

— Ах, господин премьер министр, это было нетрудно сделать, зная болевые точки поляков. Стоило лишь сказать Беку, что мы видим Польшу, почти равноправны игроком большой европейской политики, как дело было сделано. Мне даже не пришлось касаться 'голубой мечты' пана Пилсудского о Польше от моря до моря. Едва вы сказали, что Англия и Франция готовы в случае войны с немцами поддержать поляков силой оружия, как дело было сделано. Теперь Польша будет делать все, что мы ей, скажем.

— Да, бедные поляки, пример чехов, которым мы тоже гарантировали вооруженную поддержку их так ничему и не научил — скупое усмехнулся Чемберлен.

— Но договор о помощи они все-таки попросили подписать — не согласился с премьером чиновник.

— И что из того? По моей просьбе, он будет ратифицирован парламентом 26 августа. Именно в тот день согласно данным нашей разведки, Гитлер нападет на Польшу, которой мы по ужасному стечению обстоятельств ничего не должны. Как быстро немцы разобьют поляков, наши военные высказывают разные сроки, но Сталин обязательно вмешается в эту войну. Он просто обязан попытаться вернуть себе Брест и Львов, а это приведет к военному конфликту с Германией. Чего собственно мы и добиваемся.

— А если Гитлер осознает свою ошибку и решит вернуться к первоначальному плану, то совместные германо-польские войска ударят по Киеву и Минску. И по прошествии времени к ним присоединятся румыны с финнами, вместе с нашими и французскими войсками из Сирии и Месопотамии.

— Все верно, Пайп. Вас что-то смущает?

— На мой взгляд, господин премьер министр, есть одна комбинация, которая может помешать нашим планам относительно войны с русскими — осторожно произнес чиновник.

— Вы имеет в виду возможность Сталина договориться с Гитлером?

— Вы как всегда проницательны, господин премьер.

— Глупости. Я полностью исключаю такую возможность между Гитлером и Сталиным — не согласился с собеседником Чемберлен.

— Но после Мюнхена Сталин снял Литвинова с поста министра иностранных дел и назначил вместо него Молотова — близкого себе человека. Подобная рокировка дает возможность проведения диалога между Москвой и Берлином. Пусть даже чисто теоретически.

— Ерунда. Между ними большие идеологические разногласия. Коммунист никогда не договорится с нацистом. Они полные антиподы по отношению друг к другу. Тут не может быть двух мнений — премьер недовольно посмотрел на собеседника из-под седых бровей и

Пайп увял.

Премьер министр не любил менять свое мнение по политическим вопросам, особенно в беседе со своими подчиненными. Каждый сверчок, должен знать свое место. Пайп хорошо знал это золотое правило британской дипломатии и больше этой темы в разговоре с Чемберленом не касался.

— Посол Майский говорит о полной готовности русских подписать с нами и Францией тройственный пакт о взаимопомощи в связи с растущей напряженности в Европе.

— А вот это нам совершенно ненужно — премьер задумался, что-то прикидывая в уме, — нашего представителя, конечно, следует отправить. Думаю, правильнее будет послать адмирала Дракса, но без письменных полномочий.

— Но, сэр, как можно? — удивился Пайп.

— Без письменных полномочий, — отчеканил премьер. — Пусть вместе с французами обсудят, поговорят все важные аспекты дела и предложат провести окончательные переговоры в Лондоне. Известите о наших намерениях французскую сторону. Думаю, Даладье будет не против этого.

— Хорошо, сэр.

— Будет правильнее, если наша делегация отправится на переговоры на корабле.

— Прикажете, чтобы приготовили крейсер?

— Зачем гонять за счет казны морской корабль? Пусть отправляются на простом пассажирском пароходе, примерно в третьей декаде июля. Этим мы свяжем руки Сталину, в проведении вашей гипотетической теории. Главное сдержать любую политическую инициативу русских до 26 августа, а там будет уже другая история — важно изрек Чемберлен, важно откинувшись в кресле. Он наслаждался грядущим величием, но его острый глаз увидел на лице Пайпа тени невысказанных сомнений.

— Вас опять, что-то смущает?

— Только точность даты, сэр.

— Не беспокойтесь. Сведения о начале войны исходит от самого генерала Гальдера. Господа генералы бояться воевать и усиленно вставляют палки в колеса Гитлеру. Одно их предложение о смещении Гитлера, которое они передали нашим представителям перед началом вторжения немцев в Чехию, говорят о многом. Я полностью уверен, что война начнется точно в указанный ими срок — 26 августа.

Мнение премьер было приказом для его подчиненных, и начался вальс бостон между объединенной Европой, в лице дуумвирата Англия — Франция с одной стороны и советской Россией с другой.

Строго следуя указаниям премьера, европейская делегация отправилась в путь на простом пароходе, и весь их путь от Лондона до Ленинграда занял пять дней.

По одному только этому факту советская сторона могла заподозрить, что господа европейцы прибыли не подписывать договор способный остановить Гитлера в его конфликте с Польшей, а собираются элементарно 'тянуть резину'.

В пользу этого предположения говорил и состав прибывшей в Москву делегации. Если с советской стороны были нарком обороны Ворошилов, начальник Генерального Штаба Шапошников и командующие ВМС и ВВС, то состав объединенной делегации был откровенно второстепенным.

Следуя примеру Лондона Даладье, отрядил на переговоры с русскими генерала Думенка. В отличие от адмирала Дракса он имел полномочия договориться по вопросам

касающихся вступления в сотрудничество между вооруженными силами двух сторон. Но по своей значимости в военном министерстве, он больше соответствовал роли эксперта в том или ином вопросе, но никак не серьезного переговорщика. Любой заместитель министра обороны или его помощник, мог подвергнуть сомнению правильность действий генерала и тем самым дезавуировать поставленную им под договором подпись.

Если бы советская сторона знала о содержании пунктов инструкции делегации, которые предписывали им вести переговоры как можно медленнее, поддерживать переговоры в надежде, что они сами по себе будут достаточно сдерживающим средством, по возможности ограничиться общими формулировками, вряд ли бы переговоры состоялись. Сразу бы возник вопрос, а стоит ли начинать их, тратить драгоценное время, когда война уже стучится в твои двери.

Будь на месте Сталина Чемберлен или Даладье, они бы не раздумывая, отправили бы такую делегацию обратно, но у советского лидера не было выбора. Зная по линии разведки о приготовлениях Гитлера к войне с Польшей, он стремился использовать любую возможность, чтобы её предотвратить.

В случаи начало войны, любой шаг советского лидера приводил его к проигрышу. Встань СССР на стороне Варшавы и военный конфликт с Германией неизбежен и совсем не факт, что Лондон и Париж откроют второй фронт на западе Германии. Судьба Чехии, когда в самый ответственный момент выяснилось, что обещания британского премьера поддержать Прагу вооруженным путем в случаи агрессии со стороны Гитлера, оказались только словами, дипломатическим блефом, была весьма наглядна.

Очень могло оказаться, что что-то вновь помешает объединенной Европе выступить против Гитлера единым фронтом и Советскому Союзу пришлось бы воевать с Германией, бок обок с таким союзником как панская Польша, от которого неизвестно чего ожидать. Коварно подставит ли ножку в ответственный момент ради своих интересов или переметнется на сторону врага и вцепиться в горло. Много было старых обид и претензий между этими странами.

Откажись Москва встать с поляками в единый строй, останься в стороне в надежде вернуть себе Львов и Брест война с немцами была неизбежна. Просто так немцы эти земли Сталину никогда бы не отдали.

Даже если бы СССР не стал бы переходить границу и сохранил полный нейтралитет в грядущей войне, он бы все равно оказался бы в проигрыше. Немецкие войска бы вышли на границу с Минском и Киевом и получили бы в союзники прибалтийских лимитрофов с их профашистскими режимами. В военном плане приобретение было весьма сомнительное, но от эстонской границы до Ленинграда было рукой подать. Да и финны с их мечтой о 'Великой Карелии', затеявшие проведение широкомасштабных маневров, тоже могли преподнести неприятный сюрприз.

Таково было положение дел на европейском фронте советской дипломатии, где пока ещё не свистели пули и не рвались снаряды в отличие от фронта азиатского, который был самым настоящим. Здесь по данным разведки, пришедшие в себя и получившие подкрепление японцы, готовили новое наступление против советско-монгольских войск.

Одним словом положение у Сталина было аховое. Война в Европе ему была не нужна, и он отчаянно хватался за любую соломинку, чтобы не допустить её начало.

Следуя инструкции вождя, советская сторона с первого дня переговоров заговорила о необходимости скорейшего заключения военного союза трех стран, но все её усилия

натолкнулись на откровенный саботаж со стороны европейцев.

Вместо конкретных действий направленных против Гитлера, англичане и французы занялись обсуждением регламента, по которому они намеривались вести переговоры с русскими. Общее количество часов утренних и вечерних заседаний, они определили в 3,5 часа и ни минутой больше. К чему торопиться, если через две недели Гитлер нападет на поляков и всякая нужда в переговорах отпадет сама собой.

Выдвинутые условия были унижительными, но Ворошилов согласился на них. Отбросив в сторону уязвленное самолюбие, нарком объявил, что советская сторона готова выставить против Германии сто двадцать дивизий. Сидящий рядом с ним маршал Шапошников любезно перечислили иностранным собеседникам количественный и качественный состав этих сил, заверив их, что все они будут выдвинуты к границе в точно обговоренные сроки.

В свою очередь Ворошилов надеялся услышать аналогичный конкретный ответ от противоположной стороны, но глава делегации генерал Думенк, пустился в рассуждения. Вместо простых и ясных ответов о количестве дивизий, он заговорил о принципах, на которых объединенной Европе видится военное сотрудничество с Россией.

Главным моментом этого сотрудничества заключалось в создании против Германии двух фронтов на Западе и на Востоке. Они должны быть непрерывными и на них будут задействованы все имеющиеся у сторон силы.

От подобных слов нарком опешил. Не будучи высокообразованным дипломатом и настоящим военным, даже он понимал всю иллюзорность и расплывчатость слов Думенка.

— Понятие все имеющиеся силы — довольно неопределенно, нельзя ли уточнить их численный состав — попросил он француза.

— На сегодняшний день Франция может выставить около ста-ста десяти дивизий после объявления о мобилизации. Как видите, господин маршал, наши силы почти равны.

— Советская сторона готова выставить свои дивизии без объявления мобилизации — не согласился Ворошилов. — Прошу назвать точные данные о готовых к боевым действиям дивизиях.

— Сейчас на линии Мажино вдоль нашей границы с Германией сосредоточено общей численностью шестьдесят две дивизии. Двадцать четыре дивизии будут переброшены к границе из центральных и западных округов Франции в течение недели.

— А остальные двадцать шесть дивизий из озвученных вами сил, когда они прибудут к границе?

— Остальные дивизии будут отмобилизованы на первой стадии войны и составят второй эшелон.

— Эти двадцать шесть дивизий второго эшелона, через какой срок они будут созданы и займут свое место на фронте?

— Могу вас заверить, господин маршал, что срок будет кратчайшим — учтиво, как джентльмен джентльмена заверил наркома Думенк.

Примерно в той же манере, говорил с Ворошиловым и адмирал Дракс. Британия была готова перебросить на континент целых шесть дивизий и в кратчайший срок отмобилизовать дополнительно ещё шестнадцать дивизий из своих доминионов.

От названного европейцами 'кратчайшего срока' у наркома сводило скулы. 'Кратчайший' хорошо звучал на устах, но при подписании договора следовало указывать конкретный день от начала мобилизации или объявления войны. И могло так случиться, что проставленные там сроки англичанами и французами будут далеко не кратчайшими, в силу сложившихся

обстоятельств.

Однако это были только цветочки. Если с числом дивизий и временем Ворошилов смог получить вразумительные ответы, то по другому важному для советской стороны вопросу был полный туман.

Общей границы с Германией у Советского Союза не было и для оказания военной помощи Франции, в случае нападения на нее немцев, ему требовался проход по территории Польши или Румынии. Вопрос был очень важный, так как во многом из-за несогласия румын и поляков пропустить Красную Армию, Чехословакия была вынуждена подчиниться диктату Мюнхена.

Поясняя свою позицию, Бухарест и Варшава в один голос говорили о боязни допустить на свою территорию носителей 'коммунистической заразы', которых потом не выгонишь. Ведущие мировые державы Европы полностью разделяли их опасения. Ни одна Чехословакия не стоит целостности 'санитарного кордона' который специально и создавался отцами Версальской системы против проникновения опасных идей большевизма в свои страны.

Вопрос о проходе был очень важен но, ни одна из сторон не была готова решать его, поступившись своими принципами.

— Советской стороне очень важно знать окажет ли правительство Англии и Франции нажим на правительство Польши и Румынии, для пропуска наших войск к границе Восточной Пруссии или к другим пунктам для борьбы с общим противником? — спрашивал нарком, но не получал прямого ответа.

— Если Варшава и Бухарест не сделают этого, то они очень скоро окажутся простыми германскими провинциями со всеми вытекающими из этого последствия. Мы считаем, что они обязаны это сделать из одного инстинкта самосохранения — заверял Ворошилова Дракс.

— Польша и Румыния будут вынуждены это сделать, если СССР, Франция и Англия будут союзниками. В этом не может быть никаких сомнений, поверьте мне, господин маршал — заливался соловьем Думенк, но одних слов и заверений Климентию Ефремовичу было недостаточно. Ведь, все то, что говорил ему Дракс и Думенк по большому счету были их личные мнения, их личная позиция, но никак не позиция, а уж тем более обещания правительств Англии и Франции.

Именно это и высказал Ворошилов в лицо своим переговорщикам, но дело не сдвинулось с мертвой точки. Оба военных принялись яро уверять наркома, что сказанные ими слова полностью отображают позицию их стран и даже выражали определенную обиду на его излишнюю подозрительность и недоверие.

— Если мы будем в каждом сказанном слове видеть неискренность и обман, то стоит ли тогда вести эти переговоры. Не проще ли нам их завершить? — спросил Думенк Ворошилова, но тот пропустил его вопрос мимо ушей.

— Советская сторона настаивает на получение официального ответа от представителей Франции и Англии о возможности вступления советских войск на территорию Польши и Румынии для отражения нападения со стороны немецких войск — упрямо гнул свою линию нарком.

Вконец обиженные европейцы пообещали направить запросы своим правительствам и на этом, встреча была завершена. В ожидании ответа Парижа и Лондона прошло два дня, но к 17 августу они так и не были получены.

Узнав об этом, Ворошилов покрылся красными пятнами. Сейчас как никогда был важен ответ от европейских держав по вопросу судьбы 'санитарного кордона'. Из Берлина поступали сообщения от агентов, что немецкое вторжение в Польшу начнется в самое ближайшее время, до конца августа.

Дополнительный градус напряжения поднимало назначенное на 20 число наступление советских войск на Халхин-Голе. Впервые за все время своего существования, Красная Армия готовила широкомасштабное наступление с применением артиллерии, авиации и танков, не имея существенного преимущества в пехоте.

Чем оно закончится, провалом или победой не мог предсказать никто. Все указывало, что противник не ожидает внезапного удара по своим позициям, но могло также быть, что он вскрыл замыслы комкора Жукова и готовит его войскам коварную ловушку. Дух Мукдена и Цусимы незримо витал над советскими войсками, добавляя и без того тяжести на душе и сердце.

Первый маршал очень надеялся хоть на какой-то успех в этих переговорах, но его не было. Думенк и Дракс с деланным сожалением сообщили ему, что ответы от их правительств ими пока еще не получены.

Бурные чувства, что переполняли душу Ворошилова, были отлично видны по его лицу, но собрав волю в кулак и соблюдая дипломатический этикет, он попросил своих переговорщиков назвать точную дату, когда они ожидают получить ответы от своих правительств.

Думенк и Дракс выразили свое понимание озабоченностью господина маршала и выразили твердое убеждение, что ответы поступят в самое ближайшее время. А чтобы зря не собираться, французы и англичане объявили перерыв в работе на четыре дня, до 21 августа 1939 года.

Ход был чисто иезуитский, но Ворошилов согласился на него. Во-первых, чтобы не видеть эти лощеные лживые лица своих переговорщиков, а во-вторых, в надежде, что дело сдвинется с мертвой точки и договор будет подписан.

Двадцать первое число оказалось переломным. Не столько в том, что начатое сутки ранее наступление советских войск в Монголии застало противника врасплох и развивается успешно. Стало ясно, что англичане и французы не собираются подписывать с Москвой договор о военном сотрудничестве.

Слова генерала Думенка о том, что встреча делегаций произошла по срочному желанию маршала Ворошилова, а не из-за того, что получен ответ правительства Франции и Англии поставило жирную точку на переговорах.

— К моему огромному сожалению, я ничего не получил из Парижа, относительно вопроса о проходе советских войск по территории Польши. Я отлично понимаю нетерпение господина маршала и господина Сталина, но я ничего не могу с этим поделать. Вопрос очень сложный и мое правительство должно его всесторонне обдумать, прежде чем дать на него ответ. Прошу понять меня правильно — Думенк театрально развел руки, отдуваясь в этот день за двоих. Адмирал Дракс передал через него советской стороне, что не сможет принять участие в заседании.

Возможно, что англичанин струсил гнева Ворошилова, а быть может по привычке, подставил своего компаньона по переговорам. Все может быть, но на этом, переговоры закончились.

Француз и англичанин радостно информировали свои правительства о скором

завершении переговоров, когда Сталин нанес неожиданный удар. Плюнув на все приличия и неприличия Большой политики, он сделал совершенно неправильный ход, по мнению премьера Чемберлена, но оказавшийся единственно верным для Советского Союза.

Соблюдать верность своим идеологическим принципам большое дело, но когда на первый план выходят интересы государства ими можно пренебречь. Предчувствуя, что переговоры с французами и британцами могут окончиться ничем, Сталин через своего личного представителя в Берлине, с начала августа стал зондировать почву о заключении пакта о ненападении между Германией и СССР.

Советская сторона была единственной державой в Европе, которая не имела таких пактов с Германией. Англия, Франция, Бельгия, Италия, Венгрия, Румыния и Польша имели их, а у Москвы его не было.

Его наличие гарантировало, что немецкие и советские в случае их конфликта с третьими странами не будут втянуты в войну и решат возникшие между ними проблемы за столом переговоров.

Узнав от Риббентропа о возможности договориться со Сталиным, Гитлер обрадовался. По-прежнему считавший, что вермахту нужно нарастить мускулатуру, фюрер получал гарантии Сталина о невмешательстве в его войну с поляками и получал очень важный выигрыш по времени.

Сталин также получал гарантии, что на его западных границах уже сегодня не возникнет война, а значит, тоже выигрыш во времени и возможность смыть со своих красных знамен позор двадцатого года.

После стремительного уточнения деталей и получения письма от Гитлера с предложением о начале переговоров, нарком по иностранным делам Вячеслав Молотов передал германскому послу Шуленбургу согласие Сталина принять Риббентропа в Москве для подписания договора о ненападении. Все это было сделано в течение второй половины двадцать первого августа.

Известие о том, что Риббентроп собрался лететь в Москву, вызвало шок в Париже и Лондоне.

— Этого не может быть! Просто не может быть!! — гневался Чемберлен на чиновников, посмеявших доложить ему на ночь глядя такое известие, но это было фактом.

Растерянность и раздражение охватило британцев от осознания, что их хрустальная мечта о Большой войне на Востоке разлеталась на куски.

В отличие от своих коллег Даладье попытался не допустить подписание советско-германского договора. Поздно вечером, генерал Думенк получил телеграмму, которая извещала его о согласии Франции на возможность прохода советских войск по территории Польши.

Об этом генерал немедленно сообщил Ворошилову и попросил встречи утром 22 августа. И вновь на ней не было англичанина Дракса, что хорошо объяснялось телеграммой присланной из Лондона советским послом.

— Вчера в политических и правительственных кругах по поводу визита Риббентропа в Москву царил страх, сегодня — все в панике — написал Майский, и это было правдой. Удар, нанесенный Сталиным, был столь сокрушителен, что для англичан требовалось время, чтобы прийти в себя и вести переговоры вновь пришлось Думенку.

— Господин генерал сообщил мне, что получил ответ своего правительства по поводу нашего вопроса. Я прошу ознакомить меня с текстом этого документа. Также я хотел бы

знать, имеется ли у английской миссии ответ по тому же вопросу — голос Ворошилова звучал спокойно и размерено. Весь его вид, говорил, что наркому уже малоинтересно, что он услышит на этот раз и это вызывало страх у француза.

— К сожалению, я не имею на руках такого документа. Я только получил сообщение моего правительства, что ответ на основной, кардинальный вопрос положителен. Иначе говоря, правительство дало мне право подписать военную конвенцию — ошастливил Думенк маршала, но на его лице не появилась долгожданная радость. Все также сдержанно он спросил, согласно ли правительство Великобритании подписать военную конвенцию, чем поставил генерала в затруднительное положение.

— Я не знаю, получил ли адмирал Дракс подобный ответ от своего правительства, но я знаю, что адмирал согласен с тем, что конференция должна продолжиться — выкручивался француз и это, вызвало усмешку у Ворошилова.

— Я очень рад за адмирала Дракса, но мне нужно официальное согласие британской стороны на подписание конвенции.

— Очень может быть, что такие бумаги будут у него на руках завтра, и мы сможем подписать военную конвенцию — настаивал Думенк.

— Очень может быть — согласился с ним нарком. — Скажите господин генерал, а правительства Польши и Румынии согласны на проход Красной армии через их территорию. Ведь может получиться, что мы с вами согласуем этот вопрос, а они нам откажут, так как они не давали своего согласия на это.

Вопрос был задан напрямую, и было жалко смотреть на генерала, скромно потупившего свои очи.

— Я не знаю, какие были переговоры между правительствами, я могу сказать только то, что сказало мое правительство.

— Благодарю вас господин Думенк. Я немедленно доведу до сведения моего правительства о том, что вы мне сообщили. О времени нашей новой встречи вам будет сообщено дополнительно. Всего доброго — учтиво попрощался с французом нарком и удалился.

Финальную точку в этих переговорах ни о чем, поставил прилет Риббентропа в Москву. Там было все и торжественный прием, и визит в Большой театр и необъятный букет хризантем от рейхсминистра Улановой, и самое главное, подписание договора о ненападении.

На Спасской башне торжественно отзвонили куранты, а в Берлине немецкий фюрер поднял бокал сухого шампанского за здоровье товарища Сталина.

Глава II. Если завтра война, если завтра поход

Скверно, очень скверно обстояло дело у Советского государства в лице товарища Сталина с Рабоче-Крестьянской Красной Армией к началу 1939 года.

И дело тут было не в тех репрессиях, которые обрушились на неё стараниями наркома Ежова, что по прошествию многих лет, были квалифицированы прогрессивными историками как 'уничтожение цвета армии, избиение лучших кадров и боевого костяка'.

В действительности цвет армии был уничтожен несколько раньше, в начале 30-х годов, во время проведения чекистами операции 'Весна'. Именно тогда, органы вычистили из армии всех царских 'военспецов', руками и опытом которых и была одержана победа большевиками в Гражданской войне. И далеко не последнюю роль в этом деле сыграла плеяда 'красных Бонапартов', поднявшихся до командных высот на гребне братоубийственной войны.

С их молчаливого согласия были уничтожены талантливые люди, чье присутствие было неудобным напоминанием для красных командиров о допущенных ими промахах и ошибках при походе на Вислу, разгроме Врангеля и Деникина.

Впрочем, вскоре настал и их черед шагнуть в небытие из высоких кабинетов и просторных квартир. Дав дорогу своим же сверстникам, что вместе с ними сражались на фронтах гражданской, но только младшими командирами. Проходившие свои курсы и академии не в штабах за картами и телефонами и со смазливymi секретаршами, а в чистом поле, с шашкой наголо выполняя полученный приказ — разгромить и уничтожить врага.

Всего, в результате репрессий 37–38 года, армия недосчиталась около двух тысяч человек высшего и среднего командного состава. В сочетании с потерями от 'Весны' ущерб был чувствителен, но по большому счету не смертельный. Любого человека можно научить, с любого человека можно спросить — как учил товарищ Маркс и завещал великий Ленин. Беда таилась в другом.

Столкнувшись с делом Тухачевского и вникнув в реальное положение дел в армии, Сталин ужаснулся. Не все было гладко в 'датском королевстве', очень многое не соответствовало тем бравурным заверениям военных о силе РККА и их докладам об успешнo проведенных военных учениях. Очень многое не совсем соответствовало действительности. Соединения плохо ориентировались на местности, запаздывали с выполнением маневра, связь осуществлялась по телефону или через делегатов связи.

По своей боевой подготовке Красная армия мало чем отличалась от рейхсвера начала тридцатых годов, находившегося под всевозможными санкциями Версальской системы. Последнее боевое крещение её соединения приняли в 1929 году в боях на КВЖД с белокитайцами, противником не очень сильным и имевшим на своем вооружении устаревшие образцы оружия и техники.

Первое боевое столкновение с японцами на озере Хасан, а также бои в Испании с итальянцами и немцами, показали, что Красная армия не умеет воевать в современных условиях и её вооружение уступает оружию её потенциального врага.

Смелость, храбрость и злость к врагам Советского государства у бойцов Красной армии имелось в избытке, но не было знания и опыта как бить врага не числом, а умением. Молодежь рвалась на танки, самолеты, корабли, за пулеметы и винтовки, но в стране не было всеобщей воинской повинности. Армия была, но она была малочисленна по сравнению с армиями своих потенциальных противников. Но если с опытом и численностью ещё можно что-то было сделать, то с вооружением дело обстояло очень плохо.

Технический прогресс в области вооружения за несколько лет превратил все вооружение Красной армии из передового в морально устаревшее.

Так огромные бомбардировщики, краса и гордость Страны Советов ТБ-3, которым завидовали чехи и поляки, итальянцы и французы, превратились в неповоротливых тихоходов, легкую добычу вражеских истребителей.

Все советские самолеты в основном имели фанерную обшивку, тогда как противник перешел на создание цельнометаллического моноплана. Боевое столкновение советских 'чаек' и 'ишаков' в небе Испании показали преимущество над ними немецкого 'мессершмитта'. Достойным ответом противнику мог бы быть поликарповский И-180, но конструктору никак не удавалось запустить его в серию.

Также бои в Испании показали уязвимость от огня немецких противотанковых орудий, любимого детища маршала Тухачевского легких танков Т-26 и БТ-5. Именно их легендарный маршал хотел видеть на вооружении у РККА, числом не меньше тридцати тысяч машин. На них он делал ставку в будущей войне и при этом оставил армию без средних и тяжелых танков. Товарищ Сталин дал задание конструкторам, но быстро создать хорошую машину также невозможно, как и родить ребенка за три месяца.

Прогрессивное стремление Тухачевского вооружить Красную армию безоткатными орудиями и попытки создать универсальную пушку, сочетающую в себе функции зенитки и полевого орудия, привели к тому, что к концу тридцатых годов она оказалась без дивизионной и корпусной артиллерии. В опале и забвении находились минометы громко сказавшие свое слово на полях Первой мировой войны, автоматическое оружие наработки по которому у русских оружейников имелись давно, а также радиосвязь.

Много проблем оставил товарищ Тухачевский с компанией в наследство сменившим его людям. Все они, конечно, были разрешимы, но для этого требовалось время, которого у товарища Сталина было в обрез. События в Испании, Чехословакии и Маньчжурии в один голос твердили, что большая война уже не за горами.

Необходимо было увеличивать численный состав Красной армии. Создавать новые полки, дивизии, бригады и корпуса, вдыхать жизнь в виде людей, техники и командиров. Чтобы пока ещё существующие исключительно на бумаге формирования, как можно скорее обретали черты полнокровных соединений.

Для решения этой задачи с 1939 года была введена всеобщая воинская обязанность, под которую попадали не только лица, достигшие 18-го возраста, но и старшего возраста, согласившиеся служить в рядах РККА.

Вот под этот призыв и попал уроженец города Покровска, а ныне Энгельса, волжанин Любавин Василий Алексеевич. Двадцати пяти лет отроду, русский, холостой, член ВЛКСМ не состоявший, не привлекавшийся, закончивший Саратовский пединститут и трудившийся в одной из школ родного города.

С большим увлечением преподавал географию и историю, пользовался любовью у своих учеников, но когда в апреле 1939 года пришла бумага из военкомата и дирекции, пришлось

выбирать между математиком, физиком и трудовиком, в ряды Красной армии был отправлен именно он. Все они были давними членами педагогического коллектива, добились определенных заслуг и имели семьи, в противовес молодому и неженатому человеку, трудившемуся учителем всего третий год. Какие тут могут быть разговоры? Пусть сходит, послужит три года и вернется в трудовой коллектив.

Решение директора застало Любавина врасплох, спутав все его жизненные планы и намерения, но по большому счету не сильно огорчило. Как настоящий комсомолец, воспитанный на героическом примере предыдущего поколения, он с готовностью направился в военкомат отдавать долг Родине.

Быстро пройдя докторов и получив справку о годности, он оказался у военкома, вместе со своим тощим личным делом. Готовясь к разговору с военкомом, он уже подготовил речь с просьбой направить его на флот. Из-за роста в метр восемьдесят шесть, Любавину была закрыта дорога в авиацию и танковые войска, артиллерию он терпеть не мог и из всех остальных, престижных видов армии оставалась лишь кавалерия и флот, в пользу которого Василий и сделал свой выбор.

Он уже расправил плечи и, набрав в грудь воздуха, приготовился излагать военкому свою просьбу, но тот неожиданно предложил ему сесть. А когда Любавин сел, попросил рассказать о себе.

— Так чего говорить, в деле все написано — удивился про себя Василий, но чтобы завязать дружественные контакты с военкомом и получить его согласие на зачисление во флот, стал неторопливо излагать свою короткую биографию.

Его собеседник внимательно слушал, а когда Любавин заговорил о своей профессии, то неожиданно спросил.

— А какую историю вы преподаете? Да, разную историю, товарищ военком. Сначала преподавал историю средних веков, а с прошлого года поручили вести историю древнего мира.

— Интересный предмет?

— Очень. Так много интересных вещей есть в этом предмете, которые считают напрасной тратой времени.

— Правда? — удивился военком.

— Конечно. Вот, например история восстания рабов под руководством Спартака, про которого великий итальянский писатель Джованьоли написал роман. Два года он воевал с римлянами, гоняя он их непобедимые легионы по всей Италии, пока не погиб в неравном сражении с Крассом и Помпеем. И знаете, что самое интересное, он ведь мог победить. Плутарх об этом прямо пишет — увлеченно говорил педагог.

— Так вы читали Плутарха?

— А как же. Как можно говорить о Спартаке, Ганнибале, Александре Македонском, Юлии Цезаря только по одному учебнику. Там всего пара строчек, а детям нужно рассказа полнее и развернуто, интересно. Учебник они и без меня прочитают.

— Что-то у вас история с уклоном в военную сторону. Юлий Цезаря, Македонский — упрекнул учителя военком, но тот с ним не согласился.

— Почему военный уклон? Цезаря был писателем, написал свои 'Записки' и выпустил первую в Риме газету. Македонский создал лимонад и мороженое, отправил в плавание вокруг Индии Неарха.

— А ещё великий Архимед, кроме открытия физических законов изобретал металлические

машины типа баллист и катапульт. Так? — военком хитро подмигнул Любавину.

— Да верно, только вы ещё забыли упомянуть зеркала, которым он сжег римский флот — обрадовался Василий появившейся возможности перевести разговор в нужное русло, но военком опередил его.

— Древняя история это дело хорошее, но у нас Василий Алексеевич своя история. В мире не спокойно. Немцы под себя Чехословакию с Австрией подмяли, Муссолини захватил Эфиопию, японцы на границе Монголии безобразничают. Непростое положение, сложное. Для того чтобы можно было дать всей этой нечисти отпор, нужна крепкая, хорошо образованная армия, иначе они полезут к нам, на наши родные просторы. Одним словом, мы решили направить тебя на учебу в Могилевское пехотное училище, на трехмесячные командирские курсы. Командиры нам сейчас вот как нужны — военком приставил ребро ладони к горлу, — особенно такие грамотные и умные как ты.

— Да, я на флот хотел — заикнулся, было, Любавин, но военком в ответ только решительно покачал головой.

— Флот — это конечно дело хорошо. Адмиралу Ушаковы и Нахимовы, Лазаревы и Беллинсгаузены, но сейчас главным театром военных действий для нас является суша. Здесь мы будем стоять насмерть, чтобы сдержать вражескую силу на границе, чтобы ни одна сволочь не посмела зариться на нашу землю. Все ясно? — военком требовательно посмотрел на наголо стриженую голову Любавина, которой тот, молча, покачал ему в ответ.

— Ну, раз вопросов нет. То через два дня, в девять часов утра жду вас с вещами, товарищ курсант — усмехнулся собеседник и пожал руку теперь уже бывшему педагогу.

Ускоренные командирские курсы, пролетели как одно мгновение. Большинство его товарищей по казарме были заметно младше его, и это, давало ему малое, но все же превосходство. Неторопливый и рассудительный, с математическим складом ума, Любавин заметно отличался от тех, кто, различными путями попал на командные курсы.

Будучи высоким ростом, он всегда находился на правом фланге построения и о его голову, с легким прищуром глаз постоянно цеплялся взгляд начальника курсов при принятии решения кого послать с тем или иным 'ответственным' заданием.

В отличие от других курсантов, Любавин не стремился с блеском в глазах лихо козырять начальству и очертя голову бежать исполнять порученное ему задание. Перед тем как приступить к их выполнению, он сначала определял, что и как будет делать и только потом, приступал к исполнению приказа.

Спокойный и исполнительный волжанин, сразу обратил на себя внимание начальника курсов. Имея всегда отличные показатели по учебе, он хорошо руководил порученным ему отделением и был аттестован командованием с самой лучшей стороны.

В конце августа они приняли присягу и вместе с ней получили малиновые командирские петлицы с двумя маленькими кубарями. У всех было приподнятое настроение, сообщения Дальнего Востока вселяли уверенность, что очень скоро там все закончится нашей победой. Некоторые горячие головы сожалели, что не успеют сразиться с японцами, как вдруг полыхнуло совсем рядом с Могилевом, по ту сторону границы.

В полк, в который прибыл Любавин для прохождения службы, все только и говорили о событиях в Польше. Что там творилось, никто точно не знал. Все как один твердили о сложной обстановке, о боях с переменным успехом и ничего конкретного, больше чем сообщал ТАСС.

По общему мнению, немцам предстояла трудная кампания, а особо продвинутые

знатоки предрекали второе 'Чудо на Висле'.

— Уж больно драчливы они эти поляки. Любят саблями помахать, да и не оставят их англичане и французы один на один с 'германом', как не оставили во время нашего похода на Варшаву. Уже войну Гитлеру объявили, значит, со дня на день начнут свое наступление на границе, и немцы завязнут в войне на два фронта. Как это немецкие генералы не учли такой элементарной вещи? — искренне удивлялись предсказатели.

Так прошли первые дни, но затем настроение в полку изменилось. Сначала в полголоса, осторожно, стали говорить, что немцы бьют поляков и бьют крепко. Никто не знал, что на севере Польши, так называемый 'польский коридор' уже прорван совместными ударами из Померании и Восточной Пруссии, и вольный город Данциг уже взят.

Что под Ченстоховом немцы совершили глубокий прорыв и их танковые соединения вышли в тыл польским армиям 'Познань' и 'Лодзь' и рвутся к Варшаве. Что славные польские жолнежи гибнут, не успев занять рубежи обороны, а если успевали это сделать, то оставались без поддержки и прикрытия со стороны соседей.

Польская авиация, хотя и успела рассосредоточиться по полевым аэродромам и успела избежать уничтожения от бомб немецких самолетов, но серьезно уступала по своей силе противнику.

Ничего этого не было известно, но пришедший 8 сентября приказ о приведении полка в полную боевую готовность говорил о многом.

Теперь уже завзятые знатоки в полголоса говорили о скором наступлении французских войск к Рейну.

— Зря они позволили Гитлеру вернуть себе Рейнскую область. Ведь как было удобно, чуть что и прямой удар по Берлину, Гамбургу и Мюнхену. А теперь им столько лишних километров идти придется — говорили они, совершенно не подозревая, что французский главнокомандующий генерал Гамелен совершенно не собирается начинать войну с немцами, бессовестно кормя поляков очередными 'завтраками'.

Не отставали от своих французских коллег и британские военные. Начальник имперского генерального штаба генерал Айронсайд выражал главе польской военной миссии в Лондоне самые искреннее сочувствия 'мужественному польскому народу', но дальше слов дело не шло. На просьбу поляков оказать незамедлительную военную помощь истекающей кровью стране, генерал честно признался, что британская армия не может расплыть свои силы необходимые для решительных действий и посоветовал полякам как можно быстрее начать закупку оружие у нейтральных стран.

На фоне недавних заверений Чемберлена о том, что Запад не оставит Польшу в случае начала войны с Германией цинизм был ужасающий, но несмотря на это, поляки продолжали упрямо твердить, что Англия и Франция им помогут. Ведь точно известно, что рейнский заслон вермахта состоит только из тридцати одной дивизии.

Все главные силы немцев находятся на востоке и достаточно только одного удара, чтобы натиск немцев ослаб, и они начали в спешке перебрасывать свои дивизии на запад. Всего только один удар и Польша спасена.

Так говорили поляки, несмотря на то, что танковые клинья вермахта уже выкатились к Модлину, Варшаве, Демблину, Кракову и Тарнуву. Только тогда, для соблюдения приличия и чистоты мундира 9 сентября французы силами десяти дивизий перешли границу в районе Саара и заняли предполье линии Зигфрида на глубину от трех до восьми километров. После этого, посчитав свой долг перед мнением общества исполненным, 12 сентября объявили о

прекращении своего наступления.

Действия французов никак не сказались на темпе наступления вермахта, на востоке. Наткнувшись на очаг сопротивления польских войск, немецкие моторизованные соединения либо обходили его с фланга, либо, создав численное превосходство, его уничтожали. Отчаянно сопротивляющиеся поляки пытались наносить противнику контрудары, но у них ничего не получалось. Танковые ролики Гитлера уверенно катили на восток, через Лодзь и Белосток охватывая своим клещами Варшаву.

К 16 сентября они вышли на линию Белосток, Брест, Львов и, повернувшись на запад стали добивать остатки польской армии в Варшаве и на юге Польше. До 26 сентября шли бои в районе Томашув-Любельски. Только 28 сентября немцы смогли добиться капитуляции столицы Польши, на два дня дольше продержался Модлин. Самым последним сложил оружие гарнизон полуострова Хель. Это произошло 2 октября, а уже шестнадцатого сентября правительство Польши бежало из страны в Румынию, приказав гарнизону Варшавы держаться и ждать прихода помощи от союзников.

Эти события застали Василия Любавина в украинском городке Жмеринка, в район которой был в спешном порядке переброшен его полк. В ночь с 16 на 17 сентября в полку был зачитан приказ о переходе границы с целью недопущения порабощения немцами братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии.

— Вот уже почти двадцать лет страдают эти братские нам народы под пятой польских помещиков и капиталистов! Не сумев решить свои внешние проблемы, правительство панской Польши не смогло защитить свои границы и трусливо бежало из страны. Оно полностью обанкротилось и тем самым предало руководимые им народы. Советское правительство не может остаться в стороне и спокойно наблюдать за всем тем, что творится на восточных землях своего соседа. Поэтому сегодня мы отправляемся в Освободительный поход, чтобы защитить наших братьев украинцев и белорусов, открыть им дорогу в светлое сегодня — надрывались на митингах комиссары, разъяряя простому народу политику партии и правительства.

Больших и серьезных столкновений с польскими прикордонными войсками не было. Лишь в некоторых местах по перешедшим границу советским войскам открывали огонь польские пограничники, жандармы и осадники, вооруженные польские колонисты получившие землю от правительства для скорейшей 'полонизации' восточных земель.

Именно они встречали огнем непрошенных гостей, но пулеметы бронемашин и орудия легких танков быстро приводили их в чувство. Случаи огневого контакта на границе были единичными, разрозненными, поляки просто не ожидали от своих соседей таких действий.

Куда больше желающих пострелять оказалось в Тернополе, оказавшемся на пути следования Восточной группы войск, куда влился полк Любавина. Здесь стреляли много и от души, но организованного сопротивления 'большевистским хамам' не было. На все запросы прикордонников 'что делать?', высокое начальство сначала молчало, так как до него было невозможно дозвониться или связаться по радио, а затем отдало приказ войскам огня не открывать и отводить войска в Румынию.

Для зачистки Тернополя от 'бандитского элемента' были брошены подразделения 5-й дивизии, с приказом комкора Голикова как можно быстрее навести в городе порядок. Все остальные силы были брошены к Львову, к этому времени находившемуся под угрозой окружения двумя немецкими дивизиями.

Львов — был главным призом освободительного похода группировки войск

Украинского фронта. Дубно, Ровно, Луцк и Галич были не так важны для Сталина, Ворошилова и Тимошенко как Львов. Город до которого двадцать лет назад почти дошли войска Первой конной армии и были вынуждены отступить из-за неудач Тухачевского под Варшавой. Для них он был чем-то сродни первой любви, которая отказала, но про неё не забыли и при удобном моменте были не прочь восстановить 'статус-кво'.

Для его скорейшего захвата под носом у немцев из частей 2-го кавкорпуса были созданы подвижные сводные группы. Они состояли из легких танков и посаженных на них спешившихся кавалеристов. Своих пехотинцев корпус не имел, а ждать подхода стрелковых соединений имея на руках грозный приказ наркома, взять Львов как можно скорее, Голиков решил сымпровизировать.

Переправившись через реку Серет, группа комбрига Шарабурко устремились по направлению к Львову, беря в плен, оставших от своих соединений поляков и пугая мирных обывателей.

Ударная подвижная группа хорошая для первого, внезапного удара. Чтобы как гром среди ясного неба упасть на голову противнику, ошеломить, напугать его, но чтобы закрепить достигнутый успех или подавить оказавшего сопротивление врага, нужна пехота. Её усердно гнали вслед комбригу рядами и колоннами, где на машинах, а большей частью 'на своих двоих', по дорогам Западной Украины, что заметно отличались от остальных дорог Польши. По этой причине они оказались полностью забитыми и солдатам, приходилось двигаться на Львов по второстепенным дорогам.

По одной из таких дорог двигался батальон капитана Гусыгина, в состав которого входил взвод лейтенанта Любавина. Едва расцвело батальон начал движение в стороне от основной дороги на Львов. Кухня как всегда отставала, и весь завтрак солдат составлял отваренные початки кукурузы, конфискованной воинами освободителями с панских полей.

Прискакавшие на лошадях делегаты связи привезли капитану новый приказ комполка подполковника Бородавко, мало чем отличавшийся от вчерашнего. Командование требовало скорейшего выхода к новому рубежу и при этом ставило нереальные сроки.

Причиной этой нервозности был тот факт, что за ночь группа комбрига Шарабурко сумела достичь Львова, но получила от поляков по зубам. Стоявшая в городе польская артиллерия открыла огонь по попытавшимся ворваться в город советским танкам. В ходе боевого столкновения две машины были подбиты и комбриг, вынужден был отойти.

С рассветом, комбриг стал склонять поляков к капитуляции, но те упорно 'тянули резину' не говоря, ни да, ни нет. Комендант города согласился сложить оружие, но только после консультации с командованием. На это ему было дано четыре часа, после которого комбриг пригрозил начать штурм Львова.

Назначенное время ещё не истекло, как в дело вмешались немцы, что полукругом охватывали Львов. Силами двух батальонов при поддержке роты танков, они попытались захватить восточный пригород Львова и замкнуть кольцо. Между советскими и немецкими войсками произошло боевое столкновение, после которого немцы отошли на занимаемые позиции, но советская сторона потеряла две бронемшины и один танк.

Все эти события значительно повысили градус накала. Начались переговоры теперь с немцами, которые тоже не говорили, ни да, ни нет, обещая связаться с командованием.

В этих условиях как никогда требовалось присутствие пехоты, которое если не сняло бы вопросы, то помогло их быстрому разрешению. Киев немедленно разродился грозными приказами корпусам и дивизиям, а те в свою очередь полкам ускорить переброску пехоты.

При этом стоило указать на одну очень важную деталь. Несмотря на торжественные доклады и заверения наркомму о полной боевой готовности войск округа к походу, полного укомплектования соединений согласно штату военного времени не было и в помине. В течение всего похода войска получали пополнение, но так и не достигли нужной численности.

Для скорейшего выполнения приказа штаба округа, в пехотные подразделения были направлены наблюдатели, быстро получившие название 'толкачи'.

Одним из таких наблюдателей был комдив Рокоссовский. Проведя два с половиной месяца на отдыхе в санатории, он вновь оказался на действительной военной службе. Первоначально предполагалось направить его к прежнему месту службы, но события на Украине резко изменили эти планы.

Дать ему сразу под командование дивизию или корпус было невозможно в связи с отсутствием таковых. Пока они числились только на бумаге и едва начали обретать свои контуры. Кроме того продолжал играть свою отрицательную роль 'польский литер'. Сам Ежов, придумавшего и пустивший его в дело уже был арестован и давал признательные показания по поводу своей вредительской деятельности, но литер никто не отменял.

О нем не говорили, но он незримо присутствовал при принятии кадровых решений. Да, реабилитирован, да восстановлен в звании, но кто его знает, вдруг вспомнят о неотмененном приказе и тогда спросят по всей строгости.

Так назначение комдива повисло в воздухе, и он был временно прикомандирован в штаб Киевского Особого Военного округа в распоряжение командарма Тимошенко. Тот хлопотал за Рокоссовского, когда он был в гостях у Николая Ивановича и с радостью взял его к себе, не взирая, на осторожный шепоток кадровиков. Один толковый и грамотный командир в сто раз нужнее и полезнее на поле боя десятка исполнительных исполнителей, приказов командования.

С одним из таких исполнителей, комдив столкнулся, занимаясь 'проталкиванием' пехоты к Львову. Отказавшись от положенной ему как наблюдателю машины, отличный кавалерист предпочел ей коня, которого не надо было заправлять бензином, и он мог пройти по любой дороге. Будь это шоссе или залитая водой грунтовка.

Узнав от командарма 2 ранга Городовикова о положении под Львовом, он немедленно выехал в войска и ближе к обеду натолкнулся на одну из пробок на дорогах войны.

В отличие от других вызванных непродуманными действиями командиров и ужасным состоянием дорог, эта пробка возникла в результате вооруженного сопротивления польских военных.

Засев в одном из местных фольварков, они огнем из пулеметов и ружей не позволяли продвинуться по проходящей вблизи его дороге целому батальону. Главные очаги сопротивления были каменные сараи и бетонная силосная башня, что в сочетании с открытой местности делали невозможным их быстрое подавление.

Первыми на фольварк натолкнулась группа солдат выполнявших роль головного дозора. Попав под единичный огонь засевших за каменными стенами сарая поляков, они доложили комбату Гусыгину о малочисленности солдат противника.

Привыкший к подобным одиночным очагам сопротивления, тот приказал командиру первой роты Зорькину выбить 'польскую сволочь' из сараев и обеспечить батальону скорейший проход мимо фольварка.

В том, что эта 'сволочь' умеет кусаться и кусаться очень больно выяснилось очень

скоро, когда наступающие цепи роты попали под огонь сразу двух пулеметов и целого взвода стрелков. Попав под шквальный огонь противника, солдаты дружно попадали на землю или разбежаться в поисках укрытия.

Видя, как солдаты роты проявляют неподобающую советскому воину освободителю трусость, политрук Заворохин попытался поднять их в штыковую атаку, чтобы быстрым и смелым ударом выбить окопавшуюся в фольварке панскую контрреволюцию.

Перебегая от одного лежавшего солдата к другому, он яростно размахивал револьвером и указывал им, куда следует бежать в атаку. В порыве чувств он схватил одного солдата за ворот гимнастерки и приподнял упирающегося парня. Неизвестно чем все закончилось бы дальше, но пулеметная очередь, прозвучавшая со стороны фольварка, прошила несчастного солдата насквозь и ранила неистового политрука в левое бедро. Оба тела рухнули на землю и словно по неведомой команде солдаты стали поспешно покидать поле боя.

Итогом встречи освободителей с хозяевами местных земель стало семь человек убитых и восемнадцать раненых, среди которых был сам Зорькин. Когда Гусыгину доложили об этом, капитан помертвел лицом, а затем разразился отборными проклятьями в адрес проклятых белополяков.

Ругал он их искренне, но его крики не отменяли приказ командования идти на Львов. Обходить ошестинившийся огнем фольварк означало потерять несколько часов, а это значит не успеть выйти вовремя к назначенному командованию рубежу.

Необходимо было любой ценой подавить сопротивление противника и капитану предстояло определить эту цену.

Определенную помощь батальону помогли две бронемашины, нагнавшие его по пути следования. Огонь их пулеметов несколько сократил численность защитников фольварка и даже привел к молчанию один из пулеметов. Но когда по приказу комбата солдаты вновь поднялись в атаку оба пулемета, дружно встретили их огнем.

Если бы бронемашины двигались вместе с пехотными цепями, они возможно бы заставили противника умолкнуть, но этого не случилось. О совместных действиях пехоты и бронемашин двадцатидевятилетний капитан слышал только краем уха, но вот как проводить их это он представлял слабо. К тому же у бронемашин вот-вот должно было кончиться горючее, и экипажи машин боялись застрять посреди дороги.

От новой неудачи и новых потерь Гусыгин окончательно скис. Настоящая война разительно отличалась от тех маневров, в которых он участвовал прежде. За два года пройдя путь от командира роты до командира батальона, он так и остался хорошим исполнителем чужих приказов и не более того.

С хорошей анкетой и показателями строевой и политической подготовки, он прекрасно подходил на должность комбата в мирное время, но совершенно не годился в военное. Оглушенный и испуганный неудачей, он никак не мог принять самостоятельного решения относительно судьбы вверенных ему триста с лишним людских жизней.

Отправив в полк нарочного с докладом о боевом столкновении с поляками, он с ужасом ждал решение комполка и ничего хорошего в нем для себя не видел. Единственным выходом до того, как начальство примет свое грозное и скорее всего карающее решение, капитану виделся штурм фольварка всеми силами батальона. На это его настраивал неутомимый политрук Заворохин, дожидавшийся отправки в медсанбат.

— Только смелые и решительные действия смогут смыть ту постыдную трусость, которой покрыли себя солдаты из роты старшего лейтенанта Зорькина! Под прикрытием

огня бронемашин смело атаковать позиции врага и выбить их из укрепления — вещал недостреленый политрук и комбат был в принципе с ним согласен. Но при этом, он хорошо понимал, что батальон понесет ощутимые потери и за них в первую очередь спросят с него, а не с Заворохина. Поэтому, для прикрытия своей спины, он приказал собрать совещание командиров батальона, чтобы принять нужное решение коллегиально.

Капитан был полностью уверен, что с помощью Заворохина сумеет получить согласие на штурм, но неожиданно для себя встретил энергичное сопротивление со стороны Любавина.

— Бросать батальон на неподдавленные огневые точки врага — это неоправданный шаг, товарищ капитан. Батальон будет вынужден атаковать в лоб, и понесет большие потери. И не факт, что сможет выбить врага из укрепления, слишком много необстрелянных бойцов.

— Вы трус, Любавин! — взвился Заворохин, — только после вашего самовольного взятия на себя командования ротой, вместо того чтобы продолжить наступление бойцы стали отступать! Ваши действия недостойны звания советского командира.

От столь грозного обвинения, все командиры взводов мгновенно притихли, а некоторые стали отодвигаться в сторону от лейтенанта. Момент был не из приятных, но Любавин и думал пугаться.

— Если бы я не дал команду на отход, противник фланговым огнем все роту бы выкосил. А команду над ротой я принял согласно Уставу в связи с выбытием из строя командира роты.

— Ваше действие по Уставу не оправдывает вашей трусости. Надо было быстрее атаковать, а не рассуждать!

Политрук попытался развить свою любимую тему, но его помешало появление врача. По настоянию медика Заворохин покинул военный совет.

С его удалением обстановка моментально разрядилась и у командиров рот и взводов прорезался голос. Многие согласились с мнением Любавина, что атака приведет к большим потерям.

— Может, стоит под прикрытием пулеметов бронемашин послать несколько солдат с гранатами, чтобы они подавили пулеметные гнезда врага — предложил комвзвода Нефедов и Гусыгин моментально загорелся этой идеей.

— Верно, пустим несколько солдат, кто-то из них доберется и уничтожит пулеметы поляков — он обвел взором офицеров, как бы спрашивая их согласия, но Любавин вновь был иного мнения.

— Неизвестно, сколько боезапаса осталось у пулеметчиков бронемашин. Очень может быть, что в самый нужный момент, люди останутся без прикрытия.

— Это война, лейтенант. Здесь приходится рисковать жизнью ради выполнения боевого приказа.

— Если это приказ, то прошу об этом объявить официально. А если это обсуждение задачи, то это предложение сильно рискованное. Я считаю, что следует подождать подхода танков. Со слов командира бронемашин они шли следом за ними и скоро должны подойти. Их орудия подавят пулеметы поляков, и мы сможем продолжить движение.

— Но танков нет, и неизвестно когда они будут!

— Значит надо послать на их поиск разведчиков и привести их сюда — настаивал Любавин, но командный голос из-за спины, разбил все его надежды.

— Танков долго ещё не будет. У одного кончилось горючее, а у второго поломка

двигателя. Я встретил их на дороге в десяти километрах от вас и могу честно сказать, что на их орудия рассчитывать не стоит — произнес рослый комдив, неизвестно как очутившийся в этом месте.

— Товарищ комдив! — Гусыгина как пружиной подбросило при виде высокого начальства, — во время выполнения приказа командования батальон встретил серьезное сопротивление со стороны поляков засевших в фольварке и огнем своих пулеметов мешающих нашему продвижению на Львов. В настоящий момент производится постановка задачи командирам подразделений о штурме силами батальона вражеских укреплений.

Все это было произнесено испуганным комбатом, страстно пожиравшим глазами Рокоссовского.

— Сколько пулеметов у противника?

— Два, товарищ комдив. Оба расположены по флангам, но мы нейтрализовать их во время атаки огнем двух бронемашин.

— И сколько человек после этого штурма вы намерены привести к Львову. Сто? Сто пятьдесят? Пятьдесят? Сколько — в лоб спросил комдив Гусыгина.

— Мы рассчитываем послать впереди цепей бойцов с гранатами, которые подавят огневые точки противника, и мы возьмем фольварк — попытался выкрутиться капитан, но комдив не согласился и с этим вариантом.

— И как много времени вам понадобится для этого. Час, два, три?

От столь конкретных вопросов комбат увял и тут в разговор вмешался Любавин.

— Разрешите обратиться, товарищ комдив — попросил он Рокоссовского.

— Лейтенант Любавин. Согласно карте здесь в стороне есть овраг, по которому можно попытаться обойти фольварк и ударить в тыл противнику.

— Какая карта!?! Вы, что, белены, объелись, Любавин!?! У нас нет карт этой местности! Только в штабе полка или дивизии! — взорвался в праведном негодовании Гусыгин, но комдив взмахом руки прервал его гневную тираду.

— Что за карта, лейтенант? Откуда?

— Это польская карта, товарищ комдив. Она изъята мною у офицера, которого мы вчера пленили вместе с группой солдат за рекой Серет — Любавин достал карту из планшета и протянул её комдиву.

— Вы знаете польский? Без знания языка в карте трудно разобраться, особенно с второстепенным направлением.

— Нет, товарищ комдив, польский не знаю, но у меня были хорошие учителя по географии. Трудно было, но разобрался — честно признался лейтенант.

— Так быстро? — усомнился комдив.

— Так ведь я над ней весь вечер корпел, было время расколдовать.

— Молодец. Как зовут?

— Любавин Василий Алексеевич.

— Так вот, что товарищ Любавин. Вы эту карту нашли, вам и проверять ваше предложение. Пошлите бойцов в разведку и пусть они узнают, насколько карта соответствует истине. На все у вас час, — комдив посмотрел на циферблат часов, давая лейтенанту возможность сверить свое время со временем командира. — Через час жду вас с докладом. Все ясно?

— Так точно, товарищ комдив — Любавин козырнул и, взяв карту, отправился исполнять приказ.

— Но, товарищ комдив, мы и так много времени потеряли, теперь ещё час — занял Гусыгин, но его опасения были напрасными

— Не беспокойтесь, по поводу этой задержки я дам разъяснения товарищу командарму — успокоил его комдив. Весь отпущенный им час, Гусыгин провел как на иголках. Он волчком крутился вокруг комдива, который вместо того, чтобы сидеть в тени и ждать донесения, стал знакомиться с батальоном капитана. Неторопливо прохаживаясь от одной группы бойцов к другой, он спрашивал, какие потери, как давно они идут, кормили ли их сегодня, каково у них настроение и многое другое, что, по мнению капитана, ему было знать необязательно.

При этом было видно, что комдива действительно интересуют солдатские ответы и спрашивает он не для проформы.

Рокоссовский пробыл в батальоне до самого конца. Дождался, пока не вернутся разведчики, сделал замечание Любавину, что тот не имел права, исполняя обязанности комроты лично идти в разведку.

— Такая оплошность мало простительна сейчас и совершенно непростительна во время большой войны. Запомните это крепко, лейтенант — наказал комдив к тайной радости Гусыгина. Затем приказал Любавину взять свой взвод, и скрытно обойдя фольварк атаковать противника с тыла.

Комбат ожидал, что лейтенант попросит заменить его, но к его удивлению Любавин согласился и ещё поблагодарил за оказанное ему доверие.

Когда в небо взвились две белые ракеты, обозначающие начала атаку, комдив приказал броневикам вести непрерывный огонь по фольварку, а затем, выждав несколько минут, бросил в атаку роту старшего лейтенанта Хлебовского.

Двойной удар сломил сопротивление противника, и дорога на Львов стала свободна.

Храбрецам часто везет. Не стал исключением и случай с лейтенантом Любавиным. При осмотре захваченного фольварка, солдаты обнаружили две заправленные грузовые машины. С разрешения комдива они были конфискованы и, посадив на них солдат, лейтенант не только с лихвой наверстал отставание выдвижения батальона, но уже к вечеру прибыв к пригороду Львова, где шла интенсивная перестрелка.

Стреляли, правда, между собой немцы и поляки. Первые попытались вступить в город, а вторые, получив подкрепление в виде войск, полковник Соснковского, пытались прорвать окружение и уйти в Румынию.

Ни те, ни другие к вечеру 20 сентября особо не преуспели в своих намерениях, к огромной радости командования Украинским фронтом, успевшего подтянуть и нарастить свою ударную силу под Львовом.

Для переговоров с немцами прибыл комбриг Яковлев, потребовавший полного отвода немецких войск от Львова. Для считавших Львов своей законной добычей немецкого генерала Бейера это требование было неприемлемым, но звонок из ставки ОКХ, заставил их подчиниться.

В ночь с 20 на 21 сентября немцы покинули свои позиции, которые немедленно были заняты советскими войсками, маскировавшие свои действия артобстрелом Львова. Утром, к генералу Сикорскому прибыли советские парламентарии с предложением о сдаче города, в связи с его полным окружением советскими войсками.

Весь день прошел в интенсивных переговорах с Варшавой, которая разрешила генералу Лянгнеру действовать по собственному усмотрению. И к вечеру господин генерал решил,

подписав 'Протокол сдачи города Львова'. Согласно ему польские войска 22 сентября оставляли город. При этом офицеры получали гарантии личной свободы и личной неприкосновенности, а также возможность выехать в Румынию или Венгрию по своему выбору.

Решение генерала было воспринято в войсках и жителями города неоднозначно. Многие были против передачи Львова большевикам, и их несогласие проявилось в вооруженном противостоянии с 'освободителями'.

После того как поляки стали складывать оружие и сдаваться в плен, советское командование решило провести парад победителей по улицам Львова, но с торжеством пришлось несколько повременить. При вступлении в центральную часть города, советские подразделения были остановлены огнем со стороны баррикад с засевшими за ними поляками, отказавшихся признать сдачу города.

Около часа, они оказывали упорное сопротивление не жалея патронов, пока подошедшие танки Т-28, не разнесли баррикады и их защитников огнем своих орудий. Также при помощи пушек, но только танков БТ-5 были уничтожены стрелки, засевшие на крышах некоторых львовских домов и на колокольнях костелов.

В отместку за пролитую кровь своих товарищей, солдаты схватили группу сдавшихся в плен жандармов и расстреляли их у одной из рогаток города. Поляки пытались протестовать, но все было бесполезно. До самой ночи польский город Львов стрелял и сопротивлялся, прежде чем заснуть и проснуться советским городом.

Глава III. Бойтесь данайцев дары приносящих

Сэр Невилл Чемберлен очень болезненно переживал пощечину, которую ему нанес Вячеслав Михайлович Молотов, подписав договор о ненападении с Германией. Если бы не его аристократическое воспитание, он бы сбросил с себя островную сухость и чопорность, и дал волю чувствам.

Возможно, что он не кричал бы, не падал на ковер и не стучал по нему ногами. Возможно, это была бы какая-то иная форма проявления гнева, но с молодых ногтей воспитанный в том, что другой не должен видеть твоих эмоций, Чемберлен стоически переживал свою неудачу, а она была огромна.

Не каждый день с грохотом рушатся имперские проекты, на реализацию которых было потрачено столько сил, времени и средств. Проект, который должен был стать главным украшением послужного списка Чемберлена как политика и государственного деятеля мирового масштаба. Большая европейская война, новый крестовый поход объединенной Европы против большевистской России, увы, не состоялся.

В долгом поединке, что продолжался не много немало девять лет и должен был закончиться победой двух мировых держав, в самый последний момент хитрый Сталин поставил подножку и английский лев упал лицом в грязь.

Прощать подобное унижение английский премьер не был намерен ни в коем случае. Только кровь должна была смыть нанесенный позор британским интересам в этом мире и эта кровь должна была быть русской.

Даладьё полностью разделял чувства своего британского коллеги, и война двух главных государств Европы была предрешена. Не откладывая это дело в долгий ящик, премьеры поручили своим генеральным штабам разработать план войны объединенных сил Франции и Англии против СССР.

Париж и Лондон намеривались повторить почти столетний действия императора Наполеона и королевы Виктории но, как и тогда, им требовались союзники. Те, кто согласиться, не только разделить тягости большой войны, но и чьи солдаты станут её главным 'пушечным мясом'. Своих солдат Англия и Франция намеривались использовать в самом крайнем случае.

Планы были просты и понятны, но вот выбор союзников у высоких сторон был невелик. Турция, извечный соперник России в Закавказье не торопилась принять участие в войне против Советского Союза. Лишившись огромной части своих земель по итогам прошлой войны, она была готова поддержать боевые действия великих держав, но от роли застрельщика категорически отказывалась.

Румыны также не годились на роль боевого авангарда Европы. Правители Бухареста хорошо действовали в словесных баталиях, но боевые способности их армии оставляли желать лучшего. Румынские части можно было использовать на второстепенном направлении, но никак не застрельщиком.

В аналогичном положении находились и прибалтийские лимитрофы. Их лидеры сильно ненавидели русских, энергично боролись с красной крамолой у себя внутри, но всерьез рассчитывать на их карликовые армии не приходилось.

По всем параметрам на роль того, кто первый бросит перчатку вызова Сталину и смело шагнет на штыки его армии, была Польша. Там была и сила и страстное желание вернуть размеры своей страны к границам 1772 года, Первого раздела Польши, 'от моря до моря'. Но, увы, произошел незапланированный четвертый раздел Речи Посполитой, а её правительство перебралось в Лондон.

Единственным кандидатом на роль союзника Англии и Франции оставалась Финляндия. Здесь были свои старые обиды и территориальные претензии, общая граница и боеспособная армия. Правда финны несколько уступали по своему темпераменту заводным полякам, но злость к большевикам была одинакова. Главным минусом этого плана был маршал Маннергейм, который категорически не хотел воевать с Москвой.

Как его не обхаживали финские и европейские деятели, он стоял за мирное сосуществование двух северных соседей, и не собирался менять своих взглядов.

Слава богу, этой страной управлял не Маннергейм как в Польше Пилсудский, а политики, с которыми Лондону всегда было легче разговаривать. Затеявая большую войну против Сталина, старая и добрая Англия по давней привычке не клала все яйца в одну корзину. Делая ставку на поляков, она не выпускала из своего внимания и финнов.

С мая 1939 года эмиссары из Лондона усиленно обхаживали маленькую, но очень гордую северную страну, в результате чего в ней усилено возросла нетерпимость финнов к Советам. Желая показать себя полноправным участником 'большой европейской политики', в августе месяце финны провели военные маневры с участием иностранных наблюдателей.

Смотрины прошли на 'отлично'. Большие европейские дяди щупали мускулы у финского новобранца, смотрели зубы и ободрительно хлопали по его плечу. Для нанесения второстепенного удара, который должен был оттянуть на себя часть сил Красной Армии, финская армия подходила по всем статьям.

— Сталин ослабил свою армию репрессиями! Из страха перед смертью, его командиры не могут принять ни одного самостоятельного решения. Благодаря старым кадрам, русским ещё удастся нивелировать локальные конфликты на своей границе, но большая война обрушит этот глиняный колосс — уверяли одни.

— У вас не хватает только тяжелой артиллерии для сокрушения русских дотов на перешейке и ведения прямого обстрела Петрограда. Если ваше правительство примет нужное решение, мы охотно поможем вам с этим видом вооружения и сделаем скидку. Мы умеем ценить своих старых проверенных друзей в борьбе с большевизмом — вторили другие.

— Будьте смелее, решительнее в отношении русских. Заставьте Москву уважать себя, покажите им, что вы не бывшая провинция русской империи, а часть большой свободной Европы. Где голос каждого государства равен друг другу, где на первом месте стоит закон равноправия и партнерства, где нет месту азиатскому деспотизму и всесилию — довершали третьи и от этих слов, у бравых финских парней кружилась голова.

Да — они Европа, да — у них свобода и демократия, да — мы маленький, но гордый народ, в котором нуждаются такие зубры мировой политики как Англия и Франция. И они готовы с оружием в руках доказать свою правоту и свои идеалы кровавому русскому медведю, что своей необъятной тушей закрывает солнце финскому льву.

Таково было положение дел до 1 сентября 1939 года, после него ценность страны озер в

имперском раскладе стремительно возрос. Теперь ей переходила главная роль в большой европейской войне и красавицу Суоми, нужно было срочно подготовить к этому.

Дипломаты двух стран должны были убедительно разъяснить ей, всю важность и ответственность нынешнего политического момента. Что коварный Сталин, так подло поступивший в отношении Польши, должен быть примерно наказан. Иначе у него возникнет желание сделать нечто подобное и в отношении других своих соседей — Финляндии и Румынии, к которым у советского диктатора, были определенные территориальные претензии.

Военным отводилась иная, более трудная задача. Прекрасно зная боевой потенциал финнов, они должны были внушить им твердость и придать уверенность перед предстоящей схваткой с русскими. Умело налегая на сильные стороны финской армии, и преувеличивая слабости противника, они убеждали финских генералов, что бросив вызов противнику, они не останутся с ним один на один.

Задачи были определены, цели поставлены, но французы не были бы самими собой, если бы после всех договоренностей не преподнесли Чемберлену сюрприз. Объявив войну Германии и получив боевые действия на границе, французский главнокомандующий генерал Гамелен стал призывать Даладье больше уделять внимание безопасности собственной страны, чем подготовке войне против Советов.

Разумеется, подробные трения между союзниками хорошо скрывались от взора пронырливых журналистов и простого обывателя. Для всех Англия и Франция были едины, но вся организационная тяжесть подготовки войны, легла на плечи начальника имперского генерального штаба генерала Эдмунда Айронсайда.

Этот выбор Чемберлена был очень удачен. Трудно было найти среди британских военных другого такого человека, кто столь недоброжелательно относился к Советской России. Будущий 'барон Архангельский' считал своим святым долгом поквитаться с обидчиками, поскольку хорошим ударом в челюсть плохо вооруженные отряды Красной армии заставили его покинуть Русский Север.

Истинный сын своего отечества, чья замкнутость от остального мира породила чувство островной неполноценности, спрятанное под маской чопорности, генерал искренне ненавидел всех русских без исключения.

'Красных' русских он объявлял врагами Англии открыто. 'Белых' русских генерал презирал сдержанно, как откровенных неудачников, но при всем при этом, они были для него врагами, чья страна должна непременно исчезнуть с карты Земли на блага Британии. Именно такому человеку Чемберлен поручил разработку войны против Сталина и Айронсайд не подвел своего премьера.

Уже к концу сентября он представил свои соображения заказчику и тот в целом остался доволен его работой.

— Лишившись Польши, мы вынуждены сосредоточить свое главное внимание на флангах, сэра — докладывал Айронсайд, аккуратно разложив на большом столе премьера принесенную им карту. В целях конспирации, она была изготовлена в одном экземпляре и об её существовании знали единицы.

— Главным для нас флангом является Финляндия. Её армия, несмотря на свою относительно малочисленность, является весьма боеспособной. Она хорошо организована, мобильна и главное полна решимости воевать с русскими. Генеральный штаб империи намерен предложить финнам действовать на двух направлениях; на Петроград и в Карелии с

целью блокады Кольского полуострова от остальной России.

Начало боевых действий мы предлагаем приурочить к Рождеству. Тогда полностью ляжет глубокий снежный покров, установится морозная погода, что даст большой плюс финнам в военных действиях против русских. В финской армии большое количество лыжных соединений, тогда как в Красной армии подобных соединений крайне мало. Зимой дороги не подготовлены для прохождения большого количества войск и значит, Советы не смогут воспользоваться своим численным преимуществом.

Внезапное начало войны застанет русских, привыкших воевать в основном летом врасплох. Пока они начнут переброску войск на север, финны перережут железнодорожное сообщение с Мурманском и, выйдя к Белому морю, отрежут Кольский полуостров с находящимися там кораблями — рука генерала эффектно описала круг по карте и остановилась.

— Второй Порт-Артур? — живо откликнулся премьер.

— Можно сказать и так, сэр — улыбнулся ему Айронсайд. Всегда приятно вспоминать о неудачах своего потенциального врага, к которым твое отечество приложило руку.

— Зная упертость Сталина, следует думать, что он приложит все силы для снятия блокады Мурманска.

— Все так и будет, и чтобы уменьшить силы русских на этом направлении, генеральный штаб считает необходимым проведения активных действий на Карельском перешейке. С этой целью предлагается передать финнам тяжелую артиллерию, снятую со старых линкоров и хранящуюся в наших арсеналах. Огнем этих орудий они, если не прорвут русскую оборону, то основательно потревожат городские кварталы Петербурга.

— Насколько сильна оборона 'линии Сталина' на этом участке?

— По заключению наших специалистов, по своей плотности и протяженности русская оборона немногим уступает финским укреплениям на Карельском перешейке известным как 'линия Маннергейма'.

— И вы считаете, что финны будут пытаться взять Петербург? Мне кажется, что он для них будет второстепенным направлением. Здесь они будут имитировать активные боевые действия, а наступать будут в Карелии — высказал опасения премьер.

— Не могу с вами согласиться, господин премьер министр. Петербург имеет для финнов большое значение. Я говорил с финскими генералами и дипломатами и каждый раз, когда разговор касался Петербурга, у них загорались глаза. Они считают, что царь Петр завладел их сакральным местом, которое нужно вернуть Финляндии и полностью очистить его как от русских, так от всех их построек. Я считаю, что они будут драться за него и если не возьмут его силой, то разрушать огнем своих орудий.

— Бог с ним, с финнами. Возьмут Петербург их счастье, не возьмут, оттянут на себя часть сил противника, с этим все ясно и понятно. Меня беспокоит другое. Смогут ли финская армия реализовать все то, что вы ей приготовили. Хватит ли у них сил, чтобы штурмовать Петербург, выйти к Белому морю и прочно блокировать Мурманск? — задал свой главный вопрос премьер, но у генерала имелся готовый на него ответ.

— Я недаром упомянул о боевом духе финнов, господин премьер министр. Им пронизана не только армия, но и большинство гражданского населения страны. Почти все они ненавидят русских и готовы сражаться против них с оружием в руках. Кроме регулярных войск, у финнов есть вооруженные гражданские отряды, проживающие вдоль советско-финской границы. В подавляющем большинстве они имеют кровные счеты с большевиками

и ждут, не дожидаясь возможности отплатить им за нанесенные обиды. Мы уже приготовили рекомендации финнам, чтобы на второстепенных направлениях боевых действий регулярные войска были заменены этими отрядами.

— И все равно, мне кажется, что подобная задача финнам не по плечу — продолжал сомневаться Чемберлен.

— По сути дела, финнам надо продержаться чуть больше двух с половиной месяца, в худшем варианте три месяца. К концу марта мы сможем перебросить на север Финляндии свои войска, заставим сделать это и французов.

— Сколько вы намерены отправить войск в марте?

— Пока в наших планах отправка одной нашей дивизии и одной дивизии французов.

— Почему так мало и так поздно? Почему мы не можем отправить войска в феврале? Появление наших войск на севере Финляндии коренным образом изменит всю обстановку. Даже не вступая в боевые столкновения с русскими, они одним своим присутствием уменьшат решимость Сталина воевать и прибавят уверенности финнам.

— Лично я полностью согласен с вашими словами, но действовать так нас заставляют французы. Генерал Гамелен только и тверди о коллективной безопасности, требуя от нас посылки войск на континент. В противном случае, он грозит свернуть участие французских войск в финских делах. Поэтому мы вынуждены отправлять все имеющиеся в нашем распоряжении войска во Францию. В сентябре мы отправим две дивизии, ещё две намерены отправить в октябре и декабре. Без этих жертв Парижу мы не сможем рассчитывать на их поддержку, на этом фланге боевых действий.

— Я обязательно переговорю с Даладьё, чтобы добиться от французов более ранней отправки войск в Финляндию — пообещал Айронсайду премьер. — Так, что у нас на другом фланге?

— На южном фланге дела обстоят несколько лучше, чем в Финляндии. В плане посылки дополнительных сил — генерал быстро поменял карты, представив взору Чемберлена вместо холодного севера пламенный юг.

— Сюда никого не надо отправлять, ибо все необходимое здесь уже есть. Я имею наши войска в Ираке и французские войска в Сирии. Именно они должны начать боевые действия против Советов, которые вначале свяжут русским руки, а затем подтолкнут к боевым действиям турок и персов.

На первом этапе операции наши и французские самолеты нанесут бомбовые удары по нефтеносным приискам Баку и порту Батуми. Зенитная защита этих городов слабая и не сможет помешать нашей авиации выполнить эту задачу. Пока русские перебросят на их защиту свою авиацию, все прииски будут разрушены и на их восстановление уйдет время. Баку единственный источник нефти у Советов и свои ударом мы поразим их ахиллесову пята. Срок этого этапа пятнадцать — двадцать дней, после чего должен наступить этап боевых действий на земле и здесь, мы видим два варианта.

Первый — эти боевые действия начнут турки и персы, видя бедственное положение Советов, в надежде под нашим покровительством вернуть себе ранее утраченные территории. Турки не прочь вернуть себе Батуми, а персы часть Северного Азербайджана. Либо воевать будут наши войска, но не дальше границы Батуми и Ленкорани. Эти боевые действия должны будут подтолкнуть к активным действиям турок и персов, плюс вызвать волнение среди горцев Кавказа недовольных советской властью.

— Каковы сроки начала этой операции?

— Вы будите смеяться, но её начало мы определили на Благовещение — усмехнулся генерал, но премьер не поддержал его.

— Что мешает начать это на месяц раньше? Надеюсь не местная зима?

— Нет, господин премьер. Здесь все сроки диктуют наши дипломаты, в обязанность которых входит обработка турок и персов, а также вождей местных племен. Нужны взятки, поставка оружия и внимание белого человека к этим азиатам.

— Если надо я поговорю с дипломатами, чтобы они ускорили этот процесс — предложил Чемберлен.

— Я бы предпочел, чтобы все действия были подготовлены хорошо, на совесть, а не быстрые отчеты об их выполнении.

— Как знаете — слегка обиженно развел руками премьер. — Хотя вы эту операцию разработали и вам виднее, но я беспокоюсь за финнов.

— Не стоит волноваться. Даже если они потерпят неудачу и не смогут выйти к Белому морю и к Петербургу, свою задачу они выполнят. Главное, чтобы они продолжали воевать и приковывали к себе внимание Сталина. После того как мы ударим по Баку, русским придется воевать на два фронта и их боевая активность против финнов будет существенно снижена.

— Все верно. Ваш замысел прекрасен и безупречен, но он требует продолжения и развития. Война с финнами и турками только затруднят положение Сталина, а нам нужно, чтобы оно было сравнимо с катастрофой. Чтобы земля колебалась у него под ногами. Поэтому два ваших фланговых удара следует усилить!

— Вы предлагаете нанести третий удар?

— С вами приятно работать, Эдмонд. Вы все понимаете с полуслова. Да, необходимо нанести третий и четвертый удар, которые потрясут основы власти Сталина до основания и после успехов первого и второго удара организовать их будет не так уж и трудно. Думаю, что наши дипломаты справятся с этой задачей.

— Вы говорите о японцах, сэр?

— И не только о них. Необходимо будет нанести удар по южному подбрюшью русских в районе Памира и Туркмении с территории Афганистана. Там есть много желающих попробовать на прочность русскую границу. Ну и конечно в этом деле не обойтись без японцев. После того как им дали по рукам в Монголии они стали ещё злее и я очень надеюсь, что мы сможем убедить их в третий раз скрестить свои мечи с русским штыком. Русские говорят, что господь бог любит Троицу — на лице Чемберлена появилось подобие улыбки. — Где им это лучше сделать?

— Я думаю, что лучше всего им стоит попробовать силы в районе Хабаровска. Там есть спорные территории на границе. Если вы разрешите, я переговорю, поэтому вопросу с японским военным атташе в Лондоне. Несмотря на некоторые разногласия в вопросах политики, японцы поддерживают отношения с нашим генеральным штабом.

— Отлично. Значит, японцы за вами. Дорабатывайте детали своей 'Божественной комедии', а я займусь обеспечением её дипломатической поддержки.

Получив приказ от премьера, работники британского МИДА с Форин Офис приняли за дело с утроенной силой. Многие из них подобно Чемберлену расценивали советско-германский договор как личное оскорбление и не жалели ни сил, не времени для своей духовной реабилитации.

В Хельсинки, Стамбуле и Тегеране шли интенсивные переговоры между Англией и

местными властями о вовлечении их в войну против СССР. В ход шли всевозможные обещания и посулы, оказывалось прямое и скрытое давление на лидеров трех стран и их окружение. Почти каждый день в Лондон шли отчеты и доклады о проделанной работе, а в ответ дипломаты получали новые инструкции и циркуляры.

Когда министр иностранных дел принес доклад Чемберлену о результатах первых недель, выяснилась довольно необычная картина. Флегматичные финны вспыхнули и загорелись гораздо быстрее и ярче, чем горячие и темпераментные южане.

В отличие от северян с готовностью веривших джентльменам на слово, несмотря на трагическую судьбу Польши, турки и персы не торопились встать под знамена высокой Европы. Они не просто торговались, пытаясь получить для себя дополнительные выгоды. Имея свои обиды на русских, они не хотели выступать застрельщиками в предстоящей войне.

И Стамбул, и Тегеран были готовы присоединиться к большим европейцам, сразу после того как финны добьются успехов на севере, а британская и французская авиация сотрет с лица земли Баку и Батуми. Это была их твердая позиция и как господа дипломаты не нажимали на них, южане твердо стояли на своих позициях.

Аналогичное положение было и с японцами. Эти азиаты любезно улыбались, жали руки и были полностью согласны с намерениями европейцев наказать Сталина, но не спешили сомкнуть свои ряды с ними. Японский военный атташе рассыпался в благодарности за идею нападения на Хабаровск, обещал известить свое правительство, но дальше никаких действий не последовало. Токио, как и южане, занял выжидательную позицию, не спеша брать на себя какие-либо обязательства.

Единственно кто открыто изъявил готовность ударить по русским, были остатки банд басмачей, нашедших приют в Афганистане. Получив богатые подарки, они охотно согласились перейти границу и пустить Советам 'красного петуха', но одних их было мало для реализации громадных планов Чемберлена и Айронсайда.

Басмачи и поддерживающие их племенные вожди были оставлены про запас и все свои силы, британские дипломаты бросили на финнов, которые загорелись, буквально с одной спички.

Идея новой войны с русскими вместе с остальным свободным миром, полностью захлестнула умы 'горячих финских парней' заседающих в высоких правительственных креслах. Чувствуя поддержку локтя 'большого брата' они были готовы свернуть горы и шагнуть на восток так далеко, насколько это им позволяла, длина ног и крепость сапог.

Настроение было бодрое, задиристое и в этом, в определенной мере была виновата Москва. Это она плескала масло на горячие угли финского костра, предлагая Хельсинки заключить договор по укреплению безопасности в Финском заливе. И чем больше она это делала, тем сильнее становилась уверенность правителей Суоми, что они идут по правильному пути.

Твердость и бескомпромиссность позиции Финляндии в полном блеске показала себя на октябрьских переговорах в Москве, куда она была приглашена по приглашению Молотова для обсуждения актуальных вопросов советско-финских отношений.

Глава IV. Ах, Понтий Пилат, умыть руки ты рад

Суровые хмурые тучи висели над Москвой все время пока в Кремле шли переговоры с финской правительственной делегацией. Холодно и неуютно было в столице Страны Советов но, несмотря на осеннюю непогоду, в душах посланников Суоми постоянно светило яркое солнце.

Да и как ему было не светиться, если это был долгожданный момент торжества и исторической справедливости для маленького, но свободолюбивого народа.

Долгое время страна озер и лесов, полученная в качестве военного приза от шведского королевства находилась под властью русского царя, именуясь великим княжеством Финляндским. Его жители не платили налогов, не служили в армии, имели местное самоуправление и даже выпускали собственные деньги и почтовые марки. Последние вызывали злое недовольство у императора Александра III, но он ничего не мог поделать, эти права были оговорены финской конституцией.

Подобных вольностей не имела не только ни одна провинция русской империи, но даже не одна провинция просвещенной Европы на всем протяжении 19 и в начале 20 века. Для них о такой привилегированной жизни можно было только мечтать, однако угнетенные и поработанные русским царизмом финны хотели большего.

Только полная свобода была нужна славным детям севера, чью славную столицу Хельсинки оккупанты именовали Гельсингфорсом, а их самих чухонцами. Пепел Клааса гулко и яростно стучал в сердцах пылких финских парней, и они самозабвенно ждали момента, который появится возможность освободить светлоокою Деву Финляндии из лап страшного русского медведя.

Терпеливым и настойчивым людям всегда везет, повезло и финнам. После столетнего ожидания, дети лесов и озер получили благосклонность от госпожи Фортуны, да ещё какую. Словно извиняясь за свое прежнее невнимание к этой далекой стране, она высыпала на Финляндию из своего знаменитого рога изобилия целую охапку всевозможного счастья.

Вначале, в декабре 1917 года, воспользовавшись внутренними смутами Русского государства, финны получили из рук большевиков долгожданную независимость, не сделав при этом ни единого выстрела и не потеряв ни одного человека. Одновременно с этим новорожденная европейская держава удержала за собой хранимый в Хельсинки золотой запас великого княжества, а также город Выборг вместе с губернскими землями, который либеральный государь Александр I подарил Финляндии.

Затем при помощи германских штыков, финский шюцкор спас свое обретенное государство от 'красной заразы', доставшейся стране в наследство от мрачной русской оккупации. Бывший царский генерал Карл Густав Маннергейм, кровью и железом быстро навел в стране крепкий порядок.

Беззаветно борясь с опасной крамолой, он безжалостно убивал и изгонял за пределы Финляндии толпы отщепенцев, для которых идеи красного интернационализма были выше пламенной любви к бело-голубому флагу. А тех, кто не успел убежать, сначала убивали на

городских площадях, потом отправляли в тюрьмы и те, кому самый гуманный суд оставил жизнь, отправлялись в лагеря на перековку.

Когда генерал вступил в очищенную от красных банд столицу, вся свободолюбивая Финляндия со слезами на глазах рукоплескала ему. Сотни добропорядочных буржуа и лавочников, стоя на залитой кровью отщепенцев мостовой, громко славили своего спасителя, финского Камилла и Муция Сцевола имевшего шведское происхождение.

Окрыленный успехом и пылкой любовью сынов Суоми, Маннергейм решил подарить своему новому отечеству вслед за свободой, все исконные финские земли, которые остались под пятой русских оккупантов. По этому поводу, столичным историкам был сделан срочный запрос и вскоре, вся Финляндия узнала о своих истинных границах, о которых она ранее и не догадывалась.

Светясь от осознания важности исторического момента, господа ученые доложили Карлу Густаву, что финская нация может по праву претендовать на всю территорию от Кольского полуострова до устья Енисея.

Подобное историческое открытие весьма обрадовало господина барона но, будучи человеком практичным и рассудительным, он внес существенные коррективы в вопросе о восточных границах возрождаемой им 'Великой Финляндии'.

— Я полагаю, что на данный момент, нам будет вполне достаточно земель, что располагаются к западу от линии Архангельск — Онежское озеро — река Свирь — Ладожское озеро и река Нева. Особо хочу отметить судьбу бывшей русской столицы, Санкт-Петербурга. Он будет превращен в 'свободный город-республику' вместе с прилегающим к нему Петергофом, Ораниенбаумом, Царским Селом и Гатчиной.

Вот тот предел, который я вижу для себя как главнокомандующего финского государства. Все остальные свершения оставим молодому поколению, в руки которого через двадцать лет мы вручим дальнейшую судьбу нашей страны — величаво молвил генерал, решительно проводя красным карандашом по разложенной перед ним географической карте.

Естественно, столь варварское отношение к их кропотливым изысканиям вызвало негодование в сердцах вчерашних подданных российской империи, а ныне свободных финских интеллигентов. Они, что-то пытались лепетать в защиту своего творения, но одного движения густой генеральской брови было достаточно для подавления праведного бунта в рядах господ ученых. Уж слишком свежи и ярки были у них воспоминания недавнего очищения юга страны от большевистской скверны и государственной измены.

Получив от науки легитимность своих действий, генерал отдал боевой приказ и, вскинув руки в радостном приветствии, финские солдаты устремились на восток, вершить свою историческую справедливость.

Казалось, ничто не может помешать горячим финским парням в их праведной борьбе, но в этот момент госпожа Фортуна неожиданно отвернула от них свой ветреный лик и, повернувшись задом, показала строптивость и непостоянство своего характера.

Пытаясь вернуть свои исконные земли, красавица Суоми очень больно наколола себе руку о русский трехгранный штык и, обливаясь горькими слезами, была вынуждена временно отказаться от воплощения своих замыслов.

Карл Густов очень надеялся на помощь германского принца Фридриха призванного им на престол бывшего великого княжества, но жестоко ошибся. Вспыхнувшая в Германии революция смыла за борт истории империю Гогенцоллернов, вместе со всеми имперскими амбициями и огромными планами.

Коронный финский лев был вынужден отступить, сумев удержать под своей властью Выборг, Западную Карелию и бывшую русскую Печенгу, а ныне незамерзающий порт Петсамо на берегу Ледовитого океана.

С этого момента прошло ровно двадцать лет. И все это время взор золотого льва финнов был неизбежно обращен на восток, а в поднятой над головой лапе, был зажат белый меч, символ священного возмездия угорских племен.

За это время подросло новое поколение молодежи, вскормленное на идеях 'Великой Финляндии', которое по замыслам Маннергейма должно было продолжить начатое дело своих отцов и попытаться сделать то, что не удалось им.

Об этой священной миссии им постоянно внушали сначала в школе, а после на студенческой скамье или в армейских рядах. Контрпропаганды этим взглядам на территории Финляндии не было. Так как кто не был согласен с идеей 'Великой Финляндии' и не находился в лагерях для исправления предпочитали помалкивать в тряпочку.

Если сто раз сказать человеку, что он осел, он будет чувствовать ослом, а если говорить, что он грозный северный лев, то он будет рычать по-львиному. И выросшие на молоке свободы финны зарычали.

На Урал, на Урал, на Урал!

Час возмездья Суоми настал.

Боязлива Москва перед силою нашей страны

Про 'пожар мировой' её песни уже не слышны.

Наш заклятый враг, теперь остался один

А народ наш отважный как никогда един.

Сквозь огонь и метель он пойдет на Урал

Комиссаров сметать со священной земли, час настал.

Так пели шюцкоровцы, маршируя плотными колоннами по площадям и улицам страны озер, на страх закордонным врагам, на радость честным финнам, кто ложился и вставал с мечтой о крепости и силе своего государства.

В свободное же от маршей время, лесные охранники усердно выявляли красную крамолу в своих рядах. Постреливали через границу по временно занятой врагом территории и с нетерпением ждали своего заветного часа. И вот он настал 1939 года.

Именно тогда, две старейшие европейские державы Англия и Франция обратили свой взор в сторону страны лесов и озер. Обозленные решением Сталина заключить с Гитлером пакт о непадении, они хотели наказать правителя России, посмевшегося играть собственную игру в европейском пасьянсе.

Это оскорбление должно быть смыто кровью и привыкшие всегда действовать чужими руками, англичане и французы решили вручить карающий меч воинственной красавице Суоми, вместо выбывшей с политической сцены Польши.

Свое участие в военном конфликте против СССР, Лондон и Париж наметили на более поздние сроки. Объяснив доверчивым детям лесов, что пока их главные силы были прикованы к 'линии Мажино', вдоль которой расположились дивизии гитлеровского вермахта.

Вскоре, в Хельсинки полетели тайные посланники Лондона и Парижа с предложением участия в большой европейской войне против 'красных', что привело в полный восторг

финского премьера, англофила Рюти.

Да и как не радоваться, если впервые за все время существования Финляндии, великие державы не просто указывали ей, что следует делать, а предлагали военное союзничество против ненавистой Москвы. Предлагали не роль послушного слуги безропотно выполнявшего волю господина, а место равноправного партнера в серьезной политической игре Европы.

Конечно, за участие в ней, нужно было заплатить жизнями многих финских солдат, но эта игра стоила свеч. В обмен за участие в войне против Советов, Суоми получала согласие великих держав на перенос её границ к Архангельску, Онеге, Ладоге и Петербургу. Подобный успех раз и навсегда сплотил бы финское общество в единое целое и заставил бы позабыть все прежние неудачи.

Как это водиться в приличном европейском обществе, все договоренности были оформлены тайными протоколами и подкреплены джентльменским словом чести. Поставив свои подписи и скрепив их сургучовыми печатями, стороны расстались довольные друг другом, приподняв на прощание котелки и цилиндры.

Правда, вскоре финны известили о своих тайных переговорах германского рейхсканцлера и японского императора. Как бы, не симпатизировала Финляндия европейским державам, но воинственная политика двух этих империй была им гораздо ближе по духу.

Пришедшие из Хельсинки новости о скорой войне с Россией, были благосклонно восприняты как в Берлине, так и Токио. Готовя свой стремительный блицкриг на Париж, Гитлер желал иметь твердые гарантии, что у Сталина не будет соблазна ударить ему в спину, несмотря на недавно подписанный пакт о ненападении.

Хирохито, также был рад тому, что взор кремлевского властителя будет прикован к северу, а не повернут на восток. Потерпев чувствительное фиаско на Халхин-Голе, Япония энергично создавала мощную Квантунскую армию. Чьи штыки должны были смыть со своих знамен былые неудачи и изгнать русских из Приморья.

Ничего против нового обострения в Европе не имели и далекие Соединенные Штаты Америки, предоставившие финским властям большой кредит на покупку американских товаров. Большая война за океаном сулила Вашингтону большие прибыли и твердые гарантии выхода из экономической депрессии, больше десяти лет безжалостно терзавшую Америку.

Столь единая поддержка Финляндии ведущими странами мира, воодушевила и окрылила господ Рюти и Каллио. Полностью поверив льющим в их адрес потокам сладкоголосой лести и щедрым обещаниям, финские лидеры возомнили, что являются форпостом европейской цивилизации, в её новом крестовом походе против русского большевизма.

Последним аргументом, окончательно убедившим финнов в правильности их выбора в сторону конфронтации с соседом, стало приглашение Москвы к мирным переговорам об изменении советско-финских границ под Ленинградом.

Обеспокоенный начавшейся в Европе большой войной, Сталин намеривался обезопасить положение колыбели трех революций и второй столицы страны. Находясь на удалении двадцати семи километров от государственной границы, Ленинград находился под угрозой обстрела тяжелых орудий с финской стороны.

Однако больше всего, вождя беспокоила защита Кронштадта и обеспечения свободного

выхода корабли Балтийского флота из Финского залива в случае начала вооруженного конфликта. Все морское пространство насквозь простреливалось огнем береговых батарей с эстонской и финской территории и это не было чисто теоретическим предположением. Регулярно, обе стороны проводили стрельбы по специальным плавающим целям, установленным в море.

К концу лета 1939 года Сталин сумел добиться от Эстонии согласия на размещении на её территории советских военных баз, и южная угроза для балтийских кораблей была устранена. Теперь оставалась обезопасить себя с севера, со стороны мыса Гангут, но финны об этом слышать не хотели. На все предложения Москвы о размещении на полуострове своей базы или демилитаризации мыса для гарантии свободного прохода кораблей Балтфлота они отвечали категорическим отказом.

Также были безрезультатными попытки Москвы добиться согласия финнов отодвинуть границу от Ленинграда, в обмен на равноценный размен в Карелии.

— Нет, нет и нет — неизменно чеканили финские дипломаты на все призывы Москвы разрешить возникшую проблему мирным путем. При этом президент и премьер не принимали во внимание даже мнение самого маршала Маннергейма.

Старый вояка утратил былой пыл и теперь стоял за мирное сосуществование с соседом. Он призывал руководителей Финляндии согласиться на перенос границы вглубь Карельского перешейка, до предполья оборонительной линии, громко именуемой на страницах западных газет 'линией Маннергейма'.

Полностью поверив, что они стали полноправными участниками большой европейской политики, Рюти и Каллио были абсолютно глухи к любым советским предложениям. И чем больше Кремль наседали на Хельсинки с различными мирными инициативами, тем все решительнее становилось намерение лидеров Суоми идти выбранным ими путем до победного конца.

Стремясь как можно быстрее решить пограничные проблемы миром, в октябре 1939 года Сталин пригласил финскую делегацию в Москву на переговоры, которые возглавил лично. Это было знаковое решение, если учесть, что переговоры с немцами по заключению пакта о ненападении, возглавлял Молотов.

Финны на эти предложения ответили своими знаковыми действиями. За несколько дней до начала переговоров был отдан приказ о начале переброске войск к советско-финской границе. Одновременно с этим, правительство объявило о начале мобилизации армейских возрастов до 33-летнего возраста.

Все это проходило на фоне неослабевающей националистической истерии, развязанной на страницах газет и по радио. По стране прокатились многочисленные митинги в поддержку политики правительства, на которых стали открыто призывать к войне с Советской Россией. Входу стали необычайно популярны символы и цвета Финляндии, которыми украшалось все, начиная от витрин магазинов и стен домов, до одежды и причесок.

Последним штрихом финского ответа злобным большевикам стало решение не посылать на переговоры в Москву министра иностранных дел Финляндии Эркко. Вместо него делегацию возглавил посол Финляндии в Швеции Ю. Паасикиви. Человек мирный склонный к достижению разумного компромисса но, к большому сожалению являвшийся лишь ширмой. Главную роль в переговорах играл представитель военного министерства полковник Паасонен.

Вот с таким багажом и в таком составе приехали посланцы Финляндии в Москву и, несмотря на столь недружественные демарш правительства Суоми, они были торжественно приняты в Кремле.

Стоит ли говорить, что для многих членов финской делегации это была подлинная минута славы всей их жизни. Сидят в самом сердце русской столицы, они наслаждались своим положением. Да и как было не наслаждаться, если правитель огромной страны смиренно просил своего бывшего сюзерена о мире и дружбе между двумя странами.

Облеченные в дипломатическую обертку эти слова звучали как заключения пакта о взаимопомощи между СССР и Финляндией. Аналогичный пакт Москва подписала с прибалтийскими государствами в сентябре этого года, но в отличие от своих соседей, финская сторона на это предложение ответила категорическим отказом.

Как не убеждал Сталин своих собеседников, что этот договор снимет все острые вопросы между двумя странами. Как не аргументировал Молотов, приводя в пример Эстонию, внесшую свою лепту в обеспечении безопасности в Финском заливе, финская сторона в лице полковника Паасонена давала один только отрицательный ответ.

После такого начала переговоров их можно было закрывать, но этого не случилось. Более того, на следующий день Сталин удивил и потряс финнов, предложив им совершить обмен территориями, на фантастически выгодных для них условиях. В качестве компенсации за перенос границы, на пятьдесят километров к северу от нынешних рубежей, Сталин был готов пожертвовать всей Восточной Карелией, оставляя за Советским Союзом лишь узкий коридор вдоль Белого моря, по которому проходила Кировская железная дорога на Мурманск.

Общая пропорция обмениваемых территорий составляла 4:1 в пользу Финляндии. По мнению немецкого посланника в Хельсинки Вальцекера это был выгодный обмен за безопасность Ленинграда и Кронштадта, однако гордые и свободолюбивые финны вновь не позволили себя уговорить.

Внимательно выслушав все аргументы советской стороны, они ответили её лидеру звонким и презрительным щелчком по лбу, что привело Сталина в недоумение, а многих членов финской делегации в сильнейший душевный экстаз. Ведь о подобном своеволии дети страны озер не могли и думать в своих самых смелых мечтаниях, а теперь явь превосходит все их смелые грезы.

И пусть северный сосед сменил свое название, и вместо императора перед ними стоит генеральный секретарь, суть дела от этого не поменялась. Огромный русский медведь, унижено просит маленькую деву озер об одолжении и получает отказ.

Казалось, что уже всё. После такого унижения, кровавый тиран Сталин должен был приказать расстрелять храбрых финнов или хотя бы выслать вон своих оскорбителей, но этого не случилось. Более того, взяв один день перерыва для консультации, советский лидер, как зачарованный вновь подставил свой лоб под удар финского щелчка.

Желая добиться нужного для себя результата, Сталин стал предлагать для обмена другие участки Карелии и Кольского полуострова, сохраняя при этом ранее обозначенную советской стороной выгодную для финнов пропорцию 4:1.

Граница возможных уступок в пользу финнов достигала берегов Онежского озера, захватывала полуостров Рыбачий, но результат остался тем же. Посланцы Суоми неторопливо и обстоятельно обсудили новый вариант обмена, и когда Сталину показалось, что дело выгорело, вновь торжественно отказались.

Повторно отклонив советское предложение, финские делегаты ожидали увидеть в глазах Сталина гнев и ярость, но к своему удивлению и полнейшему разочарованию, кандидаты в национальных мучеников, не увидели в них ничего, кроме усталости и досады.

Советский лидер только холодно прищурился и, откинувшись на спинку кресла, спросил ведущего в этот день переговоры министр финансов Вяйне Таннера, о причине столь неуступчивости финской стороны, при явно выгодных для неё предложениях.

В ответ, финский представитель произнес, что на данный момент столь откровенный торг для финского народа неприемлем, но возможно повторное рассмотрение вопроса обмена части Карельского перешейка. На языке дипломатов это означало, что Финляндия заинтересована в предложениях Москвы и достижение взаимопонимания по этому вопросу возможно, но по прошествию времени.

Ничуть не легче проходило обсуждение вопроса о безопасности Балтийского флота в Финском заливе. Советский Союз просил у Хельсинки разрешения на аренду мыса Гангут сроком на 30 лет и передачи нескольких островов вблизи Ленинграда. Взамен предлагались различные преференции в торговле с СССР и согласие на ввод на демилитаризованные Аландские острова финского гарнизона.

Это предложение Москвы было довольно заманчивым, но едва только переводчик закончил читать обращение советской стороны, как тут же, без всякой паузы и время для раздумья, заговорил полковник Паасонен. Властно положив скрещенные руки на зеленое сукно стола переговоров, он принялся чеканить слова, поглядывая на своих собеседников с плохо скрываемым торжеством.

— Исходя из того, что вопрос об аренде полуострова Ханко выходит далеко за рамки вопроса обеспечения безопасности Ленинграда, финская сторона не может допустить существование на своей территории иностранной базы. Это полностью противоречит провозглашенным Финляндией принципам нейтралитета и неприсоединения к военным блокам, которого страна строго придерживается с момента провозглашения независимости.

Что же касается предложения по Аландским островам, то Хельсинки будет признателен России в понимании и поддержке её по этому вопросу — изрек Паасонен с плохо скрываемой издевкой.

После этих слов полковника, посланники Суоми, вновь ожидали увидеть гневную реакцию Сталина, однако советский вождь по-прежнему оставался сдержанным и невозмутимым. Собеседники так и не увидели агрессивной нетерпимости к чужому мнению и яростной злобы к посмевавшему перечить ему человеку, о которой так много писали газеты свободного мира. Обращаясь к Паасонену, он заговорил, спокойным, чуть уставшим от долгих разговоров голосом.

— Мы уважаем решимость финского народа по поводу сохранения целостности своей страны. Возможно, будь я на вашем месте, я проявил бы не меньшую осторожность и щепетильность в столь щекотливом вопросе. Но поскольку мы не можем изменить географию, думаю, нам следует искать любые пути для выхода из сложившейся непростой ситуации.

Вы не желаете предоставлять чужой армии ни пяди своей земли в качестве аренды, и мы понимаем ваше решение. Однако ведь возможны другие варианты. Скажите, как вы отнесетесь к предложению, чтобы прокопать поперек мыса канал и образовавшийся остров продать её Москве? Разумеется, все земляные работы будут выполнены за наш счет —

спросил Сталин собеседников.

Не ожидавший столь необычного развития событий, бравый полковник замолчал, напрягся, а затем стал стремительно краснеть не в силах дать вразумительного ответа. На помощь ему поспешил прийти Паасикиви, сказав, что советское предложение интересно и его следует немедленно обсудить с правительством.

Переговоры были прерваны и начались энергичные консультации делегатов с Хельсинки. Неожиданное предложение Сталина позволяло Финляндии сохранить провозглашенный ею нейтралитет и одновременно полностью разрешить приграничные опасения советской стороны. Казалось, что ключ к разрешению проблем найден, но Финляндия в очередной раз ответила категорическим отказом.

На новой встрече, глава делегации с любезным лицом известил советскую сторону, что в нынешней формулировке вопрос для финской стороны неприемлем, но она готова к продолжению консультаций по Гангуту.

Предвосхищая вопрос Сталина о причинах отказа, господин Таннер пояснил, что присутствие советской базы на мысе Гангут создает серьезную угрозу военной безопасности Хельсинки, а это для Финляндии совершенно неприемлемо.

Сталин стоически выслушал ответ, несговорчивого соседа. Все эмоции, что бушевали в его сердце, выразились в довольно неожиданном для финнов образе. Впервые за все время переговоров, Сталин неожиданно встал из-за стола и принялся медленно расхаживать вдоль окон. Держа в левой руке так и незажженную трубку, он несколько раз молча, прошел из угла в угол комнаты, после чего вернулся в свое кресло.

— А как отнесется финская сторона к предложению продать Советскому Союзу несколько мелких островов у мыса Гангут. В военном плане для Финляндии они не представляют какой-либо ценности, так как ни в коей мере не влияют на оборону побережья и самой столицы. Большого гарнизона на этих островах держать просто невозможно, точно также как и использовать их для нападения на Хельсинки. Нам же они позволят контролировать дальние подходы к Ленинграду вместе с базой на эстонском побережье — спросил советский вождь, демонстративно глядя в сторону Паасикиви. Из всех участников переговоров Юхо был единственным делегатом, кто действительно стремился найти взаимовыгодный компромисс для двух стран.

Официально возглавлял финскую делегацию, он был полностью связан по рукам, так как не обладал правом принятия окончательного решения. Согласно указу президента, Паасикиви мог только вести переговоры, ежедневно информировать Каллио о ходе процесса, но последнее слово не за ним. Таким был специфический юмор руководителя Суоми.

— Предложение господина премьер министра весьма важно и интересно. Я сегодня же передам его для ознакомления господину Каллио — заверил Сталина Паасикиви, чем вызвал ехидную гримасу на лице Таннера. Господин министр лучше всех присутствующих знал, что все инициативы Москвы были обречены на провал. Слишком много иностранных советчиков стояло за спинами господ Рюти и Каллио, обещавших финнам всестороннюю помощь в возрождении 'великой Финляндии'.

События следующего дня показали, как далеко зашел процесс воинственного противостояния маленькой свободолюбивой республикой и азиатской империей. По приказу из Хельсинки финская делегация неожиданно прервала переговоры и спешно выехала на родину, без каких-либо объяснений.

Подобное поведение финнов очень озадачило советскую сторону. Строились различные догадки об инсульте финского президента, но они были неверны. Финский президент чувствовал себя хорошо, а пауза на переговорах была вызвана куда более прозаическими причинами.

В тот же день когда были прерваны переговоры, финские власти начали эвакуацию приграничного населения. Кроме этого, началась частичная эвакуация жителей Хельсинки, из-за возможной военной угрозы со стороны СССР. Другим важным шагом было занятие войсками укреплений 'линии Маннергейма' на всей её протяженности и начало переброски войск в район советско-финской границы в Карелии.

Делалось это в отличие от южного участка границы, где все военные приготовления были откровенно демонстративными, здесь, финны сосредотачивали свои войска скрытно. Перебрасывая их малыми силами, с целью скрыть их место сосредоточения.

Все это было обусловлено тем, что на секретном совещании от 16 октября при участии военных представителей Англии и Франции, был принят окончательный план боевых действий. Из-за того, что британцы не успевали передать финской армии снятые с линкоров орудия, было решено отказаться от активных действий против Ленинграда.

— Пусть русский медведь сломает свои клыки и когти о крепость наших укреплений, — сказал военный министр Ниукканен, — а мы нанесем свой главный удар там, где нас не ждут — в Карелии! Здесь будут сосредоточены наши лучшие силы, которые разнесут в щепки русских.

— Очень верное решение — поддерживали его решение англичане и французы. — Пока Сталин занят обустройством своей новой границы на Западе, у него нет больших сил для защиты своего севера. И те предложения, что он делает на переговорах в Москве наглядное тому подтверждение. Красная армия слаба, она только и может, что занимать беззащитные земли и при помощи немцев принуждать поляков к капитуляции, как это было в Бресте и Львове!

Все эти слова ложились целебным бальзамом на души финнов, и они подобно крысам, шли за дудочкой легендарного крысолова к своему светлому будущему.

Когда финская делегация вернулась в Москву, общая численность финской армии с 37 тысяч человек мирного времени, достигла полумиллиона человек. Это с одной стороны радовало глаз, с другой доставляло серьезные проблемы. Всех призывников следовало не только одеть, обуть и накормить, но ещё и вооружить.

Запасов оружия на складах, накопленного за годы независимости страны озер хватало, но в основном это было устаревшее вооружение. Для защиты столицы Финляндии от ударов с воздуха требовались современные зенитные орудия вместо пулеметов 'Максим' поставленных по четыре ствола на подвижные рамы.

Также финской армии не хватало противотанковых пушек и англичане стали усиленно помогать в ликвидации этих проблем. Некоторые партии нового вооружения были получены из Англии, но главная часть артиллерийского парка поступала из соседней Швеции, в виде 37-мм полуавтоматических противотанковых пушек 'Бофорс' и 40-мм автоматические зенитки той же фирмы.

Вместе с ними прибыли и шведские офицеры инструкторы, принявшиеся интенсивно обучать финские расчеты. Для подготовки столь огромной массы одетой в военную форму к наступлению требовалось время, и финский президент посчитал разумно продолжить переговоры с Москвой.

— Сталин желает поговорить? Мы любезно предоставим ему такую возможность — говорил Каллио государственному советнику Хаккарайнену. — Говорите, но помните, что наша страна родилась в войне и только война позволит нашей нации стать великой. У польского маршала Пилсудского была мечта раздвинуть границы Польши от моря до моря. У нас тоже есть подобная мечта. Все мы хотим, чтобы восточная граница великой Финляндии проходила по берегам Белого моря. Бейтесь за эту мечту, сражайтесь за неё и от того как вы будете это делать будут зависеть сроки её исполнения.

Напутственные подобными словами, финская делегация отправилась в Москву с твердым намерением решать все вопросы с русскими исключительно с позиции силы.

На эту решимость не смог повлиять и тот факт, что второй человек в Германии Герман Геринг на встрече с министром иностранных дел Финляндии посоветовал финнам согласиться на условия Сталина. Он также сказал, что в случае военного конфликта, несмотря на многочисленные дружественные связи, что связывали рейх и Финляндию, Германия не сможет оказать ей помощь.

Геринг не стал пояснять Эркко причины, которые крылись в подготовке реализации плана 'Гельб' — нападения вермахта на Францию, но сказано было прямо и открыто.

Также честно и откровенно обозначила свою позицию Швеция, известившая соседа о своей нейтральности в возможном военном столкновении со Сталиным. Шведы сказали, что не станут препятствовать проходу через свою территорию иностранных добровольцев, равно как и не запретят действию самих жителей королевства пожелавших воевать на стороне финнов. Но на открытую вооруженную поддержку шведской армии рассчитывать не придется.

Высказал свое мнение и Маннергейм, посчитавший возможным продать русским нескольких островов в Финском заливе не игравших никакой роли в обороноспособности страны.

Все это было доведено до сведения президента, но осталось пустым звуком. Курки были взведены, фитили зажжены и оставалось только неторопливо раздуть их, в преддверии большого выстрела.

Переговоры возобновились перед самыми ноябрьскими праздниками, к которым финская делегация преподнесла Сталину подарок, в виде категорического отказа от всех ранее сделанных советской стороной предложений.

Все это было сказано в довольно резкой форме, что породило ответную реакцию со стороны Молотова. Измученный постоянными отказами в издевательской форме, Вячеслав Михайлович не выдержал и бросил финнам упрек, о том, что знает причину их постоянного отказа на советские предложения.

— Нам известно, что за вашей спиной стоят две европейские державы, которые дирижируют вами в угоду собственных интересов! Подумайте, нужно ли это Финляндии!? Следует ли слепо выполнять их волю? — задал вопрос финнам нарком, чем вызвал гневное негодование у советника Хаккарайнена. Гордо встав из-за стола, он объявил, что его стране нанесено оскорбление и делегация покинула зал переговоров.

На следующий день Молотова на переговорах не было, и Сталин попытался несколько сгладить вчерашний инцидент, но финны упрямо стояли на своем и больше к вопросу о территориях уже не возвращались.

После ноябрьского парада, переговоры возобновились, и Сталин предложил для смягчения напряженности на Карельском перешейке уменьшить численность гарнизонов

оборонительных линий с обеих сторон.

— Мы прекрасно понимаем, что и вам и нам нужны твердые гарантии того, что никто из нас не нападет друг на друга. Давайте сделаем шаг в этом направлении. Создадим комиссии с правом проверки и контроля за выполнением сокращения числа воинских контингентов на границе — сказал председатель правительства, но и эти слова остались гласом вопиющего в пустыне.

Услышав очередной отказ, разозленный Молотов впервые за все время переговоров попытался надавить на финнов.

— Мы мирные люди, война нам не нужна война, но для защиты своих рубежей мы можем прибегнуть к помощи пушек и привести в боевую готовность Балтийский флот — пригрозил нарком, на что незамедлительно получил откровенный ответ.

— Война нам выгодна, нежели удовлетворение всех ваших требований и предложений — напрямую заявил Хаккарайнен, после чего переговоры завершились.

Обе стороны подобно Понтию Пилату умыли руки и разошлись, каждый уверенный в своей правоте.

Глава V. На реке Сестре ветка клонится

Утверждая о том, что советской стороне известно кто стоит за спинами финнов, Вячеслав Михайлович Молотов говорил не просто так, наобум тыча пальцем в небо. Информация об активности Англии и Франции в Финляндии регулярно поступала в Москву из разных источников и в первую очередь по каналам разведки.

В отличие от британской дипломатии, которая с давних пор удачно сочетала в себе как дипломатическую работу, так и разведывательную деятельность, советские посольства исполняли в основном представительские функции.

Да, под их крышей работали представители советской разведки, но сами дипломаты в основном озвучивали приказы и решения, пришедшие из центра, и больше констатировали свершившиеся факты, чем добывали информацию из различных источников.

Представители НКВД в Лондоне встречались с бывшими и действующими представителями британской дипломатии, слушали их мнения, высказывали свою точку зрения, обсуждали слухи и сплетни светской жизни. Во время таких встреч происходила своеобразная игра, где каждая из сторон пыталась дать как можно меньше информации о себе, но узнать как можно больше о противнике.

При этом очень часто происходила дезинформация противника. В жаргоне британцев это означало 'подсунуть дохлую кошку', на что они были большие мастера.

В таких условиях, было крайне трудно найти из всей той массы информации, нужные тебе сведения. Труд этот был сходен с трудом золотоискателя, что промывает горы породы в поисках крупницы благородного металла.

В силу этих обстоятельств, дипломатический канал поставки достоверной информации из Лондона был мал и скуден. Куда более точную информацию по своей линии добывала разведка, располагавшая к этому моменту такими агентами как 'Кембриджская пятерка'.

Именно они дали Москве относительно полную информацию о действиях британского правительства в Финляндии. Их сведения носили в основном фрагментарный характер, но свести их в одно целое специалистам по разведке не составило большого труда.

Однако и они, определенное время не позволяли оценить весь замысел господина Чемберлена, так как только приоткрывали кусочек занавеса над ними. Агенты информировали о том, что англичане и французы оказывают всестороннее давление на финнов, суля им, всяческие блага и давая всевозможные обещания, подталкивают к военному конфликту с Россией.

О том, что северный сосед занят усиленным приготовлением к войне докладывали и пограничники. На участке советско-финской границы под Ленинградом заметно увеличилось число провокаций со стороны финнов, в виде обстрела из оружия и попыток проникновения на советскую территорию.

На каждый такой случай, советская сторона подавала протест финским пограничникам, на что получала разные по форме, но оскорбительные по содержанию ответы. Иногда

пограничные комиссары обещали разобраться со случившимся инцидентом, но чаще всего говорилось, что власти не могут сдержать праведный гнев финнов против Советов, зарившихся на их исконные земли.

Так продолжалось до седьмого ноября, когда из Парижа поступило сообщение с пометкой 'Молния', которое если не полностью обнажало намерения коварного противника, то позволяло узнать о его намерениях.

Сведения, всколыхнувшие обитателей Кремля, были получены от разведывательной сети, полученной в наследство от ещё царского военного разведчика Алексея Игнатьева. В свое время он активно вербовал в информаторы французских офицеров, многие из которых согласились работать на новую Россию. Несмотря на идейные разногласия с Москвой, они охотно поставляли информацию за вознаграждение.

Именно острая нужда в деньгах, подтолкнула офицера генерального штаба Жане Крильона продать резиденту русской разведки военные планы финнов. При этом француз искренне считал, что не наносит вред интересам своей родины. Ведь он раскрывал секреты не великой Франции, а каких-то там финнов и англичан.

Когда полученные сведения легли на стол Сталину, он срочно созвал совещание с участием Молотова, Берия, Жданова, Ворошилова и начальника Генерального Штаба командарма 1-го ранга Шапошникова.

Он был единственным настоящим военным среди всех собравшихся в сталинском кабинете, и ему было предложено дать оценку намерений финской армии.

— Скажите, Борис Михайлович, насколько на ваш взгляд могут быть достоверны те сведения, которые поступили к нам по линии разведки, и с которыми вы уже ознакомлены. Действительно ли финны могут начать войну с нами или все это ловкая дезинформация, направленная на то, чтобы втянуть нас в военный конфликт, с пусть несговорчивым и неуживчивым, но все же нашим близким соседом?

Как истинный воспитанник Академии Генерального штаба, услышав обращенный к нему вопрос, Шапошников начал вставать и приготовился отвечать стоя, но Сталин сделал упреждающий жест рукой.

— Можете отвечать сидя, Борис Михайлович, мне кажется, так вам будет удобнее — предложил вождь, и командарм покорно сел на стул.

— Генеральный штаб, товарищ Сталин, внимательно изучил все представленные нам разведкой материалы и пришел к единогласному мнению, что угроза нападения Финляндии на Советский Союз существует и она вполне реальна.

— Как реальна!? — удивленно воскликнул Молотов. — Они ведь не самоубийцы и не сумасшедшие эти финны, чтобы объявлять войну стране в несколько раз больше и сильнее её. На что они надеются, сделав этот шаг?

— Не на что, а на кого, — уточнил Сталин. — На стоящих за их спиной французов, а в особенности на англичан и их стотысячный десант в Мурманск. Господин Айронсайд хочет смыть с себя позор восемнадцатого года и взять реванш, охватив наш Север финско-британскими клещами. Учитывая количество наших сил на Кольском полуострове и кораблей Северного флота, такой сценарий войны мне кажется вполне реальным.

— Совершенно, верно, товарищ Сталин. Увеличив свою численность за счет призванных в строй полмиллиона резервистов, насытив новые части оружием, к концу декабря финская армия может нанести сильный удар в Карелии и, не считаясь с потерями выйти к Белому морю. Даже если им не удастся захватить Архангельск, они полностью отрежут Мурманск,

который без поддержки извне не сможет долго сопротивляться британскому десанту — подтвердил командарм.

— Полмиллиона резервистов слишком большая цифра для такой маленькой страны как Финляндии. Но даже если это так, то ведь их надо обучить и вооружить — осторожно усомнился Жданов.

— Относительно числа резервистов — эти данные нам предоставила разведка. Возможно, приведенные мною цифры и несколько разнятся с истинным положением дел, но суть дела от этого не меняется. Генеральный штаб считает, что финны могут к концу декабря сосредоточить на карельском участке границы 300-т тысячную группировку войск способную прорвать наши приграничные заслоны.

Что касается обучения резервистов, то сказанное замечание верно. У финнов нет нужного количества командиров с боевым опытом, что является большим минусом в любой войне, однако в этом случае он им и не потребуется. Их главная задача дойти до Белого моря и встать в глухую оборону, прочно отрезав Мурманск от остальной страны. Все остальное за них сделают британцы и их союзники французы, воевать с которыми мы ещё не готовы — с сожалением признал Шапошников.

— В отношении оружия, то его в Финляндии много осталось ещё с Гражданской войны. Немцы, англичане и французы их щедро снабжали оружием, плюс арсеналы Гельсингфорса. Может быть, оно несколько устарело, но для дела вполне пригодно. При помощи его финская армия может выполнить поставленную перед ней англичанами и французами боевую задачу по прорыву границы и удержания обороны. Ведь вся боевая кампания на Севере рассчитана на короткий срок в три-четыре месяца, так называемый блицкриг.

— Я хотел бы добавить, товарищ Сталин, — подал голос нарком НКВД, — по данным нашей разведки, англичане начали поставки зенитных пушек в Финляндию через норвежский порт Нарвик и Швецию. Первая партия орудий на днях прибыла в Финляндию, вместе с английскими инструкторами.

— Если в деле появились английские инструктора, то господин Чемберлен за дело взялся всерьез и британский десант в Мурманск становится реальностью — нерадостно хмыкнул Молотов.

— Согласно полученным из Парижа сведениям, англичане собираются вторгнуться на нашу территорию не позднее середины марта, группировкой общей численностью в сто тысяч человек. Насколько реальны эти сроки и цифры? Ведь согласно вашим же докладам, все сформированные дивизии на острове отправляют во Францию — спросил Начальника Генерального Штаба Ворошилов.

— Сроки вполне реальные, товарищ маршал. Генеральный штаб считает, что некоторую часть десанта составят французские солдаты. На это точно указывают предоставленные разведкой документы. А что касается британских дивизий, то вполне возможно это будут не чисто британские войска, сформированные на острове, а войска доминионов. Канады, Австралии или Южной Африки, как это было в мировую войну. За оставшиеся пять месяцев, англичане смогут сколотить такую группировку и попытаться её десантировать на наш Север.

— Мерзавцы — с горечью произнес Сталин. — Значит, мы определились, что финны могут и скорее всего, начнут против нас войну в декабре этого года. Тогда возникает законный вопрос, что мы можем противопоставить их агрессивным действиям?

Все выжидающе посмотрели на Шапошникова, так словно он один решал дальнейшую

судьбу страны.

— Единственное эффективное действие в этом случае, это начать боевые действия раньше противника. Нанести ему упреждающий удар до того момента, когда его войска успеют полностью сосредоточиться и развернуться на исходном рубеже атаки. Пока войска врага разъединены и разрознены, пока они ещё не собраны в один единый кулак их следует попытаться разбить по частям с минимальными для себя потерями.

Зная примерное направление главного удара финнов, и исходя из общей численности их войск, Генеральный штаб предлагает не позднее начала декабря нанести по противнику один главный и три вспомогательных удара в разных местах советско-финской границы.

— Получается четыре удара в разных местах? Но тем самым мы сами распylim свои силы и тем самым играем на руку противнику — не согласился с Шапошниковым Ворошилов.

— Не совсем так, товарищ маршал. В тех местах, а это районы Кандалакши и Кеми, у финнов нет крупных сил и наступая, мы создадим угрозу расчленения Финляндии. С целью недопущения этого, финны будут вынуждены снять часть сил со своего главного направления.

— Резонно — согласился с командармом Сталин. — А где вы собираетесь нанести свой главный удар. В Карелии?

— Нет, товарищ Сталин. В Карелии будет нанесен упреждающий удар по противнику, главный удар мы предлагаем нанести на Карельском перешейке.

— То есть по 'линии Маннергейма', там, где нас финны и ждут. Вам не кажется Борис Михайлович, что здесь некоторое противоречие — Сталин внимательно посмотрел на ответчика, но тот не смутился.

— Нет, товарищ Сталин не, кажется. Предлагая этот вариант, Генеральный штаб исходил из того, что единственное, что может принудить противника выйти из войны, это непосредственная угроза их столице. Пробриться к Хельсинки, через Карелию, где будут находиться главные силы противника в условиях зимы, будет очень сложно. Кругом болота, полное отсутствие условий для маневра, означает, что сражаться с противником придется лоб в лоб, неся при этом серьезные потери.

Путь через перешеек короче и согласно разведывательным данным предоставленным командующим Ленинградского военного округа командармом Мерецковым, финская оборона на нем имеет слабые места. Так в некоторых местах оборона состоит из старых Дотов лишенных артиллерийской поддержки, а кое-где представляет собой линию земляных укреплений с проволочными заграждениями. Зная эти слабые места можно попытаться прорвать оборону противника и развить наступление сначала на Выборг, а потом на Хельсинки.

— Ну а если, не дай, конечно, бог, наши войска не смогут прорвать оборону противника. Что тогда? Карельский перешеек по своим природным свойствам ничуть не лучше карельских болот для удара в лоб.

— Я убежден, что наши войска прорвут оборону противника и принудят его начать мирные переговоры, товарищ Сталин — твердо заверил генсека нарком обороны и тот с ним согласился.

— Ну, что же. После польского похода и победы на Халхин-Голе у нас нет причин сомневаться в словах товарища Ворошилова. Будем считать, что Генеральный штаб принял верное решение и не ошибся. А если и ошибся, то мы его поправим и поможем. Борис

Михайлович, предоставьте нам свой план в окончательном виде. Это как я понимаю, был только черновой вариант.

— Будет исполнено, товарищ Сталин.

Вождь внимательно оглядел соратников, готовясь сделать небольшое резюме, но в разговор вновь вмешался Берия.

— Разрешите, товарищ Сталин. У меня имеется важная информация, политического значения.

— Относительно финнов? — уточнил вождь не привыкший пугать военную и политическую информацию.

— Да.

— Ну что, говори, что узнали твои орлы — мягко усмехнулся вождь.

— В Хельсинки замечена резкая активизация местной белогвардейской нечисти, что вполне объяснимо в связи с подготовлением финнов к войне. В столицу Финляндии прибыло несколько высокопоставленных представителей РОВСА вместе с Борисом Бажановым.

— А этому предателю, что там понадобилось? — нахмурился Сталин, услышав имя своего бывшего секретаря, сбежавшего на Запад в двадцатых годах.

— Отрабатывает свои тридцать серебряников. Собирается создать из местных белогвардейцев и тех красноармейцев, которые будут захвачены финнами в плен, русскую освободительную армию. Которая вместе с финнами должна будет захватить Ленинград и объявить о создании нового правительства в России.

Слова Берии вызвали у всех сидящих в кабинете смешанные чувства гнева и отвращения. Появление в северной столице нового правительства России означало раскол страны и начало новой Гражданской войны.

— Знакомые намерения — глухо произнес генсек. — Нечто подобное хотели сделать господин Тухачевский с компанией, в случае начала польско-германского вторжения в СССР. Тогда, наши войска должны были потерпеть поражение в Белоруссии, после чего они намеривались поднять мятеж в Москве. Теперь же, когда у нас нет 'пятой колонны' господа англичане и французы хотят нанести нашим войскам поражение на Севере и принести России новое правительство извне, на своих штыках.

Все понятно. И кого они собираются поставить во главе этого правительства спасения? Генерала Деникина как бывшего Верховного правителя России или кто-то из потомков великих князей Романовых?

— К сожалению, товарищ Сталин, точно имя этого человека пока неизвестно, но это точно не Романовы и не генерал Деникин. Монархисты уже не имеют никакой политической силы, а бывший Верховный правитель Юга России полностью отошел от всех политических дел, и занимается исключительно мирной жизнью. Разводит на своей ферме кроликов.

— Новый российский Диоклетиан — усмехнулся Молотов, но вождь пропустил его слова мимо ушей.

— Ладно, не Деникин и не Романовы, тогда кто? Кто, по мнению наших врагов, может возглавить это правительство и привлечь на свою сторону хотя бы часть народа? На кого они собираются сделать ставку, Лаврентий?

— Точных данных пока нет. Но наша американская агентура заметила особенную активность местных властей вокруг господина Керенского. К нему несколько раз приезжали

представители госдепартамента США, после которых на его счету появилось солидная сумма и главное: Керенский заговорил со своим окружением о его скором отъезде в Россию.

— Да, этой краснобай вполне подходит на роль главы марионеточного правительства. Хоть в Мурманске, хоть в Архангельске, хотя в Хельсинки. Главное начать, заявить о себе, а там, куда кривая выведет.

— Чтобы потом вновь бежать на американском автомобиле в женском платье — поддел Керенского Ворошилов, чем вызвал легкий смех среди собравшихся в кабинете генсека людей, но новые слова Берии. Быстро вернули их с небес на землю.

— Но есть ещё один человек, который по своей значимости далеко превосходит Керенского — многозначительно произнес Берия и по тому, как напряглась спина вождя, было видно, что он догадался, о ком говорил нарком.

— Кто? Троцкий?

— Да, товарищ Сталин.

— И что? К нему тоже приезжали?

— Пока нет, но наши мексиканские друзья постоянно следят за его домом.

— Троцкий действительно знаковая фигура, но пойдет ли он на сотрудничество с англичанами? — усомнился Молотов.

— Пойдет, — безапелляционно заявил Берия, — ради власти пойдет. Тем более у него старые связи с английскими и американскими банкирами. Пойдет.

— Ладно, не будем гадать на кофейной гуще. Как говорят военные, война план покажет — прервал прения Сталин. — Но появление нового русского правительства не должно застать нас врасплох. Какие есть предложения.

— Думаю, что на их правительство в Финляндии, мы должны ответить своим финским правительством. Мало ли у нас финнов для этого дела осталось — высказал предложение Жданов.

— Верно, говоришь Андрей. Сразу после занятия любого финского городка, следует объявить о создании нового финского правительства. Они хотят иметь две России, так пусть получают две Финляндии — подхватил его предложение Молотов.

— Думаю, что это будет верным ходом, — согласился Сталин. — Посадить их в Хельсинки конечно мало шансов при таком зверином антисоветизме в котором погрязла Финляндия. Но доставить лишние хлопоты господину Каллио стоит. В борьбе с противником не на жизнь, а на смерть, не следует пренебрегать никакими средствами. Товарищ Жданов, создание нового финского правительства и обеспечением его всем необходимым включая радиостанцией, поручается вам.

— Понятно, товарищ Сталин, — секретарь ленинградского обкома сделал пометки в своем блокноте, — постараемся сделать в лучшем виде.

— Сделайте. А тебе Лаврентий особое задание, наблюдение за Троцким. Чует мое сердце, что к нему приедут гости с интересным предложением, от которого обычно не отказываются.

Предчувствие не обмануло вождя. Через пять дней после совещания в Кремле, наружное наблюдение зафиксировало появление гостей на мексиканской вилле Троцкого, которых тот с радостью принял.

О чем говорил лидер IV Интернационала с посланниками большого капитала, было пока неизвестно. Своих людей в близком окружении Троцкого, способного осветить этот вопрос у Берии не было, но уже сам визит давал обильную пищу для размышления.

Когда нарком НКВД доложил Сталину о встрече, тот сильно встревожился.

— Троцкий, конечно, отказался возглавить правительство до того, как финны нанесут нам серьезное поражение. Вот тогда, когда на всех углах будут кричать о сокрушительно разгроме нашей армии, можно будет выходить из подполья и объявлять о своих претензиях на власть. Как он говорил. — 'Власть надо брать, когда войска противника будут стоять в ста километрах от столицы'. Все верно, самый удобный момент для переворота.

Вождь внимательно посмотрел на наркома.

— Троцкий стал нам очень опасен. Первый раз он нам крепко нагадил в Испании, когда его сторонники подняли мятеж в Барселоне и спутали нам все карты. Теперь он вступил в связь с американцами и англичанами и готов возглавить новое российское правительство — Сталин сделал паузу, а затем, собравшись с духом, произнес. — Его надо убирать и чем скорее, тем лучше. Даже если нам удастся сорвать новую иностранную интервенцию в Россию, он по-прежнему будет представлять для нас смертельную угрозу. Ради достижения своей цели он пойдет на союз с кем угодно. С англичанами, американцами, немцами, японцами, с чертом и дьяволом. Его нужно убирать. Это можно будет поручить мексиканским товарищам?

— Да, конечно. Комбриг Сикейрос рвется в бой. У него свои счеты с троцкистами по Испании.

— Вот и отлично. Пошлите надежного человека ему в помощь и приступайте. Троцкий в Финляндии, а тем более в Архангельске — это бомба.

Сталин встал, подошел к висевшей на стене карте Советского Союза и негромко произнес.

— До Ленинграда всего двадцать пять километров, но их ещё надо пройти.

Финны также как и кремлевский горец, хорошо умели считать километры и надеялись их быстро пройти.

Воинственный угар вскружил голову не только высоким политикам, но и простым солдатам и офицерам. В войсках, придвинутых в предполье к линии Маннергейма в районе реки Сестры, шли жаркие дискуссии о предстоящем походе на восток.

В жарких спорах горячие финские парни решался вопрос как быстро они разобьют 'красных' и где пройдет новая восточная граница великой Суоми.

— Я этих красных сволочей двадцать лет назад бил так, что они от меня бежали как зайцы! — грозно вещал капитан Пуккенен, приняв на грудь стакан горячительного напитка. — Летели так, что пятки сверкали, ибо знали, что если попадут в руки Юхо Пуккенену, он из них шкуры кровавые ремни нарежет и солью посыплет.

Грозный вид капитана и нож зажатый в его руке не оставлял никаких сомнений у слушателей, что все именно так и было.

— Мы их всех и баб и мужиков и детей, всех носителей красной заразы убивали. Кого штыком, кого топором, а кого и шомполом в ухо и головой об стену ради экономии патронов. Все они были одним миром мазаны — эти русские.

— Но быть может, среди них не все были красными. Дети наверняка не успели проникнуться духом большевизма — неудачно встрял в эпическое повествование капитана Нико Пирволяйнен. Выпускник университета он только недавно надел погоны и не успел, как следует проникнуться духом 'Великой Финляндии'.

— Молчать! — взревел обиженный капитан. — Дети не успели так их, потом этому научат, разве это не понятно!? Каждый русский, живущий в Карелии и Лапландии наш

потенциальный враг, и мы не имеем права проявлять к ним никакой жалости. Сегодня ты пожалел мальчишку или девчонку, а завтра они тебе в спину выстрелят. Думать надо, Пирволяйнен!

— Я думаю, господин капитан — пугливо съежился вчерашний студент, но разгоряченного офицера уже нельзя было остановить.

— Плохо думаете! Если вы в бою будите позволять себе сентиментальность по отношению к врагу, ваша песенка спета! Вы должны знать только одно, любого русского надо убить, не зависимо от того мужчина перед тобой или женщина, больной он или раненый. Он должен быть убит, чтобы освободить нам жизненное пространство на востоке. Ты, согласен со мной!? — разгоряченный спиртным капитан вперил требовательный взгляд в своего подчиненного и для наглядности ткнул в него грязным корявым пальцем. Как раз перед этим он резал кровяную колбасу и немного запачкал руки.

— Мужчин да, но женщин и детей — замялся Пирволяйнен, чем ещё больше разозлил капитана.

— Вот из-за таких умников, мы двадцать лет назад не смогли сделать то, что должны были сделать. Именно такие осторожные как ты дали нам приказ отступить с нашей исконной земли, и мы были вынуждены подчиниться. Это благодаря вам, нынешняя граница проходит не по берегу Белого моря и русские свиньи владеют нашими землями в устье Невы. Это из-за вас умников мы вынуждены шагать к Уралу не от Архангельска, а от Ладоги! — далее следовала непереводаемая игра слов финского диалекта, от которых несчастный студент судорожно подтянул ноги и сжался в комок.

Если бы капитан был скандинавом, его смело можно было бы сравнить с грозным Тором или Одином. Однако он был финном, в чьем пантеоне не было бога ответственного за выявление крамолы и измены в собственных рядах.

— Ты и тебе подобные Пирволяйнен, трусы и изменники способные в любой момент предать нашу великую национальную идею. Выстрелить нам в спину из-за страха перед ответственностью, из-за нежелания запачкать свои чистенькие ручки!

— Но, господин капитан — затравлено пискнул оппонент, однако капитану не нужны были слова. Ему нужны были действия и немедленно.

— Молчать!!! Встать!! — приказал Пуккенен, и бедного студента подбросило как из катапульти. — Ты паршивый слизняк и соглашатель, Пирволяйнен. Ты предатель, окопавшийся в наших рядах!

В порыве гнева капитан выхватил из кобуры пистолет и гневно потряс им перед лицом подчиненного.

— Уверяю вас, господин капитан, что это не так! — пересохшими от волнения губами Пирволяйнен.

— Не так!? Значит, я ошибаюсь!?

— Ошибаетесь, господин капитан!! — не сводя глаз с вороненого дула пистолета проговорил несчастный финн.

— Тогда докажи мне и всем нам, что мы ошибаемся в отношении тебя — потребовал вошедший в раж мучитель.

— Но как я смогу вам это доказать!?

— Убей красного и тогда я поверю тебе!

— Но ведь мы не воюем? Как я смогу убить красного, господин капитан? — вопрос бывшего студента на секунду поставил капитана в замешательство, но только на секунду.

— А ну выходи! — приказал он Пирволяйнену и указал стволом на дверь.

Слова капитана заинтриговали остальных офицеров, и они гурьбой выскочили на свежий воздух. Там не выпуская оружия из рук, капитан подвел свою жертву к артиллерийскому орудью, входившему в состав батареи недавно прибывшей в часть.

— Зарядить орудие! — приказал капитан стоявшему рядом с орудием солдату артиллеристу.

— Но, господин капитан — запротестовал солдат.

— Молчать! Выполнять мой приказ! Сейчас лейтенант Пирволяйнен всем нам докажет, что он не трус и не тайный агент большевиков — приказал капитан и видя, что солдат не торопится выполнять его приказ, пригрозил — или ты тоже скрытый сторонник 'красных'!? И тебя тоже следует передать жандармам?

Услышав о жандармах солдат, испугался и покорно выполнил приказ капитана.

— Там, красные — торжественно указал на юг Пуккенен. — Если ты честный финн, то ты выстрелишь по ним. Если нет, на счет три выстрелю я, ни никто меня за это не осудит. Дай ему шнур!

Солдат проворно сунул шнур в руки трясущегося лейтенанта и боязливо отскочил в сторону.

— Ну!? — грозно потребовал капитан и вскинул руку с пистолетом. — Раз! Два!!

Не дожидаясь счета три, Пирволяйнен судорожно дернул шнур и пушка выстрелила. Оглохший от грохота он собирался отойти от орудия, но капитан остановил его.

— Одного выстрела мало! Ты слишком медлил! Зарядить орудие снова! — потребовал капитан, и артиллерист покорно подчинился. Разумный финн предпочел не связываться с психом. В конце концов, он только выполнял приказ офицера.

Прошло меньше минуты, как прогремел второй выстрел, а затем и третий. Он был необходим капитану для чистоты эксперимента.

Этот случай вызвал большой переполох. Все три снаряда упали на территории СССР и принесли ущерб пограничной заставе, охранявшей этот участок границы. Взбешенное начальство перевело Пуккенена в другую часть, находящуюся в Карелии, а на протест советской стороны ответило, что понятия не имеет о причинах взрывов на советской территории.

Много лет позднее, прогрессивные рассеянные исследователи придут к выводу, что в этом инциденте виновата исключительно советская сторона. Выстраивая хитроумные догадки и предположения они докажут не имея ни одного факта, что это дело рук чекистов. Как они это сделали, открыли огонь по заставе из глубокого тыла или тайно, под покровом ночи перетащили через границу орудие и с финской территории дали несколько залпов по своим, не суть важно. Все это детали. Чекисты и злобный Сталин виноваты, что называется априори, по факту своего существования.

Обстрел советской территории и издевательское предложение финнов для предотвращения подобных инцидентов впредь отвести войска от границы на расстояние в двадцать пять километров, переполнило чашу терпения Кремля.

Газета 'Правда' вышла с разгромной статьей 'Шут гороховый на троне' в адрес финского президента Каллио. Товарищ Жданов торопливо собирал новое финское правительство, а Кировская железная дорога завершала переброску людей и техники на север. Часы истории отсчитывали последние часы мирного времени. В конце ноября финскому послу в Москве была вручена нота о разрыве отношений и началась малая война, имевшая все шансы

перерасти в большую.

Глава VI. Переправа, переправа, берег левый, берег правый

Переход через границу с Финляндией прошел спокойно и без особых хлопот. Застигнутые врасплох финские пограничники не оказывали какого-либо серьезного сопротивления. Некоторые солдаты наподобие немцев подхватили дорожный шлагбаум на границе и дружно, под озорные прибаутки откатили его в сторону, символично открывая дорогу Красной армии. Другие сбивали с таможни эмблемы с финским львом и этим остались довольны.

Совсем по-другому вели себя советские пограничники. У них были свои давние счёты с сопредельной стороной, которые отражались в названиях застав, данных в честь погибших героев пограничников или их именах, навечно зачисленных в списки гарнизонов застав.

Свой переход границы они отмечали по-особому. Вооружившись пилами, они с особой тщательностью выпиливали финские пограничные столбы, а потом присыпали землей места, где они находились.

Действуя так, они четко и ясно говорили всем и вся, что больше этого пограничного рубежа уже не существует, а где будет новый, это мы ещё посмотрим.

В подавляющем большинстве у солдат, что вторглись в Финляндию, настроение было веселое. Свою роль в этом сыграл недавний польский поход, а также действие агитаторов, которые две недели усиленно обрабатывали личный состав полков и дивизий. Благодаря этому, солдаты были уверены, что финская армия откровенно слаба и малочисленна, и достаточно только один раз хорошо ударить как она побежит без оглядки, подобно тому как бежали поляки.

Кроме того, солдаты были уверены, финские трудящиеся мобилизованные капиталистами в армию, только и ждут прихода советских братьев. Что стрелять они не будут, а будут оказывать всестороннюю помощь бойцам РККА.

В несколько ином виде, но полностью схожим по своему настрою, виделась война и многим командирам, ведущим в бой своих бойцов. На преодоление предполья они отводили пять дней, примерно столько же планировалось потратить на преодоление финских укреплений. Не больше недели уходило на взятие Выборга, а затем марш-марш на Хельсинки и конец войне.

Успехи польского похода основательно вскружили голову отцам командирам, и они были уверены, что к концу декабря, в худшем к Старому Новому году они закончат свой освободительный поход.

Истинное положение дел, о том, что финны готовы оказать упорное сопротивление не знал ни командарм Яковлев, руководивший всей этой массой войск вторгшихся в Финляндию, ни командующий Ленинградским округом Мерецков. Отдавая приказ о начале боевых действий, нарком обороны посчитал лишним разводить страсти среди высшего командного состава.

— Лишнее это все. Вы же знаете, как это у нас бывает. Поступит директива сверху, и начнут каждого куста бояться, проявлять излишнюю предосторожность — говорил Ворошилов, отвечая на предложение Шапошникова, ознакомить руководство Ленокруга с полученными разведывательными сведениями. — Его задача прорвать финскую оборону, вот пусть он её и прорывает, не отвлекаясь на другие задачи. Тем более что именно его штаб разработал план прорыва 'линии Маннергейма' и вы, Борис Михайлович, утвердили его без серьезных замечаний. Пусть люди попробуют свои силы в проведении наступательной операции.

— Меня беспокоит тот факт, что этот план создан на основе устаревших разведанных, срок которых более полугода. Всестороннего обследования финских укреплений перед началом боевых действий командармом Мерецковым не проводилось. Знай, я об этом ранее, никогда бы не поставил свою подпись под этим планом операции.

— Ну не успел провести командарм перепроверку разведанных из-за цейтнота, в котором мы оказались. Да, дал немного маха, что теперь, всю операцию отменять? — с нажимом спросил нарком, прекрасно зная, что Шапошников не рискнет предложить Сталину перенести начало операции на поздний срок. Время работало против Советского Союза, ибо каждый день, только укреплял силы его будущего врага.

— Я считаю, что нужно предупредить командарма Мерецкова о возможных трудностях, что могут возникнуть при прорыве финских укреплений — предложил командарм, но нарком не услышал его опасений.

— Так мы им столько войск, танков и артиллерии дали, что они спокойной разнесут финнов к чертовой матери. Да и не успели они там за полгода ничего серьезного построить — отрезал нарком полностью уверенный в правоте своих слов и силе руководимой им РККА.

В том, дело обстоит несколько не так, как это планировалось, старший лейтенант Василий Любавин убедился в первый же день наступления на предполье 'линии Маннергейма'. Как имевший опыт боевых действий, его полк был переброшен к финской границе для прорыва вражеского укрепрайона.

Польский поход принес молодому волжанину повышение по службе и медаль 'За отвагу'. Комдив Рокоссовский упомянул о его удачных действиях в боевой обстановке в своем рапорте Тимошенко и своей властью представил лейтенанта к медали.

Привыкшего к просторам приволжских степей и широте украинских полей, местные карельские особенности сильно озадачили Любавина. Небольшие финские дороги оказались не готовы к той огромной массе войск, что хлынула в наступление через границу. Пехота, танки, конные упряжки с полевыми орудиями и тягачи с пушками крупного калибра, бензозаправщики, машины со снарядами, полевые кухни все находились в движении, нещадно мешая друг другу.

Никакого управления проходом войск не было и в помине. На дороге действовал принцип 'кто успел, тот и съел', въехавшие на дорогу машины не хотели уступать свое место на ней ни конному, ни пешему.

Все шли вперед, ориентируясь в основном по компасу. Карт было мало, и они были в основном у командиров полков и батальонов. Из-за возникшего на дороге хаоса и бардака, многие из соединений оказались оторванными друг от друга, а если этого не случалось, то на помощь тыловой поддержки рассчитывать не приходилось. Даже точно зная местонахождение своих подразделений, они не могли быстро пробиться к ним.

Крик, ругань и маг непрерывно стояли над военными дорогами весь световой отрезок дня. Именно здесь на финских дорогах как никогда остро встала проблема связи. Радиостанции были только в дивизиях, а привычная телефонная связь была невозможна. Вся надежда была на делегатов связи, но быстро найти и доставить командиру сообщение, в этом дорожном винегрете было просто невозможно.

Очень быстро выяснилось, что обходные маневры в условиях Карельского перешейка невозможны. С обеих сторон от дороги стояла стена леса и покрытые снегом гранитные глыбы. Налети в этот момент на дорогу эскадрилья финских бомбардировщиков и потери советских войск были огромны, но этого, слава богу, не случилось. Вся финская авиация в эти дни была стянута на защиту Хельсинки, которые 'сталинские соколы' уже дважды успели отбомбить, правда, не очень удачно.

Такая картина наблюдалась на всех дорогах в течение всех четырех дней, что соединения 7-й армии продвигались от границы вглубь финской территории. И чем дальше они уходили от пограничной черты, тем больше возникали подобные проблемы.

О них командиры полков и дивизий наперебой докладывали своим комкора, те информировали командарма 2-го ранга Яковлева, но никакой реакции со стороны командующего не последовало. Вместо того чтобы дать команду навести порядок на дорогах, он продолжал упорно гнать войска вперед, бодро рапортуя Мерецкову, а тот в свою очередь Москве.

Перед самым выходом к 'линии Маннергейма' командарм неожиданно решил поменять направление главного удара армии, сместив его с Выборга на район западного побережья Ладожского озера. Штаб 7-й армии посчитал, что там легче всего будет прорвать укрепления финнов, основываясь на разведывательных данных, полученных в конце 1937 года.

Как результат этого решения, стали новые пробки на дорогах и решение командарма начать штурм финских укреплений без предварительной инженерной разведки. У командарма горели сроки определенные Мерецковым для прорыва вражеских укреплений.

В результате этой спешки, реку Быстрая, что преградила путь советским войскам к основной линии финской обороны в этом районе было решено форсировать с марша. Как не упрашивали комдивы своих комкоров дать им время для проведения разведки, все было тщетно. Вперед и только вперед! — таков был девиз тех декабрьских дней, обернувшийся потом большой кровью.

Все подходы к реке, финская артиллерия пристреляла более месяца назад и когда саперная команда попыталась установить переправу через холодную и быструю реку, она понесла сильные потери.

Руководимые своими корректировщиками, финны уверено били по южному берегу, перемалывая людей и подведенную к берегу реки технику. Черные столбы разрывов перемешивались с огнем и дымом от подбитых автомобилей и горящего в них имущества.

Попав под столь сильный и неожиданный удар вражеской артиллерии, саперы были вынуждены в спешке отступить, бросая ставшее ненужным снаряжение и вынося из-под огня раненых.

— Где наши артиллеристы!? Когда они по ним ударят!? Мы там у них как на ладони!! — несло по радио от полка к дивизии, но ничего утешительного в ответ не приходило. Артиллеристы и снаряды прочно застряли в той каше, что возникла на дорогах. К переправе через реку Бурную они прибыли только на следующий день, а пока корпуса требовали от дивизии, невзирая на потери продолжить форсирование реки.

Приказ есть приказ и через два часа, несмотря на ожесточенный огонь противника в район переправы смогли пробиться машины понтонного батальона, которые стали налаживать переправу.

Вслед за ними стали подтягиваться стрелковые роты, что не осталось незамеченным для наблюдателей противника. Едва только они приблизились к переправе, как финны тут же перешли с осколочных снарядов на шрапнель, заставив выскочивших из траншеи красноармейцев пробираться к стоящим у берега лодкам перебежками и ползком.

С большим трудом рота капитана Доброва и старшего лейтенанта Супонина погрузились на лодки и стали переправляться через студеную быструю реку и в этот момент, к артиллерийскому огню противника прибавился огонь пулеметный. ДОТов в этом месте переправы у противника не было, но две пулеметные точки в прибрежной роще у финнов имелись.

Страшно грести под завывание пролетающей над твоей головой шрапнели, но во стократ ужаснее видеть, как по тебе с того берега бьет вражеский пулемет. Как его хищные очереди стремительно летят навстречу твоей лодке, стараясь во, чтобы то ни стало смести тебя в черную бурлящую воду, не дать пересечь эти невыносимо долгие сто метров.

Иногда очереди задевали сидящих в лодках людей, иногда они проходили мимо, но была ещё одна опасность, грозившая смертью советским солдатам.

Большинство лодок, на которых переправлялись роты, были резиновые. Достаточно было одной очереди, одной пули попавшей в их наполненные воздухом борта, чтобы вывести её из строя. Получив такое повреждение, лодка либо переворачивалась и тонула, либо теряла управление и став легкой добычей быстрого течения, уносилась под сваи взорванного отступавшими финнами моста.

Спаслись в ледяной воде с утонувших или перевернутых лодок могли единицам. В основном это были те солдаты, чьи лодка перевернулись у самой кромки берега и у них, хватило сил выбраться из воды. Те же, кто оказался в воде на середине реки, погибали в её темной воде без приметы и следа.

Картина была страшной. Люди гибли на глазах у своих товарищей, а те не в силах их спасти, яростно налегали на весла, чтобы как можно быстрее преодолеть этот роковой рубеж.

Злость к финским пулеметчикам у солдат роты старшего лейтенанта Супонина, была такова, что едва ступив на берег, они без всякой команды бросились на подавление огневой точки врага.

Пригибаясь среди поваленных стволов деревьев, солдаты приблизились к пулеметному гнезду и забросали его гранатами. Справедливость восторжествовала, но она не изменила общего рисунка боя. Финские артиллеристы методично и уверенно продолжали вести огонь со своих закрытых позиций.

Увидев, что первая волна русские лодок сумела преодолеть водную преграду, финские корректировщики перенесли огонь своей артиллерии. Теперь их снаряды стали рваться на подступах к северному берегу, стремясь создать огневой заслон на пути роты капитана Доброва, заставить их отступить обратно.

Быстро наступившие сумерки не позволяли финнам вести прицельный огонь, своевременно перенося его с одного репера на другой. Это обстоятельство заметно снизило процент потерь среди второй роты. Соединившись с потрепанными взводами старшего лейтенанта Супонина, она перешла в наступление, и к половине шестого вечера закрепились

в прибрежной роще и небольшом рыбацком хуторе.

Находившаяся на южном берегу, рота Любавина должна была последовать вслед за ними и помочь главным силам батальона удержать и расширить плацдарм, но проблемы с плавсредствами не позволили им сделать это.

Все резиновые лодки были посечены осколками снарядов и шрапнелью, и третьей роте пришлось дожидаться подвоза замены. Деревянные двухвесельные лодки прибыли к переправе только в девятом часу вечера, когда сражение на северном берегу уже подходило к концу.

Первая попытка финнов выбить советских солдат и сбросить их в Бурную закончилась неудачей. Брошенный в атаку батальон капитана Мюллера был встречен плотным огнем и вынужден был отойти, неся потери.

Обозленные неудачей финны стянули к роще, где держала оборону рота Доброва всю артиллерию, и ударили из всех стволов. В течение часа, по русской обороне били из пушек, минометов и крупнокалиберных пулеметов.

Огненные сполохи, обрушившиеся на рощу, были хорошо видны с южного берега. Не нужно было быть великим стратегом, чтобы понять, что роты Доброва и Супонина оказались в тяжелом положении. Как им была нужна огневая поддержка, пусть даже неполной батареи, но сейчас, немедленно.

— Да где же наша артиллерия!? Ведь нам обещали прислать гаубичную батарею! Сколько можно ждать, ведь наши долго там не продержаться! — в сотый раз обращался он к комбату Гусыгину и в ответ слышал ругань, как в свой адрес, так и в адрес начальства.

— Не разводите панику, Любавин. Сколько надо столько и продержаться. Капитан Добров опытный командир, нечета некоторым. А, что касается гаубиц, так их направили к третьей переправе. Там наметился успех, а нам приказано подождать.

— А у нас, здесь, что?! Отвлекающий маневр?! Столько людей положили!

— Старший лейтенант, я запрещаю вам обсуждать приказ командования. Сказано ждать, значит ждать! Там наверху лучше знают, кого сейчас поддержать, а кого оставить на потом.

Пока высокое начальство 'делало думато', финны закончили перемалывать рощу и усилив наступательные ряды ещё одним, подошедшим с марша батальоном. На этот раз успех был на стороне командующего объединенным отрядом майора Шрове. Роща была полностью зачищена от русских солдат, после финны навалились на роту Супонина.

К этому моменту понтонеры подвезли лодки, и Любавин был готов начать форсирование реки, но Гусыгин медлили с отданием приказа. Капитан уже доложил в полк, об успешном форсировании реки и захвате плацдарма ротами его батальона. За свой доклад он получил благодарность от комполка, который поспешил доложить комдива, а тот комкора. Все было хорошо, все были довольны и перед капитаном стоял вопрос, что делать дальше.

Видя, какие потери понесли роты при форсировании реки, возникал вопрос о целесообразности переправлять на тот берег третью роту, а вместе с ней и штаб весь батальона. Идти в ночь, неизвестно куда, Гусыгину очень не хотелось, тем более у него была веская причина, слишком поздно были доставлены лодки.

Все было ничего, но третьей ротой командовал Любавин, которого капитан недолюбливал. За глаза он называл Любавина 'принцем Савойским', подразумевая доморощенность суждений старшего лейтенанта.

Будь его воля, он первым бросил на форсирование реки роту Любавина, но она как на грех застряла на марше и в бой, пришлось послать роту Супонина.

Опасение капитана в том, что Любавин не даст ему спокойной жизни, появились немедленно, едва прибыли лодки.

— Бой в районе роши затих и по докладу наблюдателей переместился в квадрат 24–12. Нам необходимо как можно быстрее начать переправу, чтобы помочь нашим товарищам — настаивал Любавин, но у Гусыгина было иное мнение.

— Зачем зря рисковать людьми? Наши наверняка отбили атаку врага в районе роши, и теперь они пытаются прорвать нашу оборону в другом месте. Если бы Доброву нужна была бы наша помощь, он бы подал сигнал двумя белыми ракетами. Их нет, значит, они справляются своими силами. Наступит утро, тогда и начнем переправу.

— Добров может быть убит или ракетчик не смог подать условный знак. Посмотрите, как там стреляют, в любом случае наша помощь там не помешает — настаивал Любавин и, чувствуя, что стралей просто так не отступит, Гусыгин пустился на примитивную хитрость.

— Слишком много может быть в ваших рассуждениях, а мне нужно знать точно, что делать. Пусть ваши солдаты будут готовы к началу переправы, а я поду свяжусь с комполка — сказал Гусыгин и удалился в штаб. Капитан решил, продержаться на морозе строптивного лейтенанта, чтобы тот, замерзнув, сам отвел своих людей от переправы.

Расчет был верным, но на беду Гусыгина в его отсутствие к переправе подошел батальонный комиссар Маркелов. Именно он отправился к саперам выбивать лодки для роты Любавина и вопреки надеждам комбата вернулся на ночь, глядя, не оставшись в теплом штабе полка.

Старый партиец, направленный в ряды РККА с конца 1938 года для укрепления дисциплины, он был очень требователен к военным, видя в их действиях либо халатность, либо скрытый саботаж в выполнении приказа.

Следовало признать, что основания думать так у батальонного комиссара были и, увидев стоявших без дела солдат, он заподозрил Любавина в причастности к этим грехам. Узнав, что рота вот уже больше получаса стоит в ожидании приказа от Гусыгина комиссар пришел в ярость и бросился на узел связи, где комбат приятно коротал время в женском обществе.

Прихваченный, что называется на 'горячем', Гусыгин поспешил дать приказ к отправке солдат, навечно занеся Любавина в свой 'черный список'.

Пока шли все эти события, выстрелы на северном берегу уже стихли. Финны взяли полностью под свой контроль оборонительные позиции советского десанта в районе хутора, за исключением кирпичного здания автомобильной мастерской.

За её крепкими стенами наши укрытие восемнадцать человек из роты Супонина. Израненные, со скудным запасом патронов и гранат, они оказали упорное сопротивление наседавшему на них врагу, который был вынужден отступить.

Не желая нести бессмысленные потери в ночное время суток, майор Шрове приказал отступить, чтобы утром сравнять прицельный артиллерийским огнем последний оплот русского сопротивления.

В Красной армии к началу декабря 1939 года было много того, от чего волосы встают на голове дыбом, но и у финнов своего разгильдяйства и ошибок хватало. Так, зачистив от русского десанта рошу и хуторок, майор Шрове не стал занимать захваченные им позиции. Он с чистой душой отвел свои войска на исходные позиции, оставив вблизи мастерской

отделение наблюдателей с пулеметом, с приказом не допустить попыток прорыва русских из автомастерской.

Об этом он доложил в штаб полка и получил полное одобрение своих действий. Морозить своих солдат финские отцы-командиры не хотели, а мысль что кто-то ночью попытается форсировать реку, казалась им откровенно глупой. Кто будет совершать подобное самоубийство.

Все это говорило о том, что, несмотря на долгое соседство, финны плохо знали своего дикого соседа, который может легко совершить то, что не укладывается в простой логике.

Благодаря отсутствию в этом месте обороны противника прожекторов и осветительных ракет, рота Любавина смогла благополучно переправиться на вражеский берег. Было около двенадцати часов ночи, когда оставив лодки на берегу реки, она без единого выстрела, заняла рощу, где держал свою последнюю оборону капитан Добров.

Перед бойцами предстало ужасное зрелище с замерзшими трупами на почерневшем от взрывов и пролитой крови снегу. Все защитники этого рубежа были мертвы и легкий ветерок, уже наносил снежную пыльцу на их лица.

Из всей роты только два бойца смогли спастись благодаря темному сумраку ночи. Подавив активное сопротивление солдат Доброва, и наскоро прочесав рощу, финны ушли, милостиво оставив раненых замерзать на снегу.

Спасшиеся стрелки рассказали Любавину, что их командира сразил осколок мины в самом начале обстрела рощи вражеской артиллерией, а из оставшихся в живых на тот момент командиров, никто не знал о существовании условного сигнала белыми ракетами.

Когда судьба десанта стала более ясной, перед Любавиным встал непростой вопрос, что делать. Отойти в виду малочисленности своих сил или выполнить приказ командования и остаться на достигнутом рубеже.

Оказавшись в столь непростом положении, старший лейтенант не растерялся и проявил характер. Первым делом он отправил на свой берег лодку с донесением и просьбой прислать ему комендантский взвод и пулеметчиков.

Вторым его действием была организация разведки, в которую он послал самых опытных бойцов из своей роты, в прошлом охотников. Бывалые люди, они смогли не только незаметно подобраться к позициям врага, но и определить их приблизительную численность.

К двум часам ночи Любавин не только располагал разведывательными данными о противнике, но и получил пополнение. Под напором комиссара Маркелова комбат был вынужден расстаться со своим последним резервом, окончательно записав Любавина в свои злейшие враги.

Здравая логика подсказывала старшему лейтенанту ограничиться малым и, уничтожив финский заслон у автомастерской занять хутор, однако этого Любавину показалось недостаточным.

Посланные вперед разведчики донесли, что финны спят на своих основных позициях, выставив только часовых и Любавин, решил атаковать врага. Рассчитывая застать его врасплох и наказать за допущенные ошибки.

Отправив комендантский взвод на помощь остаткам роты Супонина, он с главными силами ударил по передовым оборонительным укреплениям финнов, выступавших вперед от основной линии обороны.

Конечно, в действиях старшего лейтенанта был определенный элемент авантюризма.

Это уже по прошествию времени, он поймет, что лучшее враг хорошему, но тогда чувство ненависти толкала Любавина только вперед. Вид мертвых товарищей взывал в его сердце к отмщению, и он не хотел слышать доводов благоразумия.

К огромной радости для бойцов его роты, им всем неслыханно повезло. Подступы к выбранному для атаки участку финской обороны не были минированы, а только перекрыты проволочными заграждениями.

Ночь и полная уверенность того, что враг находится на том берегу и зализывает понесенные за день потери, сыграли с финнами злую шутку. Разведчики Любавина смогли не только проделать проходы в заграждении, но и снять часовых, что стало залогом одержанной ротой победы.

Атака было столь внезапна и стремительна, что советским солдатам удалось захватить два ДОТа, которые были нейтрализованы не ударом в лоб, а захвачен ударом с тыла. Во время штурма одного из этих укреплений, погиб майор Сохло, командир батальона занимавшего этот участок финской обороны.

Выбежав из ДОТа чтобы узнать, что происходит снаружи, он сначала был ранен в колено, а затем получил пулю в сердце. Его смерть вызвало сильное замешательство среди финских солдат и, поддавшись чувству паники, они оставили свои траншеи.

Одновременно с началом штурма финских траншей, советские стрелки ударили по солдатам противника блокировавших автомастерскую. Получив внезапный удар с тыла, несмотря на наличие пулемета, финны не смогли оказать сопротивления и те, кого не задела пули, быстро ретировались под покровом ночи.

Потеряв свои передовые укрепления, пришедшие в себя финны, попытались вернуть их. Подтянув подкрепления, рано утром они предприняли контратаку силами двух батальонов.

Смог бы Любавин имевшимися у него силами отбить атаку противника большой вопрос, но Судьба вновь ему улыбнулась. К моменту начала атаки к переправе прибыла батарея гаубиц, сыгравшая важную роль в срыве наступления противника. Благодаря телефонному проводу, что протянули с одного берега на другой связисты, прибывшие вместе с бойцами комендантского взвода, Любавин смог запросить огневую поддержку и вовремя её получить. Кроме этого, ободренный достигнутым успехом, комполка Шмаков приказал перебросить подкрепление Любавину. К моменту начала финской атаки через реку уже переправлялись две роты стрелков, снятых с тех мест переправ, где успех так и не был достигнут.

Даже не имея точных ориентиров, ведя огонь исключительно по площадям, артиллеристы в нужный момент смогли подставить свое плечо пехотинцам и сорвать вражескую атаку.

За весь последующий день, финны ещё дважды предпринимали попытки вернуть себе ДОТы, но все было напрасно. Заняв прочную оборону по всему периметру плацдарма, советские солдаты не позволили сдвинуть себя ни на метр и финны, были вынуждены отойти на основные позиции.

Успешные действия полка Шмакова, оказались почти единственными в зоне действия дивизии. Лишь в районе Виисйоки советским соединениям удалось переправиться на северный берег и выйти к главным рубежам обороны противника.

Туда, по понтонному мосту были перебросены два стрелковых полка и гаубичный артиллерийский полк. В остальных местах подразделений 7-й армии потерпели неудачу и понесли потери.

Особенно чувствительны они были при переправе в районе Лосевских порогов. Там

попытались переправиться понтоны со стрелками и артиллерией. Вместе с ними к вражескому берегу устремился отряд плавающих танков Т-38.

Все это происходило под покровом ночи, но на беду комбрига Зайцева командовавшего этой переправы, у финнов имелись прожекторные установки. Они обнаружили советские понтоны точно посередине протоки и сразу же по ним ударили пулеметы и артиллерия, у которых каждый участок обороны был хорошо пристрелян.

Пули, мины, снаряды градом сыпались на понтоны и место переправы, неся смерть и разрушение.

Прикрывающие место переправы гаубичные дивизионы пытались вести контрбатарейную борьбу, но их действия оказались малоэффективными. Без проведения артиллерийской разведки, все их выстрелы в ночь были сделаны откровенно наугад, при этом каждое орудие имело в своем распоряжении только один боекомплект снарядов.

В этих условиях шесть из десяти понтонов были либо потоплены, либо отнесены к порогам и выброшены на южный берег. Среди тех солдат, кто смог все же причалить к северному берегу, было много раненых или убитых.

С большим трудом они смогли продвинуться вперед и закрепиться в прибрежной роще. Вся артиллерия десанта потонула при переправе равно, как и танки не сумевшие справиться с речным течением. Три из восьми танков сели на мель и были оставлены своими экипажами. Две машины были отнесены к порогам и там перевернулись, и еще три танка были прибиты к берегу течением обратно.

Лишенные огневой поддержки и связи, два взвода мужественно отражали атаки противника всю ночь и весь день, свято веря, что помощь к ним вот-вот придет. К вечеру 7 декабря, когда боезапасы подошли к концу, командир роты капитан Мадьянин принял решение переправиться с остатками десанта.

Для прикрытия отхода было оставлено четырнадцать человек. И вновь началась игра в кошки-мышки с финскими прожекторами и грохочущей смертью, при полном молчании собственной артиллерии.

На этот раз быстрое течение реки было на стороне капитана Мадьянина, который на оставшихся понтонах сумел достичь спасительного берега.

Оставшиеся прикрывать его отход стрелки не смогли отойти, и были блокированы в подвале одного из прибрежных домов. Целые сутки, пока не кончились патроны, они оказывали сопротивление, после чего были взяты финнами в плен.

Все неудачные попытки советских войск сходу форсировать реку Быструю и понесенные ими при этом потери, были следствием неграмотности и плохой подготовки как командного, так и личного состава полков и дивизий. Для многих из солдат переправа через реку зимой, да ещё в ночное время было делом неизвестным и непривычным. Отвага и смелость, желание драться с врагом стали заложниками непродуманных и безответственных действий командования в лице командарма Яковлева.

Это, впрочем, не помешало ему доложить в ставку фронта, что переправа войск в районе Лосевских порогов проведена успешно и войска прочно удерживают занятый плацдарм. Однако у лжи об удачных действиях на кескгольмском направлении оказались короткими ноги.

Те, кому было положено следить за действиями командарма и командующим фронтом исправно снабжали товарища Сталина достоверной информацией. О несоответствии реальных фактов и сути победных донесений, было гневно сказано командарму Мерецкову

во время телефонного разговора, командующего с Москвой.

И ему и Яковлеву было сделано строгое внушение о недопустимости откровенного вранья, но никаких репрессивных мер, вопреки ожиданиям провинившихся военных принято не было. И командующему и командарму было поставлено на вид столь неподобающее поведение для советских военачальников и предложено искоренить это явление как вид.

Никаких изменений в ранее предложенный план действий внесено не было. Наступление продолжалось.

Глава. VII. 'Нет, Молотов! Нет Молотов!'

Столкнувшись с серьезными трудностями на кескгольмском направлении при форсировании реки Быстрой, командарм 7-й армии решил вернуться к изначальному варианту, где направлением главного удара был Выборг.

Сделано это было с легкостью и непринужденностью столь присущей высокому командованию того времени, когда приказы отдавались без должной проработки, одним взмахом пера. Без учета специфики местных условий, максимально осложняя и без того непростое положение на дорогах.

С отдачей командармом приказа все оплаченные большой кровью плацдармы на реке Быстрой становились второстепенными направлениями и вместо продолжения наступления получили приказ перейти к обороне. Все ранее выделенные силы перенаправлялись на Выборг, что совершенно не устраивало комкора Грендаля, командовавшего войсками этого направления.

В телефонном разговоре с командующим, Владимир Давыдович сумел убедить Всеволода Федоровича, что мощный огневой кулак сможет быстро прорвать финскую оборону. Уверенность комкора в своих словах, смогли убедить командарма дать свое согласие на продолжение наступления с плацдарма под Тайпале.

Ранее составленный Мерецковым план боевых действий оглушительно трещал по всем швам и чтобы сохранить перед Москвой и командующим округа лицо, командарм пошел на это.

Для взлома обороны противника, комкору передали несколько гаубичных полков и дивизионов, увеличили число пехотных полков и из ранее обещанных сил, оставили танковую бригаду в составе 58 танков вместе с танковым огнеметным батальоном.

Этого, по мнению сторон должно было хватить для разгрома левого фланга финских войск на Карельском перешейке, под командованием генерала Эстермана.

Комкор Грендаль не был выдвиженцем времен Гражданской войны, как не был в числе тех, кому дорогу наверх открыли чистки 37 года. Выпускник Михайловского артиллерийского училища, он имел опыт Первой мировой войны и его было трудно заподозрить в невежестве и некомпетентности, что очень часто встречалось среди

командиров предвоенной эпохи.

Можно было ожидать, что получив карт-бланш, он сделает все, так как было нужно по военной науке. Но, к огромному сожалению, комкор наступил на те же грабли, что и его менее ученые и опытные соратники по РККА.

Полноценной подготовки штурма вражеской обороны не было. В угоду полностью обанкротившемуся плану ведения войны, войска были брошены на штурм финских позиций, что называется с ходу.

Вновь не была проведена ни инженерная, ни артиллерийская разведка. Не было данных воздушной и наземной разведки, равно как не были отработаны взаимодействия танков и пехоты в местных условиях.

Это на летних учениях, на просторах Украины или Белоруссии, солдаты уверенно бежали вперед вслед быстроходным 'тэшкам' и 'бэтешкам'. Здесь, на занесенном снегом Карельском перешейке все было совсем по-другому. Здесь за каждую ошибку, за опыт войны, людям совершенно не знавшим условий местной природы и климата приходилось платить слишком высокую цену.

Высокое начальство торопило Грандаля и комкор не смог найти мужество противостоять этому давлению. Последствия торопливости и неряшливости в подготовке штурма вражеских укреплений не замедлили сказаться.

Не имея точных данных положения опорных пунктов сопротивления противника, более половины огневого удара дивизионных гаубиц пришлось по пустому месту, а те снаряды, что упали на финские ДОТы и прочие оборонительные сооружения, не причинили им большого вреда.

Сокрушить и заставить молчать бетонные укрепления могли орудия корпусной артиллерии, которая за все время штурма, так и не смогла прибыть к месту боя. Уж слишком большие были 'пробки' и заторы на военных дорогах того времени.

В равной степени это можно было сказать и про стрелковые полки, что были выделены на бумаге, но прибывали к Грандалю в час по чайной ложке. Вместе с боеприпасами и прочим военным имуществом, так необходимым для штурма, но так и не полученного в назначенные сроки.

Рота старшего лейтенанта Любавина входила в состав тех сил, что должны были первыми пойти на штурм главной линии обороны финнов. После трех часовой артиллерийской подготовки, его пехотинцы оставили свои окопы и бросились в атаку вместе с танкистами.

Поначалу все было хорошо. Солдаты бежали легко и уверенно, стараясь не отстать от взвода 'Т-26', пока по ним не ударили финны. Огненный вал, состоявший из мин и снарядов вперемешку с пулеметными и автоматными очередями, был такой силы, что пехотинцы моментально упали и дальше танки пошли в гордом одиночестве.

— Да откуда же они стреляли!? Что их там так много!? — пронеслось в головах у прижатых к земле огнем людей. Уж слишком впечатляющая картина открылась у них перед глазами, наводя страх и оторопь на распластавшихся на снегу пехотинцев.

С большим трудом, после того как лишившиеся поддержки пехоты танки вернулись назад и своей броней стали прикрывать стрелков от вражеских пуль, атака продолжилась. Медленно, неся неоправданные потери, пехотинцы смогли продвинуться вперед, до противотанкового рва, за которым располагались вражеские траншеи и блиндажи.

Количество неподдавленных огневых точек противника было таково, что вражеский ров

длиной в три и глубиной в два метра, для измученной пехоты было подлинным спасением от губительного огня. И пусть количество пулеметов у финнов было не таким большим, как казалось. И пусть танкисты пытались самоотверженно подавить огонь вражеских огневых точек, а огнемётные танки выпускали по окопам врага свои смертоносные струи, заставить стрелков продолжить наступление, было невозможно. Уж слишком густы были залпы шрапнели и слишком часто падали мины на голову солдат.

Застывшие на краю рва танки были прекрасной целью для противотанковых пушек, которые поспешили испробовать крепость их брони своими снарядами. И извечная борьба 'брони и снаряда' завершилась не в пользу брони. Один за другим легкие 'тэшки' и 'бетэшки' стали вспыхивать от вражеских снарядов или выходить из строя.

Некоторые экипажи решили благоразумно отступить, другие отважно продолжили свои попытки поднять пехоту в атаку посредством своего огня. Самые отважные из танкистов преодолели ров и, прорвав проволочные ограждения, вступили в схватку с вражескими пулеметчиками, расчетами орудий и засевшими в траншеях солдатами.

Поддержки пехотинцы их героические усилия и возможно первая линия вражеской обороны была бы прорвана, но этого не случилось. Пехота так и осталась в противотанковом рву, а отважные танкисты стали нести потери. Их борта не выдерживали флангового огня крупнокалиберных пулеметов вражеских дотов, также как и огня противотанковых орудий и бутылок с зажигательной смесью, изобретением финской оборонки.

Не в силах огнем своих орудий пробить железобетонные стены укреплений противника, они были вынуждены ретироваться, неся при этом большие потери. Из 58 машин танковой бригады вступивших в бой в этот день, обратно вернулось только 19 танков. Остальные были либо подбиты артиллерией противника, либо были сожжены и оставлены на поле боя.

Также серьезные потери понесли от орудийно-минометного огня и соединения пехоты. Штурмовые роты потеряли убитыми и ранеными около половины своего личного состава в этом бою.

В числе раненых был и старший лейтенант Любавин, которому этом бою в определенной мере повезло. Его контузило разрывом вражеского снаряда на ближних подступах к противотанковому рву. Санитары успели вынести командира с поля боя в отличие от тех, кого ранило во время сидения во рву или отступления.

Шквальный ружейно-пулеметный огонь противника, не позволил отступающим солдатам забрать с собой тела павших и раненых бойцов.

Контузия, полученная в бою, спасла Любавина от упреков в трусости и угроз расстрела, которые обрушил комбат Гусыгин на головы вернувшихся с поля боя своих подчиненных.

Как не стремился капитан возложить на 'принца Савойского' вину за неумелое руководство ротой во время атаки, ему это не удалось. Все в один голос твердили, что своим личным примером, комроты дважды поднимал залегших солдат и довел их до самого рва, где и был ранен. По всему этому выходило, что Любавин был, не просто невиновен, но и ещё герой и Гусыгин отступил, но свел счеты с лейтенантом другим путем.

В связи с выбытием Любавина в госпиталь, он приказал уничтожить все наградные листы на него за переправу через реку Быструю.

Неудачные действия первого дня штурма не заставили комкора Грендаля сделать, необходимы выводы, и внести изменения при подготовке нового штурма. Наскоро пополнив пехотные соединения подошедшими резервами, он после двухчасовой артподготовки, вновь бросил войска в наступление.

Единственным отличием от предыдущего боя, было то, что на этот раз площадь обстрела худо-бедно, но совпадала с местом размещения узлов финской обороны. Снаряды падали на позиции врага, однако существенного ущерба им не наносили. Тяжелая корпусная артиллерия способная уничтожить бетонные доты противника продолжала свое странствие по военным дорогам.

Все остальное осталось по-прежнему. Неподавленные огневые точки врага отсекали пехоту от танков еще на подступах ко рву. Только небольшие подразделения смогли добраться до него, тогда как основные силы упрямо лежали на снегу боясь поднять голову.

В связи с понесенными потерями в танковой бригаде, командование соединило оставшиеся танки с машинами огнеметного батальона и если вчера они дополняли ударную силу бригады, то теперь были её составной.

Зная, что их орудия не смогут нанести урон бетонным колпакам противника, советские танкисты попытались проскочить между двумя опорными пунктами вражеской обороны и обратить в бегство финскую пехоту, но жестоко просчитались.

Если подступы к дотам прикрывались минными полями и проволочными заграждениями, то проход между дотами прикрывались бетонными надолбами, наличие которых стало сюрпризом для танкистов. Не проведенная инженерная разведка обернулась смертью для экипажей шести машин. Две из них застряли, наскочив на надолбы, а остальные были сожжены огнем вражеской артиллерией бьющей во фланг наступающим танкам.

Всего в этот день советская сторона недосчиталась девяти машин из двадцати машин отправившихся на штурм вражеских укреплений.

Казалось бы, что дважды наступив на грабли, советское командование остановится, возьмет паузу и сделает надлежащие выводы, но к огромному несчастью бойцов это не произошло. Подобно заядлому картежнику, что промотав все свои деньги, от отчаяния делает свою последнюю ставку, Грендадь утром третьего дня вновь атакует укрепления противника, бросая на штурм свои последние резервы.

В этом наступлении всего было мало. И полутора часовая артподготовка, сказывался плохой подвоз снарядов. И малое число танков, аж целых двенадцать штук, в состав которых входили наскоро отремонтированные ранее поврежденные машины, а также число наступающей пехоты. Намертво ухватившись за прежнюю договоренность с комкором, Яковлев категорически отказывался дать дополнительные пехотные соединения.

Все было меньше и иначе, за исключением шаблона наступательных действий, от которых выпускник военной академии никак не мог отступить. Ничто не смогло заставить Владимира Давыдовича провести предварительную разведку и внести изменения, и плачевный результат не заставил себя ждать.

На этот раз цепи атакующей пехоты не достигли даже противотанкового рва. Точно бившие по квадратам финские артиллеристы и пулеметчики быстро отсекали пехоту от танков и не позволили ей продвинуться вперед ни на метр.

Из всех танков, обратно вернулись только четыре машины, остальные вернулись в расположение части. Все наступательные резервы оперативной группы Грендаля были исчерпаны и только это, заставило комкора отказать от проведения активных действий и перейти к составлению отчетов.

Многие из завистников Грендаля посчитали его песню спетой, но их ожидания не оправдались. Умение составлять правильные рапорта, неожиданно сыграло в пользу

комкора. Почитав как его войска мужественно форсировали водный рубеж в зимнее время и храбро пытались взять штурмом древнюю Карелу, Москва приняла неожиданное решение. Вместо нагоняя за неудачный штурм Грендаль получил под свое командование новые войска, получившие громкое название 13-й армии.

Вместе с новой должностью, Владимир Давыдович получил и новое звание командарма 2-го ранга. Одновременно золотой дождь наград хлынул на оставшихся в живых и в строю командиров, комиссаров и простых солдат.

Очень часто говорят, что Судьба слепа; милует недостойных и не замечает настоящих героев. В отношении старшего лейтенанта Любавина и капитана Гусыгина, это выражение оказалось наполовину верным.

Кроме контузии и интриг комбата Василий Алексеевич ничего не получил за эти бои, но не получил и капитан Гусыгин. Просидев все три дня в батальонном штабе, он получил тяжелое осколочное ранение ноги от шального снаряда, на следующий день после перехода к обороне.

В бессознательном состоянии он был отправлен в госпиталь, а заменивший его командир не стал хлопотать и составлять наградные листы на капитана. Приготовив 'березовое угощение' Любавину, Гусыгин сам вслед за ним испробовал свое варево. Судьба скупо раздала 'серьги сестрам'.

Подобно Грендалю в жестких тисках времени пребывал и сам командарм — 7 Яковлев, обрушивший всю силой своей армии на финские укрепления в районе Выборга.

'Скорее, скорее, скорее!' — вот каким был девиз этого военачальника, стремившегося всеми силами доказать жизнеспособность и реалистичность планов по преодолению 'линии Маннергейма'.

Также как и Грендаль, Всеволод Федорович бросал свои войска на штурм вражеских укреплений без всякой подготовки. Наглядным примером этих скоропалительных действий стал наступление советских войск в районе Лядхе, где, по мнению штаба 7-й армии, советские войска не должны были встретить серьезного сопротивления врага.

Реализации замыслов командования была возложена на стрелковую дивизию, усиленную танковой бригадой средних танков Т-28 и полками дивизионной и корпусной артиллерией.

Силы были вполне серьезные, если не для полного прорыва всех трех линий обороны противника, то вскрытия его передовых рубежей было им вполне по силам.

Вся загвоздка заключалась в том, вводились они в бой по частям, что почти в половину, снижало силу удара. Так из-за пробок на дорогах, из всех обещанных полков артиллерии, к моменту наступления прибыли только два полка дивизионной артиллерии и один корпусной полк. По той же причине у артиллеристов был один неполный боекомплект снарядов.

Не лучше обстояло дело с другой притчей во языцех — разведкой местности предстоящего места наступления. По причине привычной спешки, должной разведки проведено не было. Посланные вперед разведчики доложили о надолбах прикрывавших подходы к финским траншеям и наличие пулеметных гнезд в них.

Более точных сведений по причине стремительно приближавшихся основных сил дивизии, они собрать не успели, а летчики не смогли выполнить заявку на проведение воздушной разведки по причине нелетной погоды.

Руководивший наступлением комдив ограничился отправкой на повторную разведку трех танков Т-26, которые подтвердили наличие надолбов, проволочного заграждения и

артиллерии, которая ударила по танкам, едва они приблизились к переднему краю противника.

Откуда велся огонь, танкисты не сумели определить, так как быстро ретировались.

Проводя анализ всех этих скудных сведений, и добавив к ним разведанные двухгодичной давности, штаб дивизии отдал приказ о наступлении в полной уверенности, что им будет противостоять всего несколько бетонированных траншей и несколько батарей, неизвестно где находящиеся.

При проведении этого наступления, вскрылась ещё одна беда, которая будет постоянно преследовать советские войска всю эту войну и весь начальный этап Великой Отечественной. Это проблема называлась связью, и дело было не только в преимуществе радиосвязи над проводной связью. Во время наступления на финские позиции под Лядхе полностью отсутствовала связь между штабами стрелковых полков и поддерживавших их действия артиллеристами. По этой причине пехота наступала сама по себе, а артиллерия молчала, не зная, куда и когда следует наносить удар своими скудными запасами боеприпасов.

За время боев от границы до главной линии обороны, комдив уже хорошо усвоил, что финны большие мастера на мелкие пакости. И если впереди молчащий лес тих, это совсем не означает, что через минуты по тебе не ударят пушки и минометы, а откуда-то сбоку не застрочат автоматы, неизвестно как и когда прорвавшихся финских разведчиков.

По этой причине он попросил артиллеристов ударить по площадям от всей души, и они выполнили его просьбу. Два часа дивизионная и корпусная артиллерия утюжили передний край обороны противника, после чего ещё сорок минут громили, его дальние тылы.

Перенос огня в тыл, был явным сигналом для финских солдат, что враг вот-вот пойдет в оборону и они стали спешно занимать свои места в передовых траншеях. Действовали они строго по уставу, намериваясь остановить наступление 'красных' пулеметным огнем, но тут противник преподнес им неприятный сюрприз.

Желая первым ударом смять и уничтожить оборону врага. Комдив бросил в наступление средние танки Т-28, которые смогли быстро преодолеть бетонные надолбы врага. С ужасом и недоумением смотрели финские солдаты как стальные машины медленно, но верно переползают бетонные заграждения, перед которыми спасовали отряженные в разведку танкисты на Т-26.

Преодолев надолбы и прорвав проволочные заграждения, русские танки подошли к финским траншеям и принялись поливать их огнем своих орудий и пулеметов.

Тяжесть положения финнов усугубило ещё гибель и тяжелое ранение обоих командиров рот, обороняющих этот участок укреплений. Шквальный огонь танков быстро очистил от противника траншею, дав 'зеленый свет' наступающей пехоте.

Не прошло и пяти минут как красноармейцы ворвались на передний край обороны противника и стали добивать последние очаги сопротивления. Более десятка человек укрылись в ротном блиндаже, на взятие которого потребовалось помощь танкистов.

Плотные деревянные двери устояли перед взрывами гранат, и потребовался залп башенного орудия, чтобы разнести его в щепки.

Казалось, что удача на стороне советских бойцов и осталось лишь только добить и уничтожить разгромленного врага. Развивая достигнутый успех, танкисты двинулись вперед, за ними побежали пехотинцы и в этот момент заговорили молчавшие до сих пор доты.

Их было всего два. Первый в двух уровнях с пулеметными и орудийными гнездами,

получивший в последствие обозначение на советских картах как дот? 4 и дот 'миллионик' возможность наличие которого у финнов категорически отрицал командарм Мерецков.

Его особенность заключалась не только в цене его сооружения, откуда он и получил прозвище и не в том, что являлся последним словом в фортификационном искусстве. Он был так мастерски замаскирован, что советские солдаты никак не могли понять, откуда по ним ведется огонь.

Если дот? 4 был сразу обнаружен пехотинцами, то 'миллионик' подобно злему духу оставаясь полностью невидимым, поражал ряды красноармейцев. Имея возможность вести фланкирующий огонь, оба дота буквально прошивали наступающие цепи стрелков. Каждый метр, каждый квадрат был ими хорошо пристрелян, и сорвать атаку противника, им удалось без особого труда.

Как не гудели моторами танкисты, призывая пехотинцев следовать за ними, никто из солдат не смог преодолеть 'зоны смерти' и они были вынуждены отступить. Двигаться в одиночку, в неизвестность, плюющую в тебя снарядами, танкисты не рискнули.

Оказавшись в столь непростой для себя ситуации, пехотинцы попытались проникнуть внутрь вражеского дота, но безуспешно. Толстые стальные плиты устояли как перед взрывами связки гранат, так и перед выстрелом танковой пушки.

Итогом первого дня наступления, стало овладение вражескими траншеями первой линии обороны и обнаружением наличие у врага дотов на этом направлении.

Ночью, подтянув резервы финны, попытались выбить противника из оставленных ими траншей, но все атаки завершились безрезультатно. Русские хорошо держали оборону, несмотря на минометный обстрел со стороны противника.

Утром следующего дня, советское командование предприняло попытку продвинуться вперед и захватить дот?4. Для этого в дело были введены танки Т-26, для которых были созданы проходы в бетонных надолбах противника. Более легкие и подвижные в отличие от танков Т-28, они должны были выбить финнов из бетонных траншей и подавить замаскированные артиллерийские батареи.

План хорошо смотрелся на бумаге, но в реальности оказался трудновыполним. Перед второй линией обороны врага 'тэшки' вновь уткнулись лбом в надолбы, а артиллерийский огонь с фронта и с тыла из амбразур четвертого дота, не дал возможность обойти оборону врага с фланга.

Потеряв от огня противника пять машин, танкисты были вынуждены отступить, хотя до прорыва обороны противника оставался только один шаг. Вторая линия обороны финнов в этом месте действительно состояла из одних бетонных траншей и зная их положение, можно было прорвать вражескую оборону.

Пока легкие Т-26 шли на прорыв, средние Т-28 пытались помочь пехотинцам захватить вражеский дот. Подойдя чуть ли не вплотную к боковой стенке дота, советские танкисты залпами из пушек все-таки пробили стальную дверь западного каземата и хлынувшая внутрь пехота, добила находившихся там финнов.

Победа была одержана, но она не получила дальнейшего развития. Перед стрелками вновь встали наглухо забаррикадированные стальные двери. Гранаты 'лимонки' их не брали, а затащить пушку внутрь каземата не было никакой возможности.

Пытаясь помочь пехотинцам выкурить засевшего внутри дота финнов, танкисты открыли орудийный огонь по амбразурам дота, но без особого результата. Гарнизон осажденного дота мог вести фланкирующий пулеметный огонь со второго уровня, не давая

пехотинцам поддержать атаку ушедших в прорыв Т-26.

Возможно, что танкисты смогли бы заставить умолкнуть амбразуры вражеского дота, но огонь финских батарей не позволял им чувствовать себя вольготно. Потеряв от огня врага две машины и не добившись существенных результатов, танкисты отступили.

Единственным маленьким плюсом боев второго дня стал тот факт, что советские пехотинцы наконец-то обнаружили расположение дота 'миллионика', чей фланговый огонь не позволял им продвинуться вперед.

Пока комдив и его штаб подводили итоги и ставили задачи следующего дня, финны, под покровом ночи попытались деблокировать осажденный дот? 4. При поддержке артиллерии они предприняли две атаки, которые были отбиты сидевшими в траншеях стрелками с большим трудом.

Главная трудность заключалась не только в интенсивном обстреле орудийно-минометном обстреле их позиций. Финские артиллеристы били не только по траншеи, но и в пространство за ней, тем самым не давая возможность русским солдатам получить подкрепление.

Утром третьего дня началось артиллерийским обстрелом орудий дивизионной и корпусной артиллерии двух вражеских дотов. При этом по четвертому доту огонь велся прицельным, а 'миллионик' получал огонь по площадям.

Скупость артиллеристов обусловленная плохим подвозом снарядов, всего сорок минут артподготовки, обернулась тем, что оба вражеских дота не получили серьезных разрушений. Большие потери от огня советских орудий понесли бетонные траншеи, чьи координаты были известны пушкарям. Поддержки пехотинцы атаку танков и оборона врага была бы прорвана, но этого не случилось. Фланкирующий огонь дотов вновь положил на снег рвущиеся вперед цепи пехоты, а орудийный огонь вновь заставил советских танкистов отступить с существенными потерями.

Видя все катастрофическое положение пехоты, артиллеристы попытались помочь стрелкам и выкатили несколько орудий на прямую наводку. Ударив по амбразурам четвертого дота, они хотели справиться с той задачей, перед которой спасовали танкисты днем ранее. Возможно, это им удалось, но получившая по радио запрос из дота о помощи, финская артиллерия уничтожила советские орудия.

Не увенчалась попытка саперов подрыва дота 'миллионика'. Используя 'мертвые зоны' огня, на санках они сумели подвести заряд к боковой стенке дота и подорвали его. Прогремел мощный взрыв, но стенка бункера устояла.

Вторая попытка подвести заряд к доту, была сорвана финскими снайперами. Едва только саперы начали подвозить санки с взрывчаткой к доту, как они попали под оружейный обстрел, закончившийся их гибелью.

Не оставляя попыток разделаться со зловредным дотом, комдив приказал повторить попытку подрыва ночью, но начавшаяся атака финнов сорвала эти планы.

Артиллерийский огонь был таким плотным, что разрывы снарядов перебили все телефонные провода, протянутые связистами в траншеи.

В течение всего времени боя, пока связисты не восстановили связь, комдив, не знал, живы ли его бойцы или нет. Все чем он мог помочь им, это ударить по площадям, в надежде сорвать вражескую атаку, но скудный запас снарядов не позволил ему воплотить свои намерения в полном объеме.

Всю ночь, шли интенсивные переговоры по телефону со штабом корпуса и армии, в

результате чего, командование приказало комдиву отвести войска из захваченных у врага траншей.

Причиной подобного приказа было то, что за все время боев, соединениям 7-й армии так и не удалось прорвать оборону финнов ни на одном из участков Выборгского направления. Наступило затишье, которое обернулось перемещением кадров на самом верхнем уровне.

Видя откровенные неудачи войск Ленинградского военного округа по прорыву 'линии Маннергейма', Сталин решил усилить его командные кадры, сместив Мерецкова с поста командующего округом, назначив на этот пост командарма 1-ранга Тимошенко. Сам Мерецков получил назначение на пост командарма 7-й армии, заместителем которого стал комкор Яковлев.

— Сами заварили кашу, пусть сами и расхлебывают — прокомментировал вождь свое решение наркому Ворошилову и тот с ним был полностью согласен.

Неудачи советских дивизий при штурме укреплений на Карельском перешейке, были бальзамом на сердце финского народа и в первую очередь для жителей их столицы.

Налет советской авиации на Хельсинки, произвел на них гнетущие впечатление. И пусть урон от советских бомб для столицы был минимальным, но их свист и звук разрывов заставил приуныть её жителей. Одно дело митинговать и слать проклятье врагу, когда война идет где-то далеко и представляет собой абстрактное понятие. И совсем иное дело, когда бомбы врага падают на твой город, твою улицу, твой дом и от их взрывов гибнут твои соседи и хорошо знакомые тебе люди.

Запах гари и тола, вид крови и страдания, хорошо прочищают затуманенные пропагандой мозги и в них сразу появляются крамольные мысли, 'а все ли правильно делает наше правительство? А вдруг что-то пойдет не так и не сегодня-завтра русские придут сюда?'

Успехи на фронте, а точнее неудачи дивизий противника взбодрили приунывших финнов. Произошел всплеск новой волны патриотизма, который принял довольно забавные формы.

В качестве главного объекта врага финского народа стал почему-то не Сталин, а его нарком иностранных дел Молотов. Возможно, это было связано с тем, что Вячеслав Михайлович на переговорах в Москве проводил жесткую линию. Так или иначе, но именно его персона стала главной фигурой врага для финской пропаганды.

Именно на него финские газеты рисовали всевозможные карикатуры. Изобретение финской оборонки зажигательная смесь, выпускаемая в бутылках из-под лимонада, получил название 'коктейль для Молотова'.

В срочном порядке финские музыканты и композиторы написали песню 'Нет Молотов!', которая стала необычайно популярна среди финнов. Для поднятия настроения населения, правительство выпустило тысячи грампластинок с её записью, которые были отправлены на фронт, в первую очередь защитникам 'линии Маннергейма'.

Подобный подарок пришелся по душе простым финнам. Сидя в теплых казармах и казематах лотов они чуть ли не каждый вечер крутили пластинки на присланных вместе с ними патефонах, веселясь от души.

Доходило до того, что горячие финские парни танцевали под неё. Обмотав белыми платками руку, что означало, что это 'дама', они веселились от души. Энергично стуча сапогами по бетонному полу и громко подпевая пластинке 'Нет Молотов! Нет Молотов!' они

СПЕШИЛИ НАСЛАДИТЬСЯ ЖИЗНЬЮ.

Глава VIII. Он бог войны, наш Маннергейм

Решение советского правительства начать военные действия застали финнов врасплох. Миротлюбивая политика Сталина на московских переговорах сыграла с ними злую шутку. Полностью уверенные в том, что их вызывающие действия останутся полностью без ответа, что московский горец не решится начать боевые действия против своего агрессивного соседа, правители Финляндии были ошеломлены грянувшей над их головами громом войны.

Да, они были готовы к началу войны. Более того, они хотели её начала, но когда война произошла, они напугались. Напугались как малые дети, которые ожидали, что зажженный ими огонь будет, тих и послушен, но внезапно налетевший ветер раздул пламя и погнал его на самих поджигателей.

Первые двое суток, президент и его кабинет находились в подавленном состоянии. То, что русские перешли границу и стали атаковать финские войска не в одном, а сразу трех местах и крупными силами повергло их в страх и уныние.

Мало кто из членов правительственного кабинета за это время сумел сомкнуть и глаза и поспать более трех часов. Все в напряжении ждали известий с границы. Сразу возникло множество проблем и недочетов, связанных с подготовкой к предстоящей войне.

Оружия оказалось не так много как того хотелось, подготовка новобранцев шла низкими темпами, да и настроение у солдат оставляло желать лучшего. Всё это в наслоении с внезапностью начала боевых действий сильно давило и угнетало президент и членов его кабинета. Всем казалось, что страшный русский медведь одним ударом прорвет карельские укрепления и двинет свои дикие орды и армады на беззащитную финскую столицу.

Когда завывли сирены воздушной тревоги и первые бомбы врага упали на Хельсинки, пагубное настроение только усилилось. И пусть вместо военных складов и прочих важных объектов русские разбомбили завод по производству лимонада и одну из городских бань, страх от смрадного запаха войны, что пахнул тебе прямо в лицо, только усилился.

Сразу заговорили, что вслед за бомбежками столицы, русские могут высадить воздушный десант в пригороде Хельсинки.

— Вы только подумайте! Все войска на перешейке и на Ладоге, а в столице никого! Одни только полицейские! Стоит Сталину высадить с самолетов одну дивизию и наша столица взята! — с негодованием говорили одни.

— Да, что там дивизия, достаточно одного полка, чтобы взять нас голыми руками и подписать капитуляцию! — раздражено вторили им другие.

— Маннергейма! Вот кто нас спасет от большевиков!! Маннергейма!!! — кричали трети в этом визгливом хоре напуганных взрослых детей и все были с ними согласны.

С первых дней войны, почти все население страны видело в старом фельдмаршале своего спасителя.

— Маннергейм остановит русских, как это в свое время сделал Гинденбург. Ему следует поручить жезл главнокомандующего финской армией! — говорили на каждом углу столицы

и Финляндии.

Откажись старый полководец брать бразды правления войсками в свои руки, вспомнив все прежние обиды, полученные им от правящего кабинета и дух финского воинства, сразу же упал бы до нулевой отметки и ход войны, возможно, пошел по-иному. Однако Маннергейм не скатился до мелочного сведения старых счетов. Сделав над собой усилие, он пошел навстречу воле народа и согласился встать во главе армии.

Именно Маннергейм и тот бардак и неразбериха, что творилась в соединениях РККА позволили финнам пережить трудности первых дней войны.

Иностранные утешители и воздыхатели появились перед президентом страны только на третий день начала войны и сходу стали петь оды стойкости финнов и мудрости господина президента сделавшего первым шаг навстречу Маннергейму.

— Проницательность вашего ума господин Каллио видна во всех ваших действиях. Какая проникновенная речь к своему народу о начале войны. Скажу честно, не каждый из ныне действующих правителей Европы был бы способен так четко и емко довести свой посыл до сознания людей. Многие наши политические деятели назвали вашу речь блистательной! — упоенно ворковал французский посланник.

— Да, речь достойного правителя. Тут не прибавить, не убавить, она достойна, не только появиться на передних страницах 'Таймс', но и быть отлита в граните благодарным финским народом — расточал свое скупое островное обаяние британец. Как истинный островитянин, он в глубине души откровенно презирал этого самодовольного финна, но был вынужден ему улыбаться. Ведь кто-то должен был стать 'пушечным мясом' в этой войне в угоду священным интересам Британии.

— Как замечательно вы себя повели, сделав решительный шаг по сближению с маршалом Маннергеймом. Только грамотный и мудрый политик, смотрящий далеко вперед мог совершить подобный демарш — ловко закачивал в уши Каллио откровенную лесть француз.

— Что и говорить назначение Маннергейма на должность главнокомандующего, очень важный шаг. Только ему под силу остановить орды большевиков вторгшихся в священные пределы Финляндии — энергично повышал самооценку своего финского собеседника британец.

От этих слов, господин президент таял как эскимо под лучами жаркого солнца. Конечно, ему было гораздо приятнее и спокойнее услышать, что Англия и Франция объявляют войну Сталину но, к сожалению, так этого и не услышал.

У ведущих стран Европы подобной договоренности с Финляндии не было и значит, рассчитывать, на столь важный шаг она была не вправе. Да, прежние тайные соглашения остались в силе, джентльмены держат свое слово, но только не надо их торопить. Всему свое время.

Так или примерно в таком ключе шел разговор между Каллио и его европейскими союзниками в этот вечер. Просидев в кабинете президента около часа, они ушли, оставив хозяину твердую уверенность в том, что Запад ему поможет.

Появление во главе армии Маннергейма и трудности 'красных' на Карельском перешейке, приободрили финских генералов и заставили думать в то, что все будет хорошо. Также их приободрили данные разведки, говорящие, что общая численность советских войск брошенных против Финляндии не достигает соотношения 3:1, что необходимо для того, чтобы наступающая армия одержала победу над держащим оборону противником.

Общее соотношение, по мнению финских штабных специалистов, составляло 1:1,5, а против войск обороняющих Выборг вообще 1:1. Все это отгоняло прочь прилипчивые страхи грядущего поражения и пробуждали грезы о победной весне.

Главное продержаться до весны, а там союзники нам помогут, убеждали себя генералы и политики.

Военные успехи финнов в середине декабря, стали поводом для нового визита союзников в гости к господину президенту. Вооружившись газетами, на первых полосах которых красовались фотографии с подбитыми советскими танками, они буквально засыпали Каллио поздравлениями по поводу оглушительных успехов финского оружия.

— И вот эти дикари намеревались прорвать ваши мощные укрепления и поставить на колени свободолюбивый народ Суоми!? — удивленно восклицал француз, тыча пальцем в фотографию с застывшими среди снегов танками.

— Эти большевицкие орды могут только добивать ослабленные и разбитые другим врагом государства по типу Польши. На борьбу с сильной и хорошо вооруженной армией, такой как финская армия, они просто не способны по определению — выносил свой, безапелляционный вердикт британец указывая на снимок с изображением убитых финскими пулеметчиками красноармейцев.

— А вот и наш вклад в наше святое дело борьбы с коммунистической заразой, — важно вещал француз, так словно намеривался вынуть из кармана жилета, если не целую дивизию французских солдат, то наверняка самолет или танк последней модели. — Правительство наших стран добилось признания Советской России агрессором, что грозит ей всемирным осуждением.

— Господин Чемберлен и господин Даладье не только добились от свободного мира осуждения действий СССР, но и поставили вопрос об его изгнании из Лиги наций! Вы представляете себе, какой это позор для европейского государства!? — требовательно вопрошал британец. Он говорил так проникновенно и выразительно, что от его слов бедного президента просто бросало в дрожь. Действительно, позор джунглям был ужасным. Что подумает дон Педро? Что скажет синьора Амалия!? Как смотреть в глаза благородному сообществу?

Не приведи господь оказаться на месте Сталина, которого теперь не пустят ни в один приличный дом и не подадут руки при встрече. Все будут только сторониться как прокаженного или вообще перестанут замечать как шудру.

Заводя разговор о Лиге наций, хитрые финские союзники скромно забывали о том, что к этому моменту, по тем или иным причинам Лигу покинули такие тяжеловесы мировой политики как Штаты, Германия, Италия и Япония. К декабрю 1939 года из числа ведущих держав в ней оставались лишь Англия и Франция. Одним словом была Лигой, а стала — фигой.

Это сравнение, данное пролетарским поэтом, было очень точным и весьма емким, но замороженные приглашением в клуб Большой европейской политики, финны не обратили на этот факт никакого внимания. Главное — от нас не отказались, главное — мы по-прежнему вместе, несмотря на то, что все задуманное пошло не так. Нас по-прежнему считают равноправным партнером, и значит, все будет хорошо.

Видя, как господин Каллио обрадовался относительно решения Лиги наций, господа визитеры остались довольны результатом своего вояжа. Призвав финского президента держаться и крепиться, а также заверив, что великий дуумвират о них постоянно помнит,

они удалились. Много ли надо для наивного и доверчивого туземца. Дружеское похлопывание по плечу и обещание хорошей жизни без каких-либо обязательств. Главное — мы с тобой, а дальше сама-сама-сама.

Совсем в ином ключе, протекал разговор англо-французских союзников с маршалом Маннергеймом. Будь их воля они бы не стали отзывать шведского барона из отставки, куда его отправили господа политиканы, но иного выхода у них не было.

Только такая легендарная фигура как Маннергейм, победитель русских большевиков и красных финнов, мог встряхнуть и вывести страну из шока, в который её ввергло начало войны и отступление армии.

Поэтому, господа союзники, были вынуждены сквозь зубы петь дифирамбы мудрости Каллио и почтительно раскланиваться с человеком, имевшим прочную прогерманскую ориентацию и умевшим разделять котлеты от мух.

Первым делом, заступив на пост главнокомандующего финской армией, Маннергейм в пух и прах, разнес военные планы своих предшественников.

— Созданный и утвержденный мною наступательный план против русских гласил, что мы наступаем на Архангельск только при возникновении благоприятных условий для этого! Вы помните об этом!? — громил штабистов маршал.

— Да, экселенц — покорно лепетал ему в ответ нестройный хор.

— Были изменены основы плана и его приложения!? — продолжал допрос Маннергейм.

— Нет, экселенц.

— Тогда почему вы стали готовить нападение на русских, если в приложении черным по белому расшифрованы эти благоприятные условия? — маршал на секунду замолчал, а затем принялся цитировать по памяти. — Наиболее благоприятным моментом для вступления Финляндии в войну против России, является начало агрессии со стороны третьей страны или стран. Только тогда финская армия может перейти к активным действиям и начать наступление на Архангельск и Ленинград. Во всех других случаях Финляндия должна вести оборонительную тактику. Я правильно говорю?

— Да, экселенц.

— Так какого черта вы затеяли войну, будучи не готовы к ней!? — маршальский бас разлетелся по всему кабинету, подавляя у стоящих перед ним военных всякую волю к диалогу. — Что молчите? Я вас спрашиваю!

— План предстоящей войны был принят совместной комиссией с представителями британского и французского генерального штаба — наконец выдал из себя один из штабистов.

— Мне стыдно за вас, Манфред. Как вы могли пойти на поводу у этих людей и изменить мой план им в угоду?! Как!? — с горечью воскликнул маршал. — Как было можно превратить нашу армию из положения ладьи или слона в простую разменную пешку!? Ведь мы должны были напасть на Россию тогда, когда все её силы будут раздроблены по разным углам, а не тогда, когда они собраны в единый кулак и могут так ударить, что размажут всю нашу армию как комара!

— Нас попросил об этом господин президент — с трудом выдавил из себя военный и тотчас получил в ответ гневную отповедь.

— С каких пор политики стали учить военных как им воевать!? Хорошо они далекие от стратегии люди, но вы, офицерская кость, вы же прекрасно понимаете, что по плану господ союзников наша армия отдается на заклятие русским. Точно также как до этого ими были

отданы немцам чехи и поляки.

— Вы говорите, так как будто наша армия разбита, и русские вот-вот войдут в Хельсинки, а это не так. Наши войска вместе с отрядами 'Кайселите' достойно держат удар — рискнул возразить маршалу полковник и был моментально им растоптан.

— Наша армия должна благодарить бога за то, что Россия многонациональная страна и воюют против нас многонациональная армия. Мне трудно представить, что было бы, если против нас воевали дивизии, составленные из выходцев с русского Севера. Которые также как и мы привычны к этому климату. Также как и мы, хорошо знают местность, где предстоит воевать. Хорошо экипированы и вооружены и кроме того имеют свои старые счеты. Вот эти давно бы вышли через Лапландию к Ботническому заливу и обошли наши укрепления на перешейке со стороны Ладоги.

Сказано было громко и безапелляционно, подобно хлесткой пощечине, что дает матерый ветеран зарвавшемуся юнцу.

Получив плюху, полковник покрылся красными пятнами и понуро опустил голову, но своей речью, маршал исчерпал запас своего гнева и молний. Дав волю чувствам в отношении бестолковых подчиненных, он успокоился. Ему предстояло работать с ними, ради спасения республики. Строить планы, разгадывать намерения противника и пытаться переиграть его.

От первоначального плана нанесения удара русским в районе восточной Карелии и выходом к Архангельску пришлось отказаться. Не наступай русские на дальнем севере и в Лапландии, финны бы смогли не только остановить наступление врага в Карелии, но и при хорошем исходе дела потеснить его. Местные условия исключали создание сплошной и непрерывной линии фронта, давая возможность обходить фланги противника и атаковать его с тыла.

Однако угрожающее положение северных провинций заставляло маршала дробить свои скромные резервы, бросать их на помощь терпящим бедствие войскам.

Единая и крепкая армия расплзлась подобно кафтану из знаменитой басни, угрожая в скором времени треснуть пополам.

Положение было сложным, но прорабатывая различные варианты, Маннергейм пришел к необычному выводу. Для эффективной борьбы с русскими нужно было провести свое контрнаступление.

Его предложение вызвало бурю удивления, но старый маршал твердо стоял на своем.

— Читая ваши сводки и докладные записки, — он пренебрежительно ткнул пальцем в папку с бумагами для доклада, — можно сделать два вывода. Первый — натиск русских войск в Карелии и на перешейке, по тем или иным причинам ослаб. Они приостановили свое наступление и подтягивают отставшие тылы. Второе — дух наших солдат не сломлен, но сильно поколеблен. Все это вместе вынуждает нас к проведению контрнаступления против русских.

Маннергейм сделал паузу, давая своим словам возможность дойти до сознания своих генералов, а затем продолжил.

— Численность наших войск позволяют нам провести только два контрнаступления. В районе нашей оборонительной линии на перешейке и в восточной Карелии. Для перегруппировки войск и подтягивание тылов, в условиях нашей зимы и бездорожья, русским потребуется максимум две недели. Будь моя воля, я приказал наступать завтра, стремясь добиться максимального результата, но я реалист. У генерала Эстермана и командующего IV корпусом генерала Хейсканена есть ровно четыре дня для того, чтобы

подготовить войска к контраступлению. Если мы этого не сделаем, боюсь, что на шестой день, русские возобновят свое наступление, если не на перешейке, то в Карелии точно.

— Но войска генерала Хейсканена сильно измотаны и вряд ли смогут нанести врагу полноценный удар — возразил маршалу помощник начальника оперативного отдела.

— Добавьте к тому, что мы собирались дать генералу, полк из состава тех сил, что планировалось отправить в Лапландию. Также посмотрите, что можно будет взять у Эстермана. Судя по всему, русские надолго встали в районе Карелы и это надо использовать.

— Этими распоряжениями вы бросаете нашу лапландскую группировку на растерзание врагу — с ужасом проговорил полковник, но его слова остались пустым звуком для маршала.

— Согласно донесениям генерал-майора Туомпо, в Лапландии дела у русских идут не особенно удачно. Отправьте вместо изъятых мною войск отряды самообороны. Думаю, этого будет достаточно, чтобы заставить их окончательно остановиться.

— Однако и этих сил Хейсканену не хватит для нанесения полноценного удара — продолжал гнуть свою линию полковник.

— Пусть он нанесет удар в три четверти, в полсилы, в конце концов, но нанесет его, — разозлился маршал. — Вместо того чтобы заниматься различными арифметическими подсчетами и делать на их основе умные выводы, лучше бы вы брали пример с таких людей как полковник Талвела. В отличие от вас он не составляет расчеты соотношения наших сил и сил противника, а готов драться с ним малыми силами. Не имея сил, он ищет возможности для решения задачи, тогда как вы ищите причины, позволяющие не заниматься её решением. Если такова ваша позиция, то я буду вынужден отправить вас в отставку и назначить на ваше место другого человека.

— Как вам будет, угодно, господин командующий — с трудом проговорил бедный полковник, для которого слова маршала были сходны с похоронным звоном.

Несчастный штабист побелел, от горя у него потемнело в глазах, но Маннергейм не обратил на это никакого внимания. Реалист до мозга костей, он мало интересовался эмоциями своих подчиненных. Главное для него была боевая задача, которую следовало решить, а остальное было для него неважным.

— Господа генералы. Задача вам поставлена и объяснена. Прошу приступить к её исполнению — в голосе маршала зазвучали раскаты боевых труб, противиться которым было невозможно.

Именно после этого совещания, в приподнятом настроении Маннергейм принял у себя представителей союзной миссии. При этом он всячески старался не уронить перед иностранцами собственную значимость и вместе с этим не перейти грань дозволенности согласно дипломатическому этикету.

В отличие от президента Каллио и окружавшей его политической камарильи, Маннергейм хорошо знал цену слов и обещаний англичан и французов. Он не играл в большую политику и от того не имел шор на глазах, не позволявшие ему правильно сложить два плюс два.

За прошедшие двадцать лет после своей 'клятве на мече', Маннергейм ни на йоту не изменил своих политических воззрений. Он по-прежнему был готов всеми силами добиваться вхождения земель восточной Карелии в состав финского государства и ради этого был согласен на союз с немцами, французами, американцами и даже японцами. Однако в этом союзе он видел себя равноправным партнером, а не слепым исполнителем.

Пытаясь хоть как-то исправить тот урон позиции Финляндии, что нанесло слепое

соглашательство с новыми союзниками правительственным кабинетом, с самого начала разговора, он начал задира́ть свои акции.

Едва гости сели в кресла и пригубили маленькие рюмочки коньяка, как Маннергейм начал свое наступление на дипломатическом фронте. С явной гордостью в голосе, он сообщил господам союзникам, что финская армия выстояла под подлым ударом большевистских орд и не допустила их прорыв вглубь страны.

— Вся Финляндия в едином порыве встала против нашего заклятого врага большевизма и готова стоять до конца. И в качестве подтверждения серьезности сказанных слов, я хочу сообщить вам, что в самое ближайшее время наша армия перейдет в наступление, которое должно выбросить русских с нашей территории.

Тон и слова, произнесенные маршалом на отличном французском языке, произвели должное впечатление на гостей. Они пришли с намерениями уговаривать финского главнокомандующего продолжить воевать со Сталиным и неожиданно услышали о его намерении начать наступление. Это было для союзников приятным сюрпризом.

Они заулыбались и засыпали маршала комплементами, но старый вояка быстро продемонстрировал гостям свое отличие от президента Каллио. Сдержанно отреагировав на хвалу в свой адрес, он перевел беседу на деловые рельсы.

— Мы нанесем как это, и планировало ранее удар по Сталину, но на это уйдут все наши силы. И может случиться так, что одержав победу над врагом, мы не сможем удержать её в своих руках — Маннергейм требовательно посмотрел на гостей, решительно опуская их на грешную землю с высот политических эмпирей.

— Я не совсем вас понимаю, господин маршал, — насупился француз. — То вы говорите, что разобьете русских, то опасаетесь, что не сможете удержать победу.

— По-моему я сказал все достаточно ясно и просто. Для выхода к Архангельску, согласно согласованному с вами плану, нашей армии нужна помощь и чем скорее она будет оказана, тем лучше для всех для нас. Налеты русской авиации на Хельсинки очень сильно влияют на настроение простых финнов. Я не удивлюсь, что после недели непрерывной бомбежки, толпы народа хлынут к президентскому дворцу, и будут требовать прекращения войны.

Хитрый Маннергейм знал, что говорил. Налеты британской авиации на Берлин были в первую очередь направлены на пробуждение неудовольствия политикой фюрера среди простых немцев. Маршал знал об этом и ловко бил господ союзников их нем же оружием.

— Финляндия уже получили две партии зенитных орудий из Швеции! — с негодованием воскликнул англичанин, нервно ерзал на стуле, но Маннергейм полностью игнорировал его слова.

— Вы прекрасно знаете, что этого мало для того, чтобы хотя бы наполовину покрыть потребности ПВО столицы. Кроме зениток нам нужны истребители, которые будут способны отогнать прочь русские самолеты от Хельсинки.

— Мы активно работаем и над этой проблемой, господин маршал — с негодованием, как будто его уличили в нечестной игре, вспыхнул француз.

— Наше правительство уже отправило финской стороне, на безвозмездной основе двадцать один истребитель, вместе с двумя десятками самолетов других типов. Кроме того мы договорились с итальянцами о том, что они продаже вам в счет военного кредита сорок два истребителя 'Фиат', переброска которых будет производиться в целом виде, через Швейцарию, Германию и Швецию.

— В свою очередь, господин маршал хочу сказать, что по личному указанию господина премьер министра в Финляндию уже отправлены в разобранном виде двадцать истребителей 'гладиатор' и 'харрикейн', а также пять бомбардировщиков 'блэнхэйм'. Также Южно-Африканский Союз согласен безвозмездно передать вам имеющиеся у них на вооружении двадцать истребителей 'Глостер'. Согласитесь это — существенная помощь — с укоризной произнес англичанин, но его попытка смутить Маннергейма оказалась неудачной.

— Все это так хорошо звучит на словах, но мне бы было бы во сто раз спокойней, если бы все эти самолеты не были в пути, а стояли на наших аэродромах. Так мне гораздо удобнее бить русских — парировал маршал и, не дав гостям проявить законное чувство гнева, продолжил разговор.

— Чтобы осуществить наш план по изоляции Мурманска, нашей армии нужны танки, полевые орудия, мины, снаряды, бомбы, гранаты, патроны и многое другое, что позволит создать на пути русских непреодолимую линию сухопутной блокады. Готовясь к встрече с вами, я приказал составить подробный список всего необходимого, — Маннергейм уверенно открыл лежащую перед ним папку и любезно протянул каждому из гостей по экземпляру требований. — Мы очень надеемся господа получить все это к концу января. В противном случае, мы не сможем подтвердить ранее взятые на себя обязательства в войне с русскими.

Все это было сказано предельно корректно, но твердо, давая возможность собеседникам ощутить под мягким бархатом сталь перчатки старого вояки. Прочувствовав крепость хватки Маннергейма, высокие гости не стали с ним спорить, говоря о массе своих проблем, а тихо пообещали рассмотреть просьбу господина маршала в самое скорое время.

Списки с перечнем всего необходимого для славной финской армии были уложены в папки гостей, но они оказались не самой последней фигурой Марлезонского балета. Обозначив свои потребности в вооружении и военных материалах, Маннергейм заговорил о живой силе.

— Финляндия маленькая страна, господа. И если для таких великих держав как Англия и Франция гибель двух тысяч человек — это статистика, то для Финляндии большое горе. Мы готовы сражаться с красными до последнего финна, как это не раз заявлял господин президент, но наши людские запасы не безграничны. Сейчас у нас под ружьем около полумиллиона человек, но это то, что мы можем взять, не причиняя ущерба для экономики страны. Все остальные изъятия мужского населения приведут к самым пагубным для неё последствиям — маршал сделал паузу, которую тут же нарушил темпераментный француз.

— Если господин маршал говорит о наших войсках, то срок появления наших войск на территории Финляндии обозначен второй половиной марта будущего года и пересмотру не подлежит! — решительно отрезал заморский гость. — Мы конечно великая держава, но наш премьер министр не господь Бог и не может из одного солдата сделать десять за один день. Мы прекрасно понимаем ваше опасение по поводу малого людского ресурса вашей страны, но мы ничего не можем поделать. Потерпите. Продержитесь до середины марта, и мы обязательно поможем вам войсками. Наши правительства не отказываются от взятых на себя обязательств, но у нас нет возможностей помочь вам в возникшем форс-мажоре со Сталиным. Его неожиданное решение начать войну против вас, спутало карты всем нам.

Француз в негодовании возвел руки, но в ответ Маннергейм только неопределенно хмыкнул и продолжал выжидательно смотреть на гостей.

— Единственное, что мы можем сделать для своего союзника — это усилить агитацию в странах Европы для записи в добровольцы для войны в Финляндии. Я знаю, что в странах

Скандинавии многие изъявили желание сражаться на вашей стороне и число таких людей растёт с каждым днем.

Что касается моей страны, то кроме подданных его королевского величества, вы можете рассчитывать на жителей Канады и Австралии. Более того, согласно последнему решению американского сената, каждый из граждан Америки может отправиться воевать в Финляндию, и это не будет считаться нарушением акта нейтралитета страны — энергично увещевал Маннергейма англичанин, но и его слова не принесли спокойствия на его сердце.

— Волонтеры — это, несомненно, хорошо. Я, как и все жители Финляндии, глубоко благодарен всем людям земли, готовым защищать нашу страну с оружием в руках. Однако, на мой взгляд, есть ещё возможность помочь Финляндии людьми, и ваши страны могут сделать это очень быстро.

— Если господин маршал имеет в виду отправку в Финляндию алжирцев, марокканцев или индусов, то скажу сразу — он ставит не на ту лошадь, — безапелляционно произнес англичанин, — эти люди совершенно непривычны к вашему суровому климату, и они будут больше болеть, чем воевать. Согласитесь, что это плохая идея.

— Действительно, снега и холод Финляндии выкосят их ряды лучше русского пулемета — вторил англичанину француз, но гости снова не угадали ход мыслей собеседника.

— Я говорю не об индусах или алжирцах господина. Я говорю о тех, кому снега и холод не являются серьёзной климатической помехой для войны в Финляндии. Я говорю о поляках, что были интернированы в Румынии и теперь находятся на территории ваших стран. Согласно моим сведениям общее их число равняется тридцати тысячам, но мы будем рады и десяти тысячам человек.

В наступившей тишине было хорошо слышно, как энергично скрипят мозги у собеседников финского маршала, усиленно обдумывая его слова.

— И как вы себе все это представляете, господин Маннергейм? — осторожно подал голос англичанин.

— Надеюсь, что вам будет не трудно вооружить их и через норвежский порт Нарвик переправить их к нам. Это очень поможет нам и сэкономит деньги, которые тратит британская казна на их содержание.

— А захотят ли они ехать сюда? После своего бегства из страны многие из польских солдат деморализованы и находятся в депрессии.

— В первую очередь они солдаты, а солдатам достаточно как полагается отдать приказ и направить на войну. Кроме того, зная пылкий характер поляков и их ненависть к советам, я убежден, что их не долго придется уговаривать выступить против Сталина. Как говорится — За нашу и вашу свободу.

— Не знаю, господин маршал, согласится ли на это польское руководство. Поверьте это сложный вопрос — развел англичанин руками.

— Это, которое сидит в Лондоне на полном содержании британской короны? — колко уточнил Маннергейм.

— Да это так, — признался англичанин, — но я, как и вы только простой солдат и не могут говорить от имени своего правительства, не имея на то полномочий.

— Но вы можете довести до сведения своего правительства мою просьбу — продолжал давить маршал.

— Да, конечно, я сделаю это сегодня же — заверил хозяина гость и на этом встреча завершилась.

'Этот военный бог Финляндии обещает наступление, но требует за него такую цену, что проще самим его организовать' — возмущался в своем послании британец Айронсайду, но его горечь не задела сердца адресата. Начальник имперского генерального штаба с интересом воспринял идею Маннергейма о посылке поляков в Финляндию.

Глава IX. Встречай нас Суоми — красавица

Скрип-скрип-скрип — противно повизгивал снег под сапогами солдат идущих из дикой Азии в цивилизованную Европу, где все было лучше, согласно мифам и легендам, что просвещенные европейцы усиленно пропагандировали в России вот уже пять столетий.

Возможно, что там действительно кое-что было лучше, но вот относительно дорого, командир стрелковой роты капитан Илья Рогов был готов поспорить. Двадцать лет просвещенная Финляндия владела территориями севернее Ладожского озера и присутствия прогресса, не было замечено капитаном в упор.

Как не говорили лысые умники, что рынок и свободное предпринимательство обязательно превратит любую страну в сильную и развитую державу, в восточных землях Финляндии этого ничего не было. Как были при царе Горохе узкие не мощные дороги, которые в зимние времена чистились и содержались через пень колоду, так они и остались.

Что касается второстепенных дорог, то их функционирование регулировалось количеством выпавшего снега. В ноябре и декабре, по ним ещё можно было пройти, а вот в январе с его обильным снегом и метелями, они прекращали свое существование до конца весны.

Снега в Западной Карелии выпало не особенно много. Господь бог сжалился над русскими пехотинцами, и высота снежного покрова не превышала высоты их сапог. Благодаря этому снег не попадал внутрь сапога, но от длительного контакта с ним сильно мерзли ноги. Согласно приказу наркома с переходом на зимнюю форму одежды, роте давно полагались валенки и полушубки, но господа интенданты не торопились исполнять приказ первого маршала страны.

От самой границы, все-то время, что рота совершала марш бросок на запад, о валенках и полушубках постоянно говорили, но воз был и ныне там.

Впрочем, роте Ильи Рогова очень повезло, так как командиром их батальон был такой человек как майор Луника. Высокий и статный он не просто командовал вверенной ему боевой единицей, он жил жизнью батальона.

Когда был получен приказ о начале боевых действий с требованием перейти границу и ударить по финнам, он не ограничился его простым зачитыванием. Стоя перед застывшими шеренгами красноармейцев, он просто и доходчиво объяснил личному составу батальона, чего от них хочет Родина.

— Здесь много говорили, что мы идем оказать интернациональную помощь свои финским братьям по классу сбросить с себя власть помещиков и капиталистов и это правда. Однако главная наша задача защитить рубежи нашей советской Родины. Ещё два часа назад об этом нельзя было говорить, но теперь можно. Наша разведка узнала секретные планы финского генералитета, который намеривался напасть на нас через две недели.

От сказанных майором слов в батальоне наступила звенящая тишина. Каждый из стоящих в строю солдат напряженно внимал каждому ему слову.

— Они намеревались напасть на нас исподтишка, внезапно. Надеялись застать нас

врасплох, и не встретив серьезного сопротивления дойти до Белого моря. Именно здесь, где мы с вами стоим и должны были вторгнуться на нашу землю финская армия, но этого не бывать! Наша разведка вовремя вскрыла их коварные замыслы. Сорвала с их лживых лиц маски и позволила нам встретить врага во всеоружии. Пока враг не знает о разоблачении его планов нам надо успеть нанести ему упреждающий удар. Ударить первыми и разбить, его притаившиеся вдоль границы войска.

От того как мы с вами будем сражаться, зависит очень многое. Нам с вами надо не только сорвать вражеские замыслы и не пустить финского агрессора на нашу родную землю. Нам надо успеть разгромить по частям главные силы противника и чем лучше и мужественнее мы будем драться здесь, тем скорее будет одержана победа над этим наймитом мирового капитализма.

Майор говорил обыкновенным голосом, без каких-либо ораторских приемов, умело приковывавших глаза и слух людей к словам оратора. Но при этом каждый из слушателей воспринимал его слова как чистейшую правду и был готов идти за своим командиром в огонь и в воду.

Владимир Луника любил своих солдат. Будучи настоящим отцом-командиром, он старался вникнуть во все проблемы своего батальона и по возможности разрешить их. Обладая цепкой памятью, майор поименно помнил не только всех командиров рот и взводов, но и сержантов отделений и даже простых бойцов.

С каждым вновь прибывшим командиром он знакомился лично, стараясь составить представление о человеке не с чужих слов или сухих строк анкеты, а от непосредственного общения.

— Я должен самостоятельно понять человека и определить, на что я могу от него рассчитывать — объяснял майор свою позицию товарищам и командованию, откровенно удивлявшихся, почему он так много времени проводит на службе.

Сам полк, где служил Илья Рогов, был из числа вновь созданных по приказу РВС и был укомплектован выходцами со всей страны Советов.

Около половины солдат составляли уроженцы Чернигова и Сум, призванных в армию в первой половине года. Примерно такое же количество составляли туляки, резанцы и орловцы и между ними была небольшая прослойка призывников из Казахстана.

Одним словом, в своем подавляющем большинстве, полк состоял из выходцев тех территорий, чей климат разительно отличался от климата Карелии. Чья светлая голова приняла это мягко говоря непродуманное действие, было неизвестно. Да и так ли это было важно, звали ли этого деятеля Пупкиным или Хрумкиным. Важно, что решение было принято бездумным человеком, по чистому недоразумению, носившему военную форму и иногда даже получавшим звания и награды.

Следуя терминологии военного коммунизма, это был типичный попутчик, крепко накрепко присосавшийся к могучему плечу РККА, возможно имевший партбилет и думавший в первую очередь не о людях, а о собственном благе.

К огромному сожалению, подобных деятелей много не только в матушке России, но и по всему миру и живут они тихо, незаметно, подобно клопам, пережившим динозавров, питекантропов и неандертальцев.

Что касается самой РККА, то наличие в её рядах подобных людей принимавших такие непродуманные решения были прямым следствием того порядка, что царил в Красной армии со времен Гражданской войны.

Сокращенная до полумиллиона из-за ограниченных возможностей разоренного войной и разрухой государства, она по своей сути была больше походила на народное ополчение — милицию, чем на настоящую регулярную армию.

Без всеобщей воинской повинности для мужского населения страны и пополняя свои ряды выборочным призывом, длительное время, не имея в своем распоряжении серьезной боевой практики, она незаметно превратилась в некое подобие тихого 'затона'. Где все друг друга знают и понимают, кто чего стоит и кто за ним стоит. Где идет активная подкованная борьба между выдвиженцами Первой конной армии и теми, кто не служил в её рядах, но имел громкие заслуги в РККА. И при этом служили в меру своих сил и возможности.

Веяния технического прогресса не могли обойти стороной Красную армию. Не желая отставать от армий возможного противника, руководство РККА усиленно развивало авиацию и танкостроение. Именно они получали львиную долю денег и внимания, тогда как артиллерия, связь, кавалерия и пехота были вынуждены вариться в собственных котлах.

Конечно, время от времени проводились масштабные учения, но они больше замазывали имевшиеся проблемы, чем способствовали их устранению. Инспектора и руководители грозно ставили 'на вид' выявленные в ходе учений недостатки и недочеты, и благополучно забывали о них до следующих маневров.

В начале тридцатых годов общая ситуация в мире и Европе значительно изменилась. Благодаря тайной поддержке большого капитала и с согласия руководства Англии и Франции к власти в Германии пришел Гитлер.

Провозгласив своей главной доктриной 'поход на восток' для расширения зоны жизненного пространства немецкого народа, Гитлер стал усиленно вооружаться. С молчаливого согласия Лондона и Парижа он нарушил все запреты, наложенные на Германию статьями Версальского договора, начав создавать вместо куцевого рейхсвера сильный вермахт.

Все это не могло оставить Сталина в стороне от стремительно развивающихся событий. Впервые за многие годы численность РККА никогда не превышавшая миллиона человек перевалила за эту отметку. Однако количество не означало качество. Самолеты летали быстрее и выше многих стран Европы. Танкисты уверено грохотали по булыжным мостовым и, вздымая клубы пыли, демонстрировали чудеса эквилибристики при преодолении противотанковых рвов, но в своей основной массе Красная армия мало чем изменилась.

Удаление из рядов РККА сторонников маршала Тухачевского, запах грядущей войны в Европе и первый всеобщий призыв, серьезно всколыхнул армейские ряды. Наметились исправления недостатков накопившихся за время долгого 'простоя', но до коренных изменений было ещё очень далеко. И пример с отправкой вновь созданного полка, без серьезной боевой подготовки, состоявшего исключительно из южан на холодный север, было наглядным тому доказательством.

Финский поход, а точнее маленькая, но полномасштабная война, с линией фронта и тыла, со злым и грамотным противником, была испытанием на прочность структур, оставшихся в наследство РККА от Тухачевского и компании. И пока, испытание это проходило с оценкой на слабую троечку, по крайней мере, в краю озер и рек.

Упреждающий удар, предложенный Начальником Генерального Штаба командармом Шапошниковым, сделал свое дело. Смяв приграничный заслон, войска 8-й армии продвинулись вглубь Карелии, методично перемалывая на своем пути разрозненные части войск противника.

Серьезных водных преград и оборонительных укреплений на их пути не было и можно было ожидать глубокого проникновения на территорию врага, но сделав широкий шаг вперед, пролетарский освободитель красавицы Суоми от оков капитализма запнулся.

И дело было не в отчаянном сопротивлении храбрых финских парней, грудью вставших на защиту своей Родины от большевистских орд. Советский солдат больно споткнулся о неготовность своих тыловых служб вовремя и быстро поддержать его наступательный прорыв, а также о бестолковость командования карельской группировки войск.

Привыкшие громко и торжественно рапортовать, комкоры и комдивы 8-й армии только и занимались, что требовали от своих подчиненных строгого исполнения сроков наступления по плану командарма Мерецкова. При этом их совершенно не интересовало состояние частей, качество дорог и регулярность их снабжения.

Любой одержанный успех воспринимался как должное и, отметив флажком на карте, продвижение соединений, они требовали не снижать темпов наступления. На просьбы командиров полков сделать паузу и подтянуть отставшие тылы, комкоры и комдивы отвечали грозными требованиями прекратить саботаж и выполнять приказание.

Некоторые 'отцы-командиры' на сообщение о проблемах подвоза продовольствия отвечали перлами, заслуживающих того, чтобы их 'отлили' из карельского гранита и базальта. 'Быстрее наступайте и тогда сможете забрать свое продовольствие у противника' — советовали они своим подчиненным по телефону, сделав умное думато.

Все эти причины создавали ненормальную двойственность, когда высокие штабы жили своей жизнью, а войска на передовой своей.

Взвод, рота, батальон храбро дрались и успешно громили противника, но на уровне полка возникали проблемы управления, а в дивизии дело шло из рук вон плохо. Связь между соединения была, но сугубо односторонняя, без какого-либо взаимодействия верхов и низов. Много из того, что докладывалось в штаб армии, мягко говоря, не совсем соответствовало действительности.

Однако высокое командование вместо того, чтобы разобраться в причинах мешавших быстрому наступлению войск в непростых условиях и попытаться их быстро устранить, только строжились по телефону и грозилось особым отделом.

По мере продвижения вперед разлад между штабами корпусов и дивизий с полками нарастал но, несмотря на это войска продвигались вперед и одерживали победы.

Первым серьезным испытанием для роты капитана Рогова стал бой на реке с трудно произносимым названием. Фронтальная атака на позиции противника не давали результата и тогда, комбат Луника решил обойти противника с фланга. Эту задачу он поручил роте Рогова, придав ему взвод пулеметчиков.

Именно в этом бою, отличился земляк капитана Рогова сержант Ильяс Шамалов, родившийся и выросший на станции Мартук, затерявшейся в бескрайних степях Западного Казахстана.

Среднего роста, тонкокостный, с густыми черными волосами и мягким взглядом он совсем не походил на легендарных степных батыров, но твердость и целеустремленность, готовность идти до конца делали из него настоящего солдата.

При совершении под покровом ночи обходного маневра, взводу пулеметчиков предстояло пройти через лес по глубокому снегу. Двигаться, постоянно проваливаясь в снег по пояс в темном лесу для обычного человека тяжелый труд, а для бойца с винтовкой за спиной, с коробами патронов и тяжеленным пулеметом трудно вдвойне.

А если к этому прибавить непроглядную неизвестность, готовую в любой момент разразиться в тебя автоматной очередью или винтовочным залпом, то этот поход представлял собой адское испытание, справиться с которым оказалось кое-кому не по силам.

Этот кое-кто был командиром пулеметного взвода лейтенантом Выгузовым. Вместо того, чтобы своими активными действиями вести взвод вперед, он самоустранился от командования взводом. Зло, проклиная снега и финнов, горько сетуя на то, что гладко было на бумаге, да забыли про овраги, он только топтался на лесной опушке, не предпринимая никаких активных действий для того, чтобы выполнить приказ.

Только благодаря восточной оборотистости Ильяса, неизвестно откуда доставшего санки для пулеметов и патронов, взвод сумел выйти на рубеж и поддержать огнем обходной маневр роты. Задержись взвод с открытием огня сверх того на сколько он задержался и финны бы наверняка смогли оказать солдатам капитана Рогова сопротивление. Злые и упрямые бойцы капитана Масикайне отчаянно бились за каждый рубеж обороны, но против ударивших в спину пулеметов они были бессильны. Теряя раненых и убитых, они оставили свои окопы и траншеи и отступили.

Об этом инциденте, Илья Рогов узнал совершенно случайно, когда сразу после боя, по горячим следам он отправился к пулеметчикам выяснить причину задержки открытия огня.

— Почему задержались с открытием огня?! Если бы вы сразу ударили вместе с нами, по сигналу белой ракеты, мало кто бы из финнов ушел — налетел он с расспросами на политрука взвода Ивана Телегина и его ответ огорошил капитана.

— Да, мы вообще могли не участвовать в этом бою. Увязли в снегу в лесу как мухи в сиропе и еле-еле выползли. Скажи спасибо своему земляку сержанту. Это он смог протащить по нему пулеметы и хоть с опозданием, но открыл по финнам огонь.

— А Выгузов?

— А что Выгузов. Бегал, кричал что-то, командовал — едко усмехнулся политрук, вмещая в одно слово гору сарказма.

Прекрасно понимая, что любой человек в непростой ситуации может проявить себе не с лучшей стороны, Рогов не стал раздувать этот инцидент. Для него единение и спокойствие в роте при наступлении, было выше всяких поисков правды, которая, как известно у каждого своя.

Капитан только сделал замечание Выгузову и постарался отметить действия своего земляка. Внимание и похвала приятна любому человеку, а в особенности, если этого говорит командир и его слова особенно теплы.

После того как финнов отбросили за реку, в тылу батальона появились интенданты, которые, о небывалое чудо, привезли теплые вещи.

Пряников всегда не хватает на всех и точно также валенки и полушубки, были предназначены в первую очередь для комсостава.

Что поделаться, такова грубая проза жизни, но капитан Рогов попытался внести в неё маленькие изменения.

Простые и добрые люди, как правило, действуют спонтанно, что называется на эмоциях, а не тщательно обдумывают и всесторонне просчитывают свои действия. Узнав о том, что в батальон поступили валенки и полушубки, капитан вызвал к себе Шамалова и приказал ротному старшие выдать ему теплые вещи.

— Как же так, товарищ капитан. Ведь это для вас валенки и полушубок — не

соглашался старшина, но капитан был непреклонен.

— Нога у нас одинакового размера, а полушубок ему Соломон подгонит лучше всякого московского ателье — пошутил капитан. Соломон Деркович с самого начала своей службы только и делал, что строчил на швейной машинке, которую ему достал прыткий старшина. Благодаря ловким рукам уроженца Гродно, батальон майора Лунники не знал проблем с починкой одежды и обуви.

Решение капитана отдать валенки и полушубок Ильясу, не ускользнуло от зоркого ока старшего политрука.

— Что товарищ капитан, землячество и кумовство в своей роте разводите? — требовательно поинтересовался бывший переплетчик, а ныне представитель армейского политического института товарищ Брошкин.

— Не развожу, а поощряю лучшего сержанта своей роты.

— Странные у вас формы поощрения, отдать полагающиеся вам как командиру теплые вещи подчиненному — выразил свое несогласие Брошкин, засунув руки в карманы теплого, 'романовского' полушубка. Знающие люди говорили, что в нем можно было упасть в воду, затем бежать марш-бросок и не простудиться. Качественные вещи делали до империалистической войны.

— Не вижу ничего странного, товарищ старший политрук. Шамалов один из лучших бойцов моей роты и мне надо, чтобы он был здоров и воевал. Бил врага, вел свое отделение вперед, как это требует командование, а не лежал в санбате с простудой и пневмонией. А то, что я ему отдал свой полушубок с валенками, так это, на мой взгляд, обычный поступок, простого советского человека. Вы со мной не согласны? — вопрос таил в себе опасную ловушку и Брошкин не стал продолжать дискуссию с языкатым капитаном.

В том, что Ильяс действительно был лучшим бойцом роты, капитан очень быстро убедился через три дня, когда преследуя врага, батальон дошел до нового рубежа финской обороны.

Его противником вновь был батальон капитана Масикайне, и теперь его солдаты обороняли хорошо укрепленный поселок вблизи озерной дамбы. Там у финнов были теплые землянки, хорошо оборудованные доты, минометные батареи прикрытия, и выбить их, одним ударом с марша для постоянно ночующих на морозе бойцов было невозможно.

О своих проблемах майор Луника сообщил комполка Попцову. Тот в свою очередь попросил у комбрига Беляева сутки, чтобы успеть подтянуть тылы и артиллерию, на что получили короткий и емкий ответ: — Наступать!!

Имея над противником лишь небольшой численный перевес, майор Луника отказался от фронтальной атаки позиций противника и решил обойти финнов с севера. С этой целью роте капитана Рогова было приказано совершить обходной маневр напрямик через лес, но на этот раз у противника оказались хорошо укрепленные заслоны.

Как не пытались лейтенанты Новожилов и Федоркин силами своих взводов потеснить противника, ничего не получалось. Все подступы к заслонам хорошо простреливались из пулеметов и атаки по глубокому снегу срывались, не успев начаться.

Пытаясь спасти положение, Попцов бросил на врага всю свою нехитрую артиллерию, состоявшую их пушек сорокапяток и минометов, чей запас мин и снарядов, был ровно на сорок минут боя.

Для штурма хорошо укрепленных позиций этого всего было крайне мало, но судьба неожиданно преподнесла русским неожиданный сюрприз.

Из тех скудных средств, что комполка выделил Лунике для прорыва вражеских позиций, две минометные батареи он отдал в распоряжение Рогова. Они должны были нанести удар по финским заслонам противостоящим взводам Федоркина и Новожилова. Взводу лейтенанта Выгузова предстояло ударить по противнику только под прикрытием пулеметов штыковой атакой.

Посылать людей в атаку всегда трудно, а бросать в бой солдат, доедавших сухие пайки и неделю ночевавших на нарубленном лапнике, трудно вдвойне. Зная это, Илья Рогов перенес свой КП во взвод к Выгузову, надеясь своим присутствием приободрить солдат перед атакой.

Стоит ли говорить, с какой завистью и обидой смотрели изготовившиеся к броску красноармейцы, на то, как падали и взрывались мины на финских позициях у их соседей. Каждый взрыв, каждый разлет осколков мог убить или ранить того самого финна, который через некоторое время мог ранить тебя выстрелом из винтовки или скосить пулеметной очередью, когда ты со штыком наперевес, бросишься в атаку на врага по заснеженной земле. Где каждый шаг вперед — это уже подвиг, а пробежать до финской позиции и не быть убитым — невероятное везение.

Все эти мысли капитан читал на хмурых измученных лицах своих солдат, вместе с которыми он был готов идти в бой.

Из всех сорока минут артобстрела уже прошло чуть больше половины, когда на ротный командный пункт подбежал Ильяс Шамалов и сообщил неожиданную новость.

— Товарищ командир, дозорные наблюдатели сообщили, что финны оставили свою позицию и отошли.

Готовясь, к атаке, Рогов приказал выслать вперед несколько человек наблюдателей, чтобы те следили за поведением противника на случай возможной контратаки со стороны финнов.

— Да они у тебя что там, сержант, белены объелись!? — набросился на него Выгузов, — с чего это финны отступить решили? Ведь по ним даже огня не открывали?!

В высказанных в столь нелюбезной форме упреках была своя правда и логика, но Ильяс упорно стоял на своем. Вспыхнув от несправедливой обиды и поджав губы, но посмотрел в лицо Рогову и твердо произнес.

— У младшего сержанта Феткулова глаз зоркий, он промысловик, белок бил и если он говорит, что на позициях никого нет, значит — нет. Я своим бойцам верю, товарищ капитан.

— Да какого рожна они отступить будут?! Мы их с самой границы из каждого хутора, с каждой позиции с боем выковыриваем, а тут они взяли и ушли. Если это правда, то это хитрость какая-то, ловушку финны нам готовят — высказал предположение Телегин и Выгузов обрадовано затряс головой.

— Вот-вот ловушка это, провокация — поддакнул Выгузов, но Рогов только недовольно поморщился.

— То, что ты говоришь, очень важно, Ильяс и мне нужно знать это точно.

— Я понял — кивнул головой сержант, — разрешите моему отделению провести разведку боем.

— Разрешаю и если это правда, дашь одну красную ракету — Илья положил руку на плечо земляку, — иди, мы ждем твоего сигнала.

Минометчики ещё продолжали расходовать свои последние мины, а красная ракета взвилась в небо, и взвод Выгузова пошел в атаку.

Как выяснилось потом, финское командование решило отвести в тыл потрепанные

соединения капитана Масикайне и заменить их свежими силами. Самых опытных солдат, направили на защиту дамбы, а в заслоны поставили неопытную молодежь, посчитав, что русские больше не будут пытаться прорваться через заслоны.

Это решение финнов оказалось роковым. Услышав свисты мин и разрывы снарядов, молодые финны сникли, затем кому-то показалось какое-то движение в лесу со стороны тыла и сразу же заговорили, что русские обошли заслон и надо отступить.

Будь среди них хоть один опытный солдат и этого ничего не случилось, но взводу Выгузова противостояли исключительно мобилизованная молодежь, и это решило дело. Они в панике оставили позиции, и отошли в тыл с криками 'русские нас обходят!'

Паника на войне страшное дело. Не имея точной информации, вслед за ними снялись со своих мест заслоны, противостоящие двум другим взводам и вскоре, рота Ильи Рогова прорвала вражескую оборону без какого-либо сопротивления.

Наступление было так стремительно и удачно, что финны были выбиты не только в районе дамбы, но даже были отброшены за озеро. В качестве трофеев были взяты тяжелое вооружение, которое солдаты противника бросили при отступлении.

Удачные бои в районе дамбы, по всем законам войны должны были обернуться законным отдыхом для красноармейцев. Долгожданным перерывом наступления в заснеженном краю озер и болот, по узким непролазным дорогам, однако этого не случилось.

Полностью уверовав в то, что достаточно как следует проорать на подчиненного по телефону и дело будет сделано, комкор Панов приказал продолжить наступление.

— Тылы и кухня подойдут потом. Главное не снижать темп преследования и гнать противника! — требовал он, несмотря на все просьбы Беляева о передышке.

— Ваш сосед полковник Туровцев начал фланговый обход врага, и вы должны поддержать его действия ударом по противостоящим вам финнам. Пока они не успели подтянуть резервы и закрепиться, вам надо отбросить их от озера к деревне Йолопуки, занять её и ждать подхода соединений соседей.

— Но, товарищ комкор, зачем так далеко лезть вперед, не подтянув тылы!? Противостоящих нам на границе финнов мы разбили, задачу выполнили. Самое время сделать передышку, собрать все силы в один кулак, а затем продолжить наступление. Дайте нам двое суток, и мы возьмем не только эту Йолопуку, но и все другое как миленькую. Людям надо отдохнуть!

— Что нам следует делать, наступать или остановиться — это не вам решать товарищ комбриг, — резко одернул Беляева комкор, — наверху виднее. И пока от командования не поступало приказа о прекращении активных действий, значит, будем наступать. Вам все понятно? Тогда выполняйте приказ.

Был ли комкор банальным перестраховщиком или удачливым выдвиженцем времен гражданской войны большой роли дела не имело. Не желая брать на себя ответственность и проявить здравый смысл, он слепо следовал приказу сверху не смея отступить от него ни на шаг.

Губительный приказ Панина был спущен вниз к исполнению и измотанный непрерывным наступлением батальон майора Луники вновь двинулся на врага, и судьба милостиво улыбнулась ему вновь.

Удар рот его батальона снова пришелся по финским подразделениям, сменившим основательно потрепанные в боях на границе войска, и недавно мобилизованные крестьяне и лавочники обратились в бегство.

Солдаты батальона не только выбили противника из его траншей и окопов, но и вышли на подступы к Йолопуки, где следовало ждать подхода соединения соседей. До полной победы оставалось всего ничего, но последний шаг так и не был сделан и всему виной стали финские полевые кухни.

Именно они стали той преградой, о которую споткнулся наступательный порыв советских солдат. Более пяти суток не имея подвоза продовольствия не говоря о горячей пище, оголодавшие люди не могли пройти мимо источающего ароматы жизни боевого трофея.

Обнаружив в походной кухне противника пшеничную кашу и горячие сосиски, солдаты бросились делить еду, полностью позабыв о войне и о необходимости выполнения боевой задачи. Окачневшими от холода ладонями они пытались одной рукой ухватить скользкую сосиску и запихнуть её в карман или сумку противогаса. Другой рукой, они черпали кашу и торопливо ели её прямо с ладони.

Картина была откровенно неприглядной. Между солдатами возникала перебранка, ругань, мелкие стычки, но драк и прочих проявлений, унижающих человеческое достоинство, между ними не было.

Больше часа ушло на полное уничтожение трофейной каши и дележ тонких сосисок и маленьких порций серого хлеба, что совсем не походил на привычный русский каравай.

Когда же дисциплина была восстановлена, и красноармейцы были готовы продолжить наступление на Йолопуки, наступили сумерки, и время было безвозвратно утеряно. За ночь финны перебросили в деревню подкрепление, и когда рота капитана Пименова пошла в наступление, её встретили пулеметные очереди.

Как не топал ногами Панин и не кричал по телефону, все было напрасно. Командиры полков и дивизий дружно, в один голос потребовали остановиться, и комкор был вынужден подчиниться.

Глава X. Запоздалая операция 'Рождество'

— Подайте господину главнокомандующему кофе с коньяком! — властно приказал генерал Эстерман адъютанту услужливо распахнувшего дверь его кабинета перед Маннергеймом.

Командующий Армией Перешейка предполагал, что главнокомандующий в скором времени обязательно нанесет ему визит, но то, что это случится так быстро генерал не ожидал.

Внезапный приезд вышестоящего начальства всегда вызывает неприятное напряжение и массу вопросов у любого командира, не зависимо от того какой чин и должность он занимает. Майор, полковник, генерал и даже маршал каждый имеют свои адреналиновые дожди, с небольшим отличием по силе и продолжительности.

— Прошу вас, господин маршал, присаживайтесь — расплылся в сдержанно-корректной улыбке генерал, пытаясь понять по поведению гостя, узнать с какими намерениями он приехал в его ставку.

Финские генералы хорошо изучили манеру поведения Маннергейма. Если он отказывался от чашки кофе и шел к письменному столу хозяина кабинета, значит, за этим последует разнос. Если же маршал соглашался принять угощение и садился к кофейному столику у камина, то предстоит относительно мирная беседа, в которой, впрочем, нужно было держать ухо востро. Карл Маннергейм предпочитал держать своих подчиненных в жизненном тоне.

Судя по той неторопливой походке, с которой главнокомандующий вошел в кабинет Эстермана, генерала ожидала беседа у жарко натопленного камина, но Маннергейм преподнес собеседнику сюрприз.

Он милостиво взял из рук адъютанта чашку с кофе, но не сел за стол, а подошел к висевшей на стене карте перешейка. Сделав небольшой глоток, маршал вонзил свой орлиный взор в линию обороны войск Эстермана, что растянулась от Ладожского озера до Финского залива.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

При этом он сосредоточено молчал, и генералу было непонятно, оценивает ли Маннергейм вкус поданного ему напитка или готовится обрушить на голову командующего гром и молнии, благо было за что. Несмотря на то, что оборонительная линия ни в одном месте не была прорвана противником, в некоторых местах русские были в шаге от прорыва. И помешала им это сделать не столько храброе сопротивление финнов, сколько отсутствие у Красной армии опыта по прорыву оборонительных укреплений в зимнее время года.

Сделав второй глоток, маршал одобрительно крикнул и, подойдя к письменному столу, заговорил.

— Значит, вы считаете, что русские прочно увязли в нашем предполье и в ближайшее время не смогут проводить активные действия на этом участке фронта?

— Да, экселенц, — подтвердил Эстерман, — те данные разведки, которыми мы

располагаем, а также данные наблюдения за противником однозначно говорят в пользу этого.

— У вас крайне скудные разведывательные данные по противнику, генерал. В основном это сведения, полученные от перебежавших линию фронта жителей перешейка, а также данные радиоперехвата. Воздушная разведка поставлена из рук вон плохо, а разведки в тылу врага просто нет. Вам ничего точно неизвестно о действиях командарма Мерецкова, кроме того, что он проводит перегруппировку своих войск. Я прекрасно понимаю все возникшие у вас сложности, но вынужден напомнить вам, что сейчас идет война, а не маневры и противник не простит нам совершенных ошибок — недовольно произнес Маннергейм, поставив на письменный стол недопитое кофе, и выжидательно посмотрел на Эстермана.

— Все те недостатки, что вы перечислили экселенц, я прошу вас отнести к трудностям начального периода боевых действий. Мы воюем с русскими меньше двух недель и только самоотверженной работе офицеров моего штаба, нам удалось нивелировать фактор их внезапного нападения. Я полностью согласен с вами, что разведка играет важную роль в борьбе с врагом и мы уже предприняли ряд мер на исправление указанных вами ошибок. Так в штаб авиации уже направлено требование на проведение регулярной воздушной разведки на перешейке. Также опыт прошедших боев показал отсутствие у противника непрерывной линии обороны, что позволит нам забросить в его тыл группы лыжной разведки. Мною уже отдан приказ о создании таких групп для проведения диверсий на дорогах и сбора разведывательной информации — проворно отчеканил генерал.

Опытный Эстерман как ник-то другой знал, как ласкает слух высокого начальства уверения о скорейшем исправлении всех выявленных им недочетов и замечаний. Если конечно, это только досадные ошибки, а не коварное предательство или сознательное потворство противнику.

Маннергейм не был исключением из общего правила и сказанные Эстерманом слова произвели на него нужное впечатление.

— Я рад это слышать, что вы уже начали работу над ошибками. Как можно быстрее наладьте работу разведки своей армии, генерал. Ведь от успеха её работы будет зависеть и успех наступления, которое вам надлежит провести в самое ближайшее время.

Маршал произнес эти слова спокойным будничным тоном и от этого, эффект был потрясающим.

— Наступление!? Где? Когда? Зачем? — забросал вопросами Маннергейма Эстерман, чье лицо сначала побелело, а затем густо покраснело к тихой радости собеседника.

— А что это вас так удивило? Согласно вашему донесению русские понесли серьезные потери, как в живой силе, так и в танках и в ближайшее время не смогут наступать. Исходя из приведенных вами цифр, потери противника таковы, что его роты превратились во взводы, а батальоны в роты. Лучшего момента для ответного наступления просто трудно себе представить, согласитесь — с едва заметной усмешкой сказал Маннергейм, глядя, как губы командующего Армии перешейка обиженно сжались, а сам он вытянулся перед ним во весь фронт.

— Где наступать вы сами определите. Здесь вам как говорится карты в руки и в этом деле я не намерен навязывать вам свою волю или давать какие-либо рекомендации. Что касается сроков наступления, то оно должно начаться через три, максимум четыре дня.

— Но к чему такая спешка, господин главнокомандующий? Не лучше ли подождать пока сюда не прибудет ранее обещанная нам крупнокалиберная артиллерия. С ней мы

сможем нанести русским, куда больший ущерб и сможет отеснить их от предполья — стал убеждать маршала генерал, но тот был непреклонен.

— Мы не можем ждать, Эстерман, но удар вам придется наносить именно в указанные мною сроки и, ни днем позже. В отношении крупнокалиберной артиллерией вы абсолютно правы, но нельзя забывать, что каждый день нашего бездействия только будет укреплять силы врага. Не нужно быть гениальным стратегом, чтобы предугадать следующий ход Сталина, который уже наверняка отдал приказ Ворошилову подтянуть свежие силы на перешеек и как можно быстрее бросить их на штурм наших укреплений. Все диктаторы мыслят одними категориями. Я неправ? — Маннергейм задал риторический вопрос и, не дожидаясь ответа Эстермана, продолжил.

— Свежее пополнение вы уже получили и вам, ничто не мешает нанести обескровленной армии Мерецкова такой удар, что заставит его надолго отказаться от мысли о новом штурме. Кроме солдат вы можете привлечь к наступлению местное ополчение, которое согласно вашим донесениям с нетерпением ждет возможности поквитаться с русскими.

Все, что говорил маршал, с точки зрения стратегии было абсолютно правильным. С ним трудно было поспорить, но в этот момент Эстермана пугала не правота слов Маннергейма, а тот тон, которым это было произнесено.

В нем не было столь привычной для военных беспрекословной требовательности вышестоящего командира к своему подчиненному. Голос маршала был холоден и непреклонен и в нем, было что-то такое, что заставило Эстермана ощутить себя жертвенным бараном, которого приносят в дар кровавому богу Аресу и отнюдь не по военным соображениям.

Глядя в лицо Маннергейму, командующий перешейком, вдруг поймал себя на том, что главная суть его речи — это начать наступление в назначенный им срок, все остальное — не так важно. Главное нанести удар по войскам Мерецкову, а что это будет стоить его армии и что будет потом, осталось далеко за скобками.

Стоя вытянувшись в струнку насколько это позволяла ему комплекция, Эстерман внезапно понял, что в военные дела вмешалась политика и Маннергейм потворствует этому.

— Но господин маршал! — в отчаянии простонал Эстерман стремясь удержать своего главнокомандующего от неверного шага, но его действия потерпели неудачу. Быстро прочитав во взоре генерала его намерения, Маннергейм мгновенно пресек его попытку на корню.

— Вы задаете слишком много ненужных вопросов, генерал. Я уже сказал вам о своем решении наступать, и менять его не намерен. Сегодня вы получите письменный приказ о переходе в наступление вверенных вам войск. Если вы с ним не согласны и не намерены его выполнять, то можете подать рапорт об отставке. Желаящие на ваше место найдутся, можете мне поверить — заверил Эстермана маршал, и сдержанно кивнув головой, генералу покинул его кабинет.

Причина столь жесткого поведения с Эстерманом заключалась в том, что Маннергейм не собирался посвящать его во все подробности своей стратегии. Через три дня финские войска должны были перейти в наступление на Карельском перешейке и на севере Ладоги. Вне зависимости от результатов, оно давало маршалу хорошие козыри в переговорах с западными союзниками.

Сумеют потеснить Мерецкова и Хабаровова — хорошо, не сумеют — не беда. Русское

наступление выдохлось и значит, можно с чистой совестью объявить, что финская армия успешно остановила продвижение врага. После этого ничто не мешает Маннергейму требовать, а не просить от англичан и французов военную помощь. Ведущей активные боевые действия армии она нужнее в большем объеме, чем сидящей в обороне. Старый маршал умел хорошо считать.

Закончив свои объяснения с командующим перешейком, Маннергейм намеривался покинуть полевую ставку Эстермана, но не смог этого сделать. Он уже был возле двери, когда послышался топот многочисленных ног и раздались испуганные крики — Воздух! Русские самолеты! Они нас выследили!!

Причины подобного поведения заключались в том, что ставка Эстермана находилась в глубине леса, полностью не просматривалась с воздуха и по этой причине не имела зенитного прикрытия. Были только посты воздушного наблюдения, которые в случае приближения самолетов противника подавали сигнал тревоги и звонком на аэродром поднимали звено истребителей.

За все время боевых действий наблюдатели засекли только один пролет советского истребителя, чей курс пролегал далеко в стороне от ставки Эстермана. Тогда все обошлось объявлением воздушной тревоги и даже не пришлось поднимать самолеты прикрытия.

На этот раз в гости к командующему Армией перешейка пожаловал целый тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Вся комичность ситуации заключалась в том, что летел не со стороны передовой, а из глубокого финского тыла. Из-за этого посты наблюдения слишком поздно подняли тревогу и вызванные на защиту ставки истребители, никак не успевали прикрыть её.

Самолет капитана Кондратьева входил в состав эскадрильи отправленной на бомбежку Выборга. По данным разведки там было отмечено скопление прибывших из глубины Финляндии новых войск и командование решило нанести по ним удар авиацией.

Под прикрытием истребителей, бомбардировщики вылетели на Выборг напрямую через залив, но на подлете к цели столкнулись с сопротивлением противника. Поднятые в воздух истребители и поступившие из Швеции зенитки серьезно осложнили работу 'сталинских соколов'.

Не имея достаточного боевого опыта, капитан Кондратьев испугался и развернул свою машину, не долетев до цели. Опасаясь преследования вражескими истребителями, он повел свою машину не над морем, а углубился на территорию противника, решив вернуться на базу через линию фронта.

Имея на своем борту полную бомбовую загрузку, он не мог совершить посадку и потому, был вынужден опустошить свое чрево.

Перед вылетом, комиссар эскадрильи провел с летчиками беседу о необходимости нанесения бомбового удара исключительно по войскам противника.

— Вражеские газеты обвиняют нас в уничтожении сугубо гражданских объектов вместе с мирным населением. Политуправление фронтом прекрасно понимает, что идет война и потери среди жителей городов неизбежны, но вместе с этим, убедительно требует, чтобы бомбы падали туда, куда им следует падать. Не хватало, чтобы газетчики ставили вас в один ряд со стервятниками Геринга, превративших в руины Гернику и Варшаву.

Комиссар говорил весьма образно и потому, Кондратьев решил сбросить бомбы вдали от хуторов и проезжих дорог, прямо на лесную чащобу.

О том, что прямо по курсу самолета находится полевая ставка генерала Эстермана, он

совершенно не знал, однако по иронии судьбы, сброшенные им бомбы, упали очень близко от столь важного объекта.

Мощные взрывы основательно потревожили стены и пол убежища, куда был спешно эвакуирован Маннергейм. Сидя в сухом и теплом подвале, финский маршал со страхом спрашивал себя, выдержат ли перекрытия ставки прямого попадания авиабомбы. Шанс на подобное на войне всегда есть, но судьба хранила Маннергейма.

Неудачный с его точки зрения налет вражеской авиации, позволил финскому главнокомандующему бросить злой упрек в адрес своих противников.

— Эти русские мало в чем изменились за последние двадцать лет. Они всё также скверно воюют! Их разведка узнала о местонахождении ставки Эстермана и время моего визита к нему, и они так бездарно распорядились с полученными козырями. Вместо эскадрильи послали только один самолет. Уму непостижимо!

— Прикажете сообщить об этом налете журналистам? Газетчики сумеют достойно преподнести народу ваше чудесное спасение от рук врага — учтиво предложил адъютант, явственно видя аршинные заголовки финских газет, но Маннергейм ответил категорическим отказом.

— В первую очередь следует выяснить, откуда русским стало известно о моем приезде в ставку к Эстерману и её местонахождение. Передайте начальнику контрразведки, пусть срочно займется этим делом. Наверняка это дело русских шпионов и сочувствующих им коммунистов — распорядился маршал, и адъютант торопливо ему козырнул.

Назначенное Маннергеймом наступление финских войск началось, как и приказал маршал ровно через три дня.

Все что предписывал главнокомандующий генералу Эстерману, было выполнено с точностью до запятой. Понесшие потери соединения защитников Карельского перешейка были пополнены свежими силами. Боеприпасы были завезены в расчете полторы нормы на орудие и точно в назначенное время, финская артиллерия ударила по позициям противника.

Разгоряченные своим успехом в отражении русского штурма горячие финские парни рвались в бой. Под воздействием агитаторов молодое пополнение желало показать русскому агрессору, где живет финский Дед Мороз — Йолупукки, приход которого ожидался в скором времени.

Все солдаты и офицеры были в приподнятом настроении. Перед началом наступления в тех соединениях, где были патефоны, поставили песню 'Нет Молотов' ставшую своеобразным гимном для защитников Карельского перешейка. Многим казалось, что светившее в этот день солнце было солнцем Аустерлица, но думавшие так мечтательные финны, жестоко ошибались.

Сидя в хорошо укрепленных дотах и блиндажах они могли успешно держать оборону, но вот наступление оказалось не их коньком. Все их действия были зеркальным отражением действий бойцов Красной армии.

Артподготовка была начата без предварительной подготовки. В течение пятидесяти минут финны били по площадям, в твердой уверенности, что русские дикари держат все свои силы в районе передовых позиций.

Также не была проведена инженерная разведка. Ошибочно полагая, что огонь их артиллерии полностью разрушит заграждения из колючей проволоки противника, саперы не стали проделывать в них проходы. В том, что проволочные заграждения противника уничтожены лишь частично и в некоторых местах русской обороны имеются минные поля,

финские солдаты узнали только в ходе своего наступления.

Слепо повторяя действия командиров Красной армии, финские генералы и полковники вводили свои соединения по частям. Вместо того чтобы одновременно атаковать место намечаемого прорыва силами полка, финны вводили в бой своих солдат поротно и побатальонно.

Глубокий снег, гранитные камни и собственные бетонные надолбы не позволили Эстерману поддержать действия пехоты тем малым количеством танков, которым располагала его армия. В некоторой мере их роль исполнили минометчики, пытавшиеся огнем валом расчистить дорогу своим солдатам.

Внезапное контрнаступление противника на Карельском перешейке не застало бойцов 7-й армии врасплох. Попав под огонь орудий противника, красноармейцы отошли от переднего края, оставив в траншеях только одних наблюдателей, а когда финны пошли в атаку заняли свои позиции.

По мере приближения противника на его атакующие цепи обрушились мины и снаряды, а затем ударили и пулеметы. В умении обороняться русский солдат мало в чем уступал самим финнам, а быть может и даже превосходил их.

В отличие от финнов, красноармейцы не имели в своем распоряжении дотов и дзотов, но находясь лишь в блиндажах и хорошо оборудованных огневых точках, при помощи пулеметов и винтовок, они смогли отразить наступление противника.

В большинстве случаев, славные сыны Суоми не смогли дойти до русских траншей, и были вынуждены залечь в снег. Как ни кричали на солдат офицеры, как ни размахивали своими пистолетами, пулеметный огонь не позволял финнам приблизиться к линии русской обороны.

Только в двух местах, благодаря тому, что между отражавшими наступления врага полками имелись разрывы обороны, финнам удалось продвинуться вперед и ударить в тыл советских войск. Одна из финских рот вышла к штабу полка, но была остановлена и отброшена назад благодаря танковому взводу, по счастливой случайности, оказавшемуся в этом месте.

В другом случае, прорвавшиеся финны наткнулись на стрелковую роту, идущую в сторону передовой для ротации. Обнаружив присутствие противника, капитан Самохин не растерялся и развернув солдат в цепь повел их в штыковую атаку. Завязалась рукопашная схватка, в которой горячие финские парни не выдержали испытание трехгранным штыком и отступили, так и не успев сказать русским, где живет Йолупукки.

Итоги первого дня 'рождественского' наступления для генерала Эстермана были безрадостными. Ни на одном направлении финнам не удалось, не только продвинуться вперед, но даже выбить противника из его передовых траншей.

Простая логика подсказывала, что необходимо выявить причины неудач и осмыслив их, принять необходимые меры, однако это сделано не было. Слепо копируя действия противника, на следующий день финны предприняли новое наступление, но по прежним шаблонам. Вновь часовая артподготовка по площадям, после чего последовала атака на позиции противника с криками 'За Маннергейма! За Суоми!'

Озлобленные вчерашней неудачей и разогретые пламенными речами агитаторов, финские солдаты шли в атаку с твердой уверенностью, что сегодня им удастся прорвать оборону противника. Что они смогут обратить его в бегство и отеснить от главной линии финской обороны.

Настрой у них был исключительно боевой, но вот исполнение отвратительное. Многие огневые точки советской обороны не были подавлены, а засевшие в окопах бойцы не были уничтожены огнем финской артиллерии. Кроме этого, за ночь советское командование начало срочно подтягивать к местам сражений дополнительные соединения.

Откажись финны от своей прежней тактики, введи они в бой вместо батальона полк, то возможно они смогли бы прорвать советскую оборону и потеснить обескровленные ряды 7-й армии, но этого не случилось. Они по-прежнему вводили в бой свои войска побатальонно и это позволило державшим оборону красноармейцам продержаться до подхода подкрепления.

Общие потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести в результате двух дней наступления финской армии составляли более двух тысяч человек.

Когда вечером второго дня Эстерман доложил Маннергейму о понесенных его войсками потерях, то услышал горький упрек в свой адрес.

— Боюсь, что если ваше наступление продлится ещё один день, то я рискую оказаться в роли царя Пирра — холодно резюмировал Маннергейм доклад подчиненного и приказал прекратить наступление.

— Вам, генерал, следует брать пример с полковника Талвела! Его наступление идет гораздо успешнее вашего.

Финское наступление севернее Ладоги действительно развивалось гораздо успешнее, но для этого были свои причины. К моменту начала наступления, полковник Талвела сумел создать мощный кулак из двух полков, тогда как противостоящие ему советские войска были серьезно измотаны непрерывным наступлением.

Подкрепление только-только стало поступать в полки и дивизии, но комкор Панин отдал приказ о возобновлении наступления. В день, когда полки полковника Талвела пошли в наступление, комкор прибыл в расположение дивизии комдива Беляева, чтобы лично наблюдать за исполнением своего приказа.

Финны на несколько часов опередили своего противника, начав интенсивный артиллерийский обстрел русских позиций, а затем перешли в наступление.

Против державшей обороны роты Ильи Рогова наступало не менее батальона солдат противника. Из-за отсутствия точных данных артиллерия финнов била в основном по переднему краю советских окопов, в недалеком прошлом бывших финскими.

Будь в распоряжении полковника Талвела полноценный артиллерийский дивизион, он бы смог нанести существенный урон советской обороне. Державшие её войска не успели пополнить свои поредевшие ряды свежими силами, но основной ударной силой финской артиллерии в этот раз были минометы.

Их огневые расчеты добросовестно обработали позиции врага, после чего в атаку пошла пехота. Свой главный удар командир финского батальона майор Аскеллела нанес во фланг роты Рогова, благо этому благоприятствовали некоторые особенности местности.

Между батальоном майора Луники и батальоном капитана Зорькина находилось заболоченное озеро косым клином втиснувшееся в советские оборонительные порядки. Отрыть на нем окопы и даже установить наблюдательный пункт не представлялось возможным, из-за чего батальоны не имели локтевого контакта.

Во время предыдущих боев, комбаты получили донесения, что на данном участке местность непроходимая и на этом успокоились. Однако хорошо знавший здешние особенности полковник Талвела, благодаря разведке установил, что озеро замерзло и

сковавший его лед, выдержит вес взрослого человека.

Именно через считавшийся непроходимым участок обороны и ударила финская пехота, сковав державшие оборону роты, обманным наступлением своих автоматчиков. Вооруженные скорострельными пистолет-пулеметами, финны обрушили на солдат капитана Рогова шквал очередей, чем на долгое время приковали внимание комроты к себе.

Пока Илья разбирался, что почем и наводил порядок, финны быстро продвигались вперед между скованными морозом кочками и кустами. Отчаянный крик наблюдателя о том, что противник обходит с левого фланга застал Рогова врасплох.

— Как обходят!? Там ведь болото!?! — с удивлением воскликнул капитан, но очень быстро убедился, что наблюдатель был прав. Густые ряды пехоты противника уверенно шли по непроходимому болоту подобно Иисусу Христу, держа наперевес винтовки со штыками.

Маневр противника был смелым и неожиданным, но вместе с тем сопряжен с риском. Разрыв между батальонами составлял около семисот метров и мог простреливаться из пулеметов. Идя на столь рискованный шаг, майор Аскелилла надеялся, что огонь минометов если не полностью уничтожит огневые точки противника на примыкавшем к озеру участке его обороны, то серьезно сократит их число.

По мере продвижения финской пехоты, стало ясно, что надежды господина майора сбылись наполовину. Со стороны батальона капитана Зорькина по противнику строчили два пулемета, тогда как из сектора обороны взвода Выгузова вел огонь только один и делал он это очень неудачно.

Если пулеметчикам с того берега удалось остановить продвижение вражеской пехоты, заставив упасть на озерный лед, то пулеметчик Выгузова бил по бегущим финнам короткими очередями, большинство из которых приходилось поверх их голов.

Благодаря этому, атакующие цепи финнов уверенно продвигались вперед и вскоре могли выйти в тыл роте Рогова.

— Ильяс! Ильяс! — в отчаянии закричал капитан, пытаясь докричаться до своего земляка, но тот уже сам бежал в сторону флангового пулемета. Чуть пригнувшись вперед, юркий сержант буквально долетел до пулеметного гнезда, удачно не споткнувшись во время этого смертельного забега.

— Ушел!! — властно крикнул Шамалов лежавшему возле пулемета солдату и тот радостно повиновался ему. Ильясу было достаточно одного взгляда, чтобы понять что произошло. В результате вражеского обстрела осколок мины убил первого номера и его место занял неопытный боец из прибывшего в батальон пополнения. Неверно установив прицел, он вел огонь по финнам, не нанося им урона.

Перекинув планку прицела и ухватив рукоятки 'станкача', Ильяс ударил по врагу длиной тугой очередью.

Открой он это парой минут позже, и все было бы кончено. Финны прорвались бы в тыл батальона и смяли его.

Хищно прильнув к пулеметной прорези Шамалов строчил и строчил, но в самый ответственный момент, когда вражеские цепи стали падать на лед у него кончилась лента. Обрадованные финны разом подняли головы и стали подниматься, чтобы совершить свой последний бросок и привести к молчанию пулеметное гнездо русских.

Счет пошел на секунды и здесь Ильяс не оплошал. Одну за другой он сорвал с пояса гранаты и бросил их в противника. От их взрывов брошенных в их сторону гранат, атакующие цепи финнов мало в чем пострадали, но движимые инстинктом самосохранения,

были вынуждены вновь упасть на лед, подарив смелому сержанту несколько драгоценных секунд.

Их вполне хватило Ильясу, чтобы вставить новую ленту и ударить по поднявшему голову противнику. Долго, невыносимо долго длились те минуты боя, пока откуда-то сбоку по упрямо лезущим финнам не ударил пулемет подоспевшего на помощь Ильясу капитана Рогова.

Добежав с тяжелым ручником, он упал в стороне от сержанта, надежно прикрывая его фланг от угрозы вражеской атаки.

Наткнувшись на столь ожесточенное сопротивление, финны были вынуждены отойти, но не все полки комдива Беляева сумели отбить наступление врага. Соседний полк с полком Попцова полк полковника Туровцева не выдержал внезапного удара финнов и стал отходить.

Обрадованный отходом врага и проводя его активное преследование, полковник Талвела не мог дать майору Аскелилла ни одного солдата для нового наступления. Все его резервы были брошены на преследование Туровцева, чтобы превратить его отступление в бегство.

Единственное, что мог предпринять майор — это провести ночную атаку, в надежде захватить уставшего противника врасплох. Шаг был из разряда отчаянных, но имел шанс на успех. Отразив нападение врага, солдаты батальона майора Луники спали крепким сном, но в эту ночь, судьба смотрела не в сторону сыновей красавицы Суоми.

Многие из солдат Аскелилла не имели навыки ночных атак, долго плутали и вышли к позициям русских позднее установленного майором срока. Только взвода составленные из местных жителей смогли вовремя выйти на рубеж атаки, но их появление обнаружили собаки. Оставленные своими хозяевами из приграничных деревень, они прибились к походным кухням и вместе с ними прибыли на передовую.

Ветер в эту ночь дул с запада, и хвостатые сторожа учуяли крадущихся во мраке ночи солдат. Их лай привлек внимание задремавших часовых, успевших поднять тревогу, прежде чем финнам удалось ворваться в русские окопы. На ограниченной территории завязалась отчаянная борьба. Вход были пущены не только штыки и приклады винтовок, но и ножи, гранаты, каски и кулаки.

Ударь финны разом и победа досталась бы финнам, но их боевые подразделения вступали в бой по частям, что и предопределило исход боя. Нападавшие были частью перебиты, а частью отброшены прочь.

Напрасно утром следующего дня майор молил Талвела прислать ему подкрепление, обещая обратить в бегство не только батальон Луники, но и весь полк Попцова. Прочно ухватив рукой синицу, полковник не хотел менять её на журавля в небе. Преследуя Туровцева, он добился того, что к концу второго дня боев, советские солдаты не отступали, а бежали. Дисциплина среди них сильно упала. Появились случаи когда солдаты при появлении малочисленных групп противника оставляли свои позиции, не оказывая финнам никакого сопротивления и самовольно отходили. Создалась реальная угроза того, что вся дивизия Беляева будет вынуждена отступить, отдав врагу многое из того, чтобы добыла с таким трудом.

Только срочное вступление в сражение танкового батальона и двух артиллерийских дивизионов позволило остановить продвижение солдат полковника Талвела. Понеся существенные потери в ожесточенном бою с русскими, финские войска остановились, и война приняла позиционный характер.

Обрадованный успешными действиями полковника, Маннергейм произвел его в генералы и отправил к нему свору газетчиков, которые были должны рассказать финнам об их 'Муции Сцеволе'. Вслед за ними для работы с пленными в Карелию поехал Борис Бажанов вместе с представителями РОВС.

Москва также отреагировала на события в Карелии. Действия 8-й армии были признаны неудачными и для исправления ошибок, в неё был отправлен командарм Штерн.

Желая оправдать оказанное ему доверие партией и правительством, герой Хасана, обрушил жестокие репрессии на голову командного состава.

Вместе с командующим армией, своих постов лишились комкоры, комдивы и некоторые командиры полков. Полковник Туровцев был объявлен главным виновником случившейся трагедии, был отдан под трибунал и после короткого заседания трибунала ему вынесли приговор.

Вслед за ним репрессиям были подвергнуты и представители рядового состава. Скорость, с которой рассматривались дела об отступлении, в результате которого были утрачено как тяжелое, так и легкое вооружение, приводила к тому, что возникали перекосы. Судей по большому делу интересовало не поиски истины, а тот факт, сумеет ли оправдаться человек от предъявленного ему обвинения.

Карающий меч пролетарского правосудия был беспощаден, но он не коснулся батальона майора Луники. Об его удачных действиях было написано в армейской газете, а сам майор был представлен к правительственной награде.

Глава. XI. Новогодние подарки

Холодно и зябко было старшему лейтенанту Любавину, что вот уже сорок минут пытался поймать на попутку, идущую в сторону фронта. В конце декабря мороз уже стал набирать свою природную силу, чтобы к началу января 'ударить из всех стволов'.

Причина, по которой Василий Алексеевич оказался на обочине тыловой дороге, заключалась в его нежелании лежать на больничной койке, когда он 'почти здоров'. В ушах уже не звенело, голова почти не кружилась и Любавин начал активно наседавать на докторов, лечивших его.

Несколько дней он доказывал врачам, что не может советский командир сидеть, сложив руки, и мирно есть кашку, когда его полк воюет с врагом. Делал он это весьма настойчиво, умело проводя политику 'кнута и пряника'. Убеждал докторов, что у него ничего не болит и он полностью здоров, и одновременно намекая, что в случае отказа самовольно покинет госпиталь. Выбранная Любавиным тактика привела к тому, что через два дня он добился своего.

Мужественно выслушав наставление старенького доктора относительно безрассудного отношения к своему здоровью, он покинул фронтальной госпиталь, намериваясь как можно быстрее попасть в Каменск, где находился пункт формирования. В новеньком командирском полушубке он надеялся, что легко сможет осуществить свой замысел, но не тут-то было. Идущие в сторону фронта машины либо проходили мимо, либо ехали в другом направлении.

Холод уже начал пробирать Любавина, но увидев на дороге командирскую эмку, он не стал поднимать руку. Этот вид транспорта был совсем не для его лейтенантских кубарей, однако к удивлению автомобиль не только остановился, но сидевший за рулем шофер, требовательно посигналил Любавину призывая того подойти к машине.

Не столько обрадованный, сколько озабоченный подобным поворотом дела, помня бессмертные строки Грибоедова, про печаль и начальственную любовь, Любавин осторожно направил свои стопы к автомобилю, но опасения оказались напрасными.

К его удивлению, в эмке находился комдив Рокоссовский, с которым судьба, так неожиданно свела его во время польского похода.

— А я смотрю, знакомая каланча стоит, голосует за развитие советского автотранспорта вот и приказал остановиться. Куда путь держим? — улыбнулся удивленному командиру комдив и крепко пожал тому руку.

— В Каменск, из госпиталя, для получения назначения, товарищ комдив — Любавин полез за документами, но Рокоссовский только махнул рукой. — Садитесь. Я как раз в Каменск еду и тоже за назначением.

Отказываться от столь королевского подарка было верхом глупости, и осторожно запихнув свои длинные конечности в машину, Любавин сел позади комдива, рядом с адъютантом.

— Из госпиталя, после контузии? — спросил Рокоссовский у попутчика, в голосе

которого был слышан интерес, а не простое любопытство.

— Так точно, товарищ комдив. Две недели назад на плацдарме за рекой Быстрой контузило, но не сильно.

— Вижу, что не сильно — усмехнулся комдив и сразу забросал Любавина вопросами.

— Значит, ты уже финнов в деле видел. Скажи, почему не удалось прорвать их оборонительную линию? Слишком крепка, оказалась оборона противника? Сил не хватило или наши войска оказались слабее их?

— Нет, не слабее! — энергично запротестовал Любавин. — Если бы все наши силы были собраны в единый кулак и вводились в бой не по частям, а единым целым мы бы их первую линию обороны прорвали с ходу.

— Значит, только одно это помешало?

— Не только это, товарищ комдив — честно признался Любавин. — Не было у нас опыта по прорыву эшелонированной обороны противника.

— Это понятно, но что было сделано не так с твоей точки зрения как командира взвода? — допытывался Рокоссовский.

— Командира роты — с гордостью поправил его собеседник, а затем, насупившись, стал излагать свои тезисы.

— Разведка была поставлена из рук вон плохо. Когда шли в наступление ничего не знали. Есть у финнов минные поля или нет? Есть доты и если есть, то где находятся и какой у них сектор огня? Все это выяснялось только по ходу боя, и мы несли неоправданные потери.

Любавин замолчал, воочию увидев свой последний бой, но комдив не позволил ему заниматься душевными воспоминаниями.

— С разведкой ясно. Поэтому артиллеристы огневые точки не подавили — наполовину утверждая, наполовину спрашивая, сказал комдив, но Любавин с ним не огласился.

— Да они вообще мало били, эти артиллеристы. Против таких дотов нужно целый день стрелять, а не полтора час! От их огня только колючую проволоку местами побило, а доты целехонькие остались.

— А танки? Ведь они могли своими пушками подавить пулеметные гнезда противника.

— Могли. Да только слишком далеко оторвались они от пехоты, и пока они по дотам стреляли, многих из них финны бутылками закидали с горючей смесью. Да и не могли их орудия стены дотов пробить. Тут другой калибр был нужен, корпусной — убежденно сказал Любавин, и комдив не стал с ним спорить.

В разговоре наступила пауза, но ненадолго.

— А что сами финны? Сильнее они нас или нет?

— Любой, кто сидит в бетонном доте и строчит из пулемета сильнее, атакующего — с негодованием бросил Василий. — Нет, их солдаты не сильнее наших. Когда мы их из окопов выбивали, бежали только так. Упрямые — да, не трусы — точно, но не сильнее нас. Если ударить по ним артиллерией как надо, бросить танки с пехотой — побегут как миленькие.

— Ну, а что ещё интересного, что-нибудь необычное у них наверняка было. Не заметил? — с хитринкой поинтересовался комдив.

— Необычное? — Любавин на секунду задумался. — Уж очень много у них ручных пулеметов было. У нас на взвод один два 'дегтяря' приходится, а у них не меньше десятка имелось. Строчили так, что голову поднять было невозможно.

— Это, скорее всего скорострельные винтовки по типу наших 'симоновок' — высказал

предположение Рокоссовский, вспоминая все известные ему виды стрелкового оружия, но собеседник имел иное мнение.

— У винтовки магазин маленький, товарищ комдив. Одна две очереди и все, а эти хоть и били короткими очередями, но очень часто.

— Может огонь вели из разных мест, а тебе показалось, что стрелял один человек? В суматохе боя такое бывает.

— Нет, — твердо произнес Любавин после короткого раздумья. — Когда в атаку шли, я хорошо видел, где очередями на нас били, а где одиночными. Да и в госпитале, многие из раненых про эти 'пулеметы' говорили.

— Ладно. Разобьем финнов, тогда у них и спросим, чем это они против нас воюют — усмехнулся Рокоссовский.

— Поскорей бы — воскликнул старшего лейтенанта, но его слова не нашли отклика со стороны собеседника.

— Торопливость не лучший спутник командира в бою. Быстрота и натиск — это да, но торопливость приводит к неоправданным потерям людей. Людей, за которых мы в ответе перед страной, товарищем Сталиным и их родными и близкими. Об этом надо постоянно помнить — наставительно произнес Рокоссовский.

— Есть помнить, товарищ комдив — ответил Любавин, и разговор прервался, до самого КПП на въезде в Каменск.

Добравшись до цели своего назначения, Василий стал прощаться со своим высоким попутчиком, но тот не отпустил его. Вместе с ним Рокоссовский зашел в кабинет комбрига Горского, ведавшего кадрами 7-й армии, знакомого ему по прежней службе в Белоруссии.

— Ты Кондрат Филимонович в своем донесении жаловался на нехватку в полках командного состава, так вот я тебе в помощь привез старшего лейтенанта Любавина. Толковый командир, хоть и недавно из училища. Принимал участие в польском походе. Также успел повоевать с финнами на реке Быстрая, под командованием Грендаля, где получил контузию — отрекомендовал Василия комдив и на усталом лице Горского, появилась радостная улыбка.

— Значит прямо из госпиталя за назначением? — спросил он, быстро пробегая глазами документы Любавина.

— Так точно, товарищ комбриг. Готов приступить к службе.

— Это хорошо, это очень хорошо — Горский нагнулся над листами бумаги, быстро соображая как лучше ему распорядиться подарком Рокоссовского. Потери среди командного состава после недавнего наступления достигали шестидесяти процентов и каждый командир с боевым опытом, был на вес золота.

— Поедите в полк майора Телегина и примите под командование второй батальон — комбриг, сделал отметку карандашом и довольный тем, что смог закрыть прореху в штатном расписании полка поднял глаза на Любавина. Он ожидал увидеть на лице у того радость от своего решения, но ничего этого у Василия не было и в помине.

— Что, товарищ Любавин испугались такому назначению?

— Никак нет, товарищ комбриг, не испугался, но честно говоря, удивлен. Я ведь ротой только два месяца прокомандовал, а тут сразу целый батальон дают. Неожиданно так — честно признался Горскому Василий.

— То, что не боитесь — это хорошо. Советскому комсомольцу не к лицу бояться различных трудностей в жизни, а что касается опыта, так это дело наживное. Не боги

горшки обжигают, а люди. Отправляйтесь в полк к Телегину, принимайте командование батальоном и помните: не знаете — подскажем, не будет получаться — поможем. Мы окажем вам любую помощь в этом деле, но и спросим с вас по полной мере. Вам все ясно?

— Так точно, товарищи комбриг — бодро отрапортовал Любавин, стараясь не столько понравиться Горскому, сколько не подвести давшего ему столь лестную характеристику Рокоссовского.

— Вот и хорошо, — комбриг размашисто наложил карандашом резолюцию и протянул бумаги Любавину. — Отправляйтесь в кадры, вторая дверь по коридору направо. Всего доброго.

— Успехов вам, товарищ старший лейтенант. Надеюсь, что ещё свидимся — Рокоссовский пожал руку Любавину.

— Спасибо, товарищ комдив. Постараюсь оправдать оказанное мне доверие — козырнул Василий и, повернувшись через левое плечо, покинул кабинет.

— И куда ты его отправил? — спросил Рокоссовский, когда дверь за Любавиным закрылась.

— Под Лядхе. Там такая каша была, с большим скрипом от финнов отбились — честно ответил Горский.

— Судя по тому, что вместо роты ты дал лейтенанту батальон, потери среди комсостава весьма серьезные. Я прав?

— Более чем, Константин Константинович, — со вздохом ответил комбриг. — Ты думаешь, я от хорошей жизни поставил на полковничью должность майора, а на майорскую старшего лейтенанта. У нас во время штурма были серьезные потери среди комсостава, а после финского наступления так караул. Представляешь, ни одного комбата в строю не осталось. Ни одного, а Мерецков говорит о новом наступлении!

На лице комбрига заходили желваки, но он быстро справился с эмоциями и перевел разговор на другую, не менее важную и животрепещущую для командиров тему.

— Ты сам, какими ветрами здесь оказался?

В заданном вопросе было много недосказанности, которая была хорошо понятна для любого военного пережившего нелегкие года 'ежовской чистки'.

— У меня все в порядке. Полностью реабилитирован и по приказу командарма Тимошенко направлен сюда в качестве представителя штаба фронта в 7-й армии.

— Представителя штаба фронта? — удивился Горский.

— Да. По предложению Шапошникова Карельское направление переименовано в Северо-Западный фронт и его командующим назначен Семен Константинович.

— А Мерецкова куда? Начштабом фронта или так и останется на армии? — с интересом спросил комбриг.

— На армии. Начштабом фронта назначен командарм Смородинов, а что это так важно?

— Даже очень. Если останется на армии, то, скорее всего наступления в ближайшее время не будет — Горский вопросительно посмотрел на собеседника и тот с ним согласился.

— Скорее всего, ты прав. Пока Тимошенко вникнет в дело, пока примет решение пройдет время.

— Значит, недели две три спокойного времени есть, и мы успеем пополнить личный состав армии — обрадовался комбриг.

— Успеете, — заверил его Рокоссовский, — там сильно за ваше направление взялись. Приказано помочь чем угодно, но чтобы к началу весны конфликт был завершён.

— Думаешь, успеем?

— А это как воевать будем — многозначительно ответил комдив и от его слов у Горского пробежали мурашки. Так сильно впечатались в сознание военных обрушившиеся на их головы репрессии.

Говоря с комбригом, Рокоссовский дал расплывчатую дату предполагаемого окончания конфликта с Финляндией. На совещании в Кремле, Сталин назвал военным более точную дату прекращения боевых действий.

— Вам дается три месяца, на исправление допущенных ошибок и разгрома противника. Только три месяца и не неделей больше. Вам все ясно, товарищ Ворошилов?

В словах вождя сквозило столько горечи и сарказма, что нарком обороны залился пунцовой краской стыда.

— Так точно, товарищ Сталин. Все ясно — вымучено произнес Климентий Ефремович, чем вызвал ещё больший гнев у собеседника.

— Вот только не надо делать из товарища Сталина злодея, а из себя униженную и оскорбленную жертву. Кто уверял, что Красная армия сможет быстро прорвать финские укрепления и выйти к Хельсинки? Мы вам поверили, и оказалось напрасно — Сталин сделал обвиняющий жест по направлению к сидящим против него военным.

- 'Линия Маннергейма' не прорвана, в Карелии с большим трудом отбили наступление противника. 9-я армии на Кандалакшском и Ухтинском направлении топчется на месте, делая шаг вперед и два назад. Только под Мурманском у наших войск наметился успех, но я боюсь его сглазить. Вдруг и там противник окажет нам непредвиденное сопротивление, — вождь гневно загибал на руке пальцы и когда из них образовался кулак, с негодованием потряс им в сторону Ворошилова.

— Что помешало вам разбить противника? Зима? Местные условия или плохая работа разведки? — язвительно спросил наркома Сталин и, не дожидаясь ответа, продолжил разнос Первого маршала страны Советов.

— Я думаю, что у вас произошло головокружение от польского похода, когда, не вынув пашку из ножен, мы воспользовались плодами чужого труда. Вы, что думали, что англичане и французы просто так на финнов ставку сделали? Что маршал Маннергейм хуже маршала Рыдз-Смиглы, а простые финские крестьяне хуже польских солдат?

К чему вы готовились? К легкой прогулке и поэтому не выделили красноармейцам в полной мере зимнее обмундирование. Ошибочно полагали, что укрепления противника состоят не из бетона и попытались разрушить их огнем полковых орудий, чей калибр не способен их разрушить. Не знали, климатические особенности предстоящего театра боевых действий и вместо привычной каши и сухарей, отправили в войска консервы, колбасы и буханки хлеба, которые промерзли на морозе и стали непригодными для питания?

Вождь с возмущением потряс взятой со стола кипой донесений и требовательно посмотрел на Ворошилова. Он ожидал получить объяснения на свои замечания непосредственно от наркома, но вместо него в разговор вступил командарм Шапошников.

— На любой войне есть свои непредвиденные трудности, товарищ Сталин. Ни один военный план не бывает без накладок, такова жизнь — глуховатым голосом произнес начальник Генерального штаба.

Сидевший рядом со Сталиным Жданов подумал, что вождь разнесет командарма в пух и прах, но этого не случилось.

— Полностью с вами согласен, Борис Михайлович. Накладки случаются в любом деле и

от этого никто не застрахован, но вот обстоятельства диктуют нам свои условия, которые не позволяют нам удовлетвориться вашими объяснениями.

Сталин открыл лежавшую на столе папку и достал из неё три сколотых скрепкой листа.

— Вот почитайте донесение наркома Берии, чьи разведчики работают не в пример лучше своих армейских коллег. Наши агенты в Лондоне сообщают, что британский генеральный штаб намерен в начале марта отправить в Финляндию британские войска, численностью не меньше дивизии. И отправятся они туда не одни, а вместе с французами. Вы представляете себе, что будет, если к марту месяцу мы не принудим финнов к капитуляции?

— Генеральный штаб это прекрасно понимает, Иосиф Виссарионович, но вряд ли к названому вами сроку англичане смогут направить в Финляндию даже дивизию. Согласно нашим расчетам, максимум, что они могут направить в Нарвик — это две бригады. Даже если добавить к этому аналогичные силы со стороны Франции, пусть даже дивизию, согласитесь, что это не те силы, с которыми обычно начинают большую войну — резонно возразил командарм, но его слова не убедили Сталина.

— Мы не собираемся выяснять, чьи аргументы точнее ваши или наркома Берии и сколько войск могут отправить к финнам наши потенциальные противники. Названо время, когда они начнут против нас боевые действия и наша задача не дать им возможность сделать из малого конфликта большую войну. Скажите, сможет ли Красная армия к началу марта наступающего года принудить Финляндию к капитуляции? Лично у меня после почти месяца боевых действий, как на Карельском перешейке, так и в Карелии, возникли серьезные сомнения по этому поводу. Развейте их, если сможете, Борис Михайлович — предложил Сталин и Шапошников смело принял вызов вождя.

— В первую очередь нам следует понять причины неудач и сделать из этого правильные выводы. В целом, Генеральный штаб на основании полученных с фронта сведений уже провел необходимую работу по выяснению причин и подготовил ряд рекомендаций для исправления положения дел на Карельском перешейке.

— Честно говоря, товарищ Шапошников, после месячного топтания, как-то не очень верится, что наши войска смогут совершить блицкриг и принудить финнов заключить выгодный для нас мир — высказал свое сомнение Жданов.

— Блицкриг? Это, что такое?

— Так западные газетчики окрестили стремительное наступление войск, приносящее быструю и сокрушительную победу над врагом.

— Чего только они не придумают, там у себя — хмыкнул в ответ Сталин. — Так смогут войска Ленинградского округа закончить конфликт с Финляндией к началу марта?

Вождь испытующе посмотрел на командарма и тот выдержал его взгляд.

— Думаю, что смогут, товарищ Сталин — без долгой задержки ответил Шапошников, отчего лицо у вождя несколько просветлело, а сидевший на стуле Ворошилов яростно заерзал. Наркому казалось, что командарм вступил на скользкий путь авантюры, но Шапошников и бровью не повел.

— Месяц уйдет на подготовку штурма укреплений противника, и месяц уйдет на их прорыв, взятие Выборга и выхода к Хельсинки — командарм говорил твердо и уверенно, как будто проводил штабное совещание, а не находился в кабинете верховного лидера страны.

— Что необходимо сделать, чтобы наши намерения не остались только на бумаге, Борис Михайлович? — полностью обратился в слух Сталин.

— Во-первых, Генеральный штаб предлагает преобразовать Карельское направление в Северо-Западный фронт со всеми вытекающими из этого последствиями и поставить во главе его опытного командира способного полностью выполнить наши рекомендации. Конкретно, Генеральный Штаб предлагает кандидатуру командарма Тимошенко. Во-вторых, провести тщательную инженерную разведку укреплений противника и выявить его слабые места. Работу эту следует поручить группе специалистов во главе с дивизионным инженером Карбышевым. В-третьих, на предполагаемых местах прорывов создать ударный кулак из корпусной артиллерии и осадных орудий крупного калибра, а также создать специальные штурмовые отряды с обязательным участием в них саперов. В-четвертых, усилить командный состав 7-й армии опытными и инициативными командирами, закрепив за ними определенные участки работ по прорыву вражеской обороны.

Все свои предложения Шапошников говорил без всякой бумажки, немного волнуясь и было видно, что это не сиюминутное озарение подстегнутое угрозой наказания, а тщательно продуманное и всесторонне взвешенное решение.

— Ваше предложение о создании Северо-Западного фронта, предлагаю несколько расширить и дополнить. Думаю, будет правильно, если в помощь командарму Тимошенко мы направим товарища Жданова в качестве члена военного совета. А в помощь товарищу Мерецкову дадим корпусного комиссара Запорожца. Полагаю, что у вас нет возражений против этих кандидатур? — вождь обращался к Шапошникову, но вместо него ответил нарком, у которого, наконец, прорезался голос.

— Нет, товарищ Сталин.

— Тогда, оформите все ваши предложения и наши пожелания директивой и к вечеру, жду вас с представлением мне её на подпись, а также командарма Тимошенко для инструктажа. Надеюсь, что наше решение будет для него приятной неожиданностью и не испортит ему новогоднее настроение — подвел итог беседы Сталин, но не один советский лидер раздавал подарки в преддверии наступления нового года.

Свой подарок накануне Нового года преподнесли финнам англичане, в довольно своеобразной манере.

Опасаясь на первых порах конфликта, что финская армия не сможет должным образом противостоять Советам, генерал Айронсайд усиленно работал над созданием союзного корпуса для захвата Мурманска. К этому его подхлестывали события на полуострове Рыбачий и обстановка в районе Петсамо, которая складывалась далеко не в пользу финских соединений.

Также к этому британца подталкивала застарелая обида за свой архангельский конфуз. Два раза в неделю он внимательно заслушивал доклады офицеров имперского штаба, отдавал необходимые распоряжения. Десантный корпус не так быстро как того хотелось Айронсайду, стал обретать реальные черты, как все вдруг изменилось и виноваты в этом были западные наблюдатели при штабе Маннергейма.

Они расписали 'рождественское' наступление финских войск на перешейке и в Карелии, а также боевые действия против 9-й армии в таких радужных красках, что у генерала моментально закралось сомнение в правильности своих авральных действиях.

— Согласно отчету наших наблюдателей, Красная армия не так сильна, как нам прежде казалось, а финны не так слабы, как мы полагали вначале. Им удалось полностью сорвать наступление большевиков под Ленинградом и в Карелии, и разгромить основную часть русских войск на севере страны. Единственная проблема у финских войск возникла в

приполярной области Финляндии, но это в целом не портит общей картины большого успеха маршала Маннергейма — доложил Айронсайд премьеру Чемберлену в преддверии наступления нового года.

— Приятное известие, Эдмунд. Финская армия оказалась вполне самостоятельна, и я полагаю, нам можно несколько сбавить обороты по созданию десантного корпуса. Я имею в виду польские части. Генерал Сикорский слишком много требует за участие польских частей в войне с русскими.

— Совершенно верно, сэр. Думаю, маршал Маннергейм без особого труда сможет продержаться против русских не только все три месяца и даже немного больше. Главное — регулярная поставка финнам затребованного ими вооружения и боеприпасов, и все будет нормально.

— Значит, решено. Полностью возвращаемся к первоначальным срокам плана создания союзного десантного корпуса на Мурманск. Что особенно просит прислать Маннергейм кроме зенитных орудий и боеприпасов к ним. Танки, самолеты?

— Орудия крупных калибров, которые мы обещали финнам для обстрела Ленинграда. О них маршал напоминает мне, чуть ли не в каждом своем послании.

— Странно, зачем ему сейчас эти орудия, когда его армия стоит на перешейке, а не вблизи пригорода бывшей русской столицы? — удивился Чемберлен.

— Маршал надеяться с их помощью, нанести ущерб тылам соединениям противника, осаждавшим их укрепления на перешейке.

— Понятно. Прикажите отправить обещанные финнам орудия как можно скорее. Пусть это будет им мой новогодний подарок.

— Будет исполнено, господин премьер. Сейчас орудия находятся в Портсмуте и будут отправлены в Нарвик первым транспортом. К Крещению они могут не успеть попасть в Финляндию, но к Сретению будут точно — заверил премьер министр собеседник.

— Я рад тому, что наши дела в Финляндии идут лучше чем мы того ожидали. Думаю, что это будет приятной вестью для господина Даладье, который испытывает постоянную тревогу от действий немецких войск на французской границе.

— Вряд ли стоит относиться к этим словам с должным вниманием. Французские пограничные укрепления самые мощные и крепкие в мире. Ни одна армия не сможет преодолеть 'линию Мажино' быстро и без серьезных потерь. И все стенания нашего французского союзника о немецкой угрозе, я расцениваю как хитрый ход, призванный в той или иной мере облегчить его финансовое бремя по расходам на предстоящую войну — безапелляционно заявил Айронсайд и его слова нашли живой отклик со стороны Чемберлена.

— У меня аналогичное мнение, но чувство приличия и дипломатический этикет не позволяют мне сказать это в лицо господину Даладье. Это вы, военные можете открыто назвать белое белым, а черное черным, в дипломатии все, увы, не так, — с некоторым сожалением в голосе произнес премьер. — Но не будем о грустном. Значит, Благовещение остается временным ориентиром начала проведения высадки нашего десанта под Мурманском и аврал отменяется.

— Совершенно верно сэр. Мне кажется, что для того, чтобы сделать французов более сговорчивыми в плане отправки войск в Финляндию, следует намекнуть о возможности замены их дивизии польскими соединениям. Это вызовет у них привычное подозрение в нечистой игре с нашей стороны, со всеми вытекающими из этого действиями.

— Мысль неплоха, главное не переусердствовать. Иначе самомнение поляков возрастет до небес, а Даладье серьезно обидится и в качестве ответной мере не станет поддерживать нас в действиях на юге.

— Это будет довольно трудно сделать, сэра, — возразил Айронсайд. — В отличие от Финляндии, на юге от французов требуется отправка самолетов, а не солдат. Тут слишком мало возможностей для маневра, да и у верховного комиссара в Сирии очень чешутся руки посчитаться со Сталиным.

— Мне нравится ваш боевой настрой Эдмунд. Будем надеяться, что новый год, который мы скоро впустим в свой дом, принесет нам больше удачи, чем тот, что уйдет от нас через заднее крыльцо — высказал традиционное пожелание Чемберлен.

Каждая из сторон строила большие планы и имела серьезные надежды на наступающий високосный 1940 год, которому предстояло стать годом большой войны или относительно спокойной мирной передышки.

Глава XII. На Северо-Западном фронте без перемен

В том, что командование взялось за подготовку к прорыву финских укреплений всерьез и основательно, Любавин почувствовал вскоре после своего прибытия на новое место службы. Едва приняв командование батальоном, он тут же получил приказ от комполка наладить разведку на своем участке, инженерно-оборонительных сооружений противника.

Учитывая то состояние, в котором достался ему батальон, задача была довольно трудной. Людей катастрофически не хватало, о проведении полномасштабных разведывательных действий не могло быть и речи, но Любавин нашел выход из трудного положения. Не имея возможности посылать разведчиков в тыл противника, старший лейтенант делал упор на наблюдение за передовой противника.

При этом он не ограничился одним отданием приказа, а подошел к этому делу всесторонне и творчески. Побывав в каждой из рот, Любавин сам произвел отбор личного состава и назначение в наблюдатели, стараясь выявить тех людей, у которых в голове был холодный ум, а в груди пламенное сердце.

Наставляя выбранных солдат, комбат старался всячески донести до них, что от их работы очень многое зависит.

— Каждый выявленный вами дот, блиндаж с огневой точкой или пулеметное гнездо означает сохранение жизни ваших товарищей, которые пойдут на штурм вражеских укреплений. И наоборот, просмотренный вами узел вражеской обороны может если не сорвать наступление, то заставит заплатить большую цену за свое уничтожение — наставлял Любавин наблюдателей.

Полностью доверяя своим избранникам, он вместе с тем ввел правило, по которому по прошествию недели, наблюдатели менялись местами. Сделано это было по простой, но очень веской причине. От длительного наблюдения глаз человека мог что называется 'замылиться'. Привыкший к однообразию картины наблюдатель мог пропустить некоторые моменты, тогда как свежий взгляд со стороны мог их выявить.

Каждый вечер, результат наблюдений ложился на специальную карту, созданную Любавиным для выполнения задания командования. Уже к концу недели, на ней заняли свои места финские доты, сектора их обстрела, а также извилистая линия вражеских траншей и огневые точки на них.

Когда позволяли возможности, комбат посещал передовую линию окопов, стремясь знать обстановку воочию, а не по докладам подчиненных. Благодаря этому он хорошо знал особенности своей передовой и когда батальон получил стереотрубу для наблюдения за противником, быстро нашел место для нового наблюдательного пункта.

За все это время, на участке Любавина так и не появились ставшие стремительно легендарными финские снайпера 'кукушки', которые по рассказам соседей не давали им продыху. Засев в специально оборудованном месте, эти 'наседки' вели прицельный огонь, по переднему краю советской обороны выбивая в первую очередь командиров, наблюдателей и связистов.

Подобные действия невидимого врага создавали нервную обстановку в ротах и

взводах. Избирательные действия снайперов кроме сокращения командного состава создавали нервную обстановку среди солдат, подрывая их моральный дух и уверенность в скорой победе.

От встречи с ними комбата бог отвел, но вот с финскими диверсантами, которые нет-нет, да и оказывались в советском тылу, ему столкнуться пришлось.

Произошло это когда, Любавин возвращался с совещания в штабе корпуса, куда простывший комполка Телегин направил его на доклад вместе со всеми имевшимися в полку разведанными.

— Обстановку ты знаешь лучше всех остальных комбатов, язык у тебя хорошо подвешен, значит тебе все карты в руки докладывать командованию о проделанной работе — напутствовал от комбата и тот не ударил лицом в грязь.

Как не был придирчив и требователен начштаба корпуса подполковник Гребенкин, ему не удалось заставить Любавина почувствовать себя 'не в своей тарелке' в отличие от представителей других полков.

Окрыленный похвалой начальства, комбат возвращался обратно в полк, когда произошли нападение финнов. Благодаря наличию прорех в советской обороне, отряд лыжников смог незамечено перейти линию фронта и ударить по идущей в сторону передовой транспортной колонне.

Умело создав на дороге пробку с помощью упавшего дерева, финны принялись расстреливать грузовики с боеприпасами и продовольствием. Под огонь их автоматов попала также 'эмка', в которой ехал командир боевого соединения сопровождавшего эту колону. Так как согласно приказу командарма, одиночное движение по дороге было категорически запрещено.

Когда обнаружилось препятствие на дороге, он не придумал ничего лучшего, как потребовать к себе командиров для дачи ценных указаний по расчистке дороги. В один миг, солдаты лишились командования и это, создавало серьезную угрозу возникновения паники со всеми вытекающими из этого последствиями.

Людям была нужна команда. Необходимо было показать солдатам присутствие командира, успокоить и приободрить их, и ехавший на грузовике Любавин уже собирался подать голос, но его опередили.

Всегда хорошо, когда есть человек, который в сложной ситуации не потеряет голову, быстро сориентируется в происходящем и сможет взять управление на себя. Но очень плохо, если он будет это делать по заученному шаблону а, не исходя из сложившейся обстановки.

Человеком, который опередил Любимова, был батальонный комиссар Шепеленко. В силу своей специфики, он отдал приказ приготовиться к штыковой атаке противника. В создавшейся обстановке, атака засевших в молодом ельнике вражеских автоматчиков, гарантировала серьезные потери среди личного состава и имела призрачные шансы на уничтожение противника.

Нужно иметь большое мужество, чтобы в трудный час решить взять на себя командование людьми и отдать приказ, но втрое больше оно необходимо тому, кто решиться его отменить.

Что толкнуло Василия на этот шаг, он и сам толком не знал. Возможно, сказался опыт предыдущих боев, во всей красе показавший ему как непродуманные действия приводят к неоправданным людскими потерям. Возможно, в тот момент проявилась ответственность командира за жизни своих подчиненных. Возможно, что-то ещё, но не успели стрелки

примкнуть штыки к винтовкам и подняться во весь рост, как Любавин шагнул вперед и громким, хорошо поставленным голосом прокричал — Отставить атаку!

В этот момент решалось многое, если не почти все. Подчинятся ли его команде солдаты, признают ли они право постороннего командира командовать собой и тогда рисунок боя кардинально менялся или, повинувшись команде комиссара, они пойдут под вражеские пули ради выполнения его приказа.

Очень может быть, что в голосе старшего лейтенанта была слышна командирская сталь, повинувшись которой приподнявшиеся со снега бойцы послушно рухнули, обратно выжидая дальнейшей команды, и она последовала незамедлительно.

— Рота! Слушай мою команду, по врагу слева от дороги беглый огонь! — выкрикнул Любавин и тотчас по молодому ельнику, где расположились финские лыжники.

К огромному счастью для Василия, пришедший в себя батальонный комиссар не стал пытаться криками оспорить его команды, а решил разобраться с самозванцем на месте. Выхватив ТТ он стал перебегать мелкими перебежками к тому месту, где находился Любавин, решив лично уничтожить финского диверсанта и провокатора, одетого в советскую форму.

Знай это, Василий попытался бы обезопасить себя от лихой комиссарской пули, но в этот момент он был занят делом. Оно заключалось в приведении в чувство минометного расчета распластавшегося от страха на дороге.

По стечению обстоятельств, на момент нападения финнов, грузовик на котором ехал комбат остановился с минометчиками. Когда началась стрельба, позабыв обо всем, бойцы дружно упали в снег и лежали, не смея поднять голов.

— Встать! Встать, кому я сказал! — грозно крикнул Любавин, подойдя к порядком перетрусившему расчету.

Вид командира стоявшего рядом с ними и нисколько не боявшегося свиста вражеских пуль, подействовало на бойцов ничуть ни меньше, чем крик и его агрессивная поза с жатыми кулаками.

Чувство стыда перебороло страх смерти, и минометчики послушно поднялись на ноги с удивлением и некоторым опасением, поглядывая на старшего лейтенанта.

— Миномет к бою! — отдал приказ Любавин и минометчики стали лихорадочно устанавливать свой батальонный 82-мм миномет.

Пока расчет соединял ствол с плитой и двуногой, комбат яростно теребил лоток с минами, который по закону подлости никак не хотел открываться. Справиться с возникшей проблемой помог удар рукоятки нагана, который Василий запихнул в карман полушубка.

Когда разъяренный батальонный комиссар добрался до Любавина, расчет был уже готов к бою. Комбат уже поднес мину к стволу, как за его спиной раздался крик — Руки вверх!

Минута для выяснения отношений была выбрана крайне не подходящая. Все решали секунды и вместо того, чтобы поднять руки Василий их разжал, и присев на корточки зажал уши ладонями.

Хлопок выстрела и закрытые уши не позволил ему услышать щелчок, исходящий со стороны комиссара. Разгневанный тем, что диверсант отказывается подчиниться его приказу, он яростно щелкал спусковым крючком, но выстрела не было.

Впопыхах, политработник забыл снять оружие с предохранителя, и эта оплошность спасла жизнь Василию. Полностью погруженный в схватку боя он с жадностью смотрел за траекторией полета мины, и когда она ушла в перелет, приказал изменить прицел.

Только после третьего выстрела, когда цинк с минами опустел, до батальонного комиссара дошел смысл действий Любавина, и он опустил так и не выстреливший пистолет.

Из трех выпущенных по противнику мин, только одна упала в районе ельника, но и этого было достаточно, чтобы внести коренной перелом в ход боя. Появление у противника пусть даже одного миномета моментально отбило охоту у финнов продолжать бой.

Воспользовавшись возникшей паузой в работе минометного расчета, лыжники стали торопливо покидать свою позицию. Одно дело вести огневую дуэль с мосинскими винтовками и совсем иное играть в 'пятнашки' с минами.

Расчет успел опустошить ещё один лоток с минами, когда солдаты по команде Любавина пошли в штыковую атаку. Момент оказался благоприятным, так как подниматься и отходить из зоны обстрела, для лыжников противника было довольно сложно.

Возникла спешка, результатом которой было оставление финнами четырех своих товарищей погибших от осколков мин и пуль. Ещё двое были ранены, что впрочем, не помешало им уйти с места боя.

Кроме тел убитых диверсантов, советским бойцам достались в качестве трофея два финских автомата, которыми были вооружен каждый лыжник. Обнаружившие их солдаты с большим интересом рассматривали необычное для себя оружие, благодаря которому вражеские диверсанты могли нанести серьезный ущерб колонне.

Именно эти трофеи доставили в дальнейшем много хлопот старшему лейтенанту. Чуть было не погубивший солдат убийственной атакой, батальонный комиссар Пущенко составил рапорт, в котором успех в отражении нападении финских лыжников на конвой приписал полностью себе. А, чтобы у Любавина не смог претендовать на правду, он прибег к праву 'первого плевка', написав в особый отдел о неподобающем поведении во время боя старшего лейтенанта.

'Первый плевок' являлся действенным и безотказным способом. Был ли прав или неправ тот, в которого плюнули, в этом случаи было неважно. Главное заключалось в том, что он должен был оттираться от попавшей на него слюны, оправдываться, а это существенно подрывало его моральные и правовые позиции.

В пасквиле, умело составленном комиссаром, говорилось, что старший лейтенант самовольно вмешался в руководство боя, при этом проявив не только полную некомпетентность в командовании, но и откровенную трусость, сорвав штыковую атаку солдат.

Далее говорилось, что только решительные и грамотные действия комиссара Пущенко предотвратили развитие паники и помогли солдатам одержать победу над врагом.

Кроме этого, донесение было обильно сдобрено различными политическими штампами, типа того, что отказ от штыковой атаки не позволил солдатам проявить в бою свою храбрость и стремление разгромить проклятых белофиннов, чем нанес большой моральный вред их молодым душам и породил сомнение в правильности действий политработников.

Вся эта галиматья, уложенная на восемь с половиной страниц мелким почерком представляла собой серьезную угрозу для Любавина. Получив сигнал сверху, полковой особист решил взять его в полный оборот. Весь его вид во время беседы — допроса говорил о том, что приговор Василию уже вынесен и не сегодня, так завтра он станет лагерной пылью.

Многие от подобного обращения срывались в крик и говорили много лишнего, чего собственно и добивался особист, однако с Любавиным этот номер у него не прошел.

Полностью подавив в своей душе всякие чувства, Василий отвечал на вопросы особиста спокойно и кратко, не дав тому ни единого повода обвинить командира в неуважении к себе и двояко истолковать полученные ответы.

Около пятидесяти минут, дознаватель требовательно перебирал биографию молодого лейтенанта, перетрясал факты изложенные в донесении Пущенко, а также оказывал откровенное давление на Любавина пытаясь заставить того нервничать, но тот уверенно держался выбранной линии поведения. Наконец особист сам потерял терпение и пообещав Василию обязательно вывести того на чистую воду, отпустил командира.

Возможно, что его слова не оказались бы пустым звуком, но этого не случилось. На свое счастье, обнаружив автоматы, Василий составил донесение в штаб полка, в котором указал фамилии солдат минометного расчета, в присутствии которых он проводил осмотр трофейного оружия.

Кроме этого, копию своего донесения он отправил в штаб корпуса на имя комдива Рокоссовского. Этим Любавин надеялся разрешить спор, возникший между ним и комдивом в автомобиле по пути в Каменск.

Рапорты и донесения простых командиров идут гораздо медленнее, чем письма комиссаров в особый отдел, но рано или поздно они достигают своих адресатов. Полковой дознаватель уже готовился к новому допросу Любавина, когда ему позвонили от самого Кумпорадзе.

Узнав, что кроме сигнала Пущенко никаких других материалов на Любавина нет, высокое командование посоветовало особисту не биться своей задней частью тела об асфальт и временно оставить комбата в покое.

— Пусть пока работает. Пусть наступление готовит, а там видно будет — многозначительно проквакала трубка и, утерев неприятный пот с покатога лба, особист принял приказ к исполнению.

Весь январь, на Карельском перешейке было относительное затишье, чего нельзя было сказать о Западной Карелии. Там особая бригада полковника Талвела, пользуясь кризисом части соединений 8 армии, пыталась, если не разгромить полк Попцова, то хотя бы раздробить его на несколько частей.

Батальон майора Луники, а точнее сказать капитана Кривцова, заменившего выбывшего по ранению комбата, находился на самом острие обороны полка. В сложившейся обстановке, самым простым и действенным решением был бы отвод батальона с западного берега озера. После разгрома полка полковника Туровцева, захваченный майором Луникой плацдарм уже не имел никакой ценности, превратившись в чемодан без ручки, который невозможно нести. Однако репрессии, проводимые в тылу комкором Штерном, полностью парализовали у верховного командования армии способности к мышлению. На все просьбы комполка о необходимости принятия решения, высокое командование отвечало только одно — Ждите и держитесь!

Ожидание решения затянулось до полутора недель, чем не преминул воспользоваться полковник Талвела. Сначала он по максимуму использовал свой численный перевес в разгроме соседа, а затем обрушился и на полк Попцова.

Произошло это в первых числах января, когда после новогоднего снегопада ударили сильные морозы. Сама природа выступала на стороне финнов, чьи лыжные соединения без особого труда просочились сквозь лесные чащобы и попытались отрезать полк от остальных подразделений дивизии.

Постоянные наскоки финских лыжников, а также трудные природные условия, создавали серьезные трудности для того, чтобы быстро вернуть контроль над единственной дорогой и разорвать вражеское кольцо вокруг полка. Многие, как по ту сторону кольца, так и по другую, искренне считали, что его прорыв дело времени. Однако дни проходили один за другим, а ничего не происходило. С каждым днем финны все крепче сжимали тиски блокады, а помощь все не приходила.

Причин приведших к подобному положению было несколько. Во-первых, у дивизии элементарно не было сил для прорыва вражеской блокады. Растратив все свои резервы во время наступления, она ещё могла сдерживать удары нападающего противника, но вот организовать, пусть даже локальное наступление, было ей не по силам.

Естественно, можно было попытаться прорвать окружение врага совместно, встречным ударом полка Попцова и полка подполковника Невалышкина. Штабисты дивизии давали высокие шансы такому прорыву, но это вариант подразумевал оставление прежних позиций, что совершенно не устраивало Штерна.

Отсылая в Москву рапорта об успешном восстановлении дисциплины в 8-й армии, Григорий Михайлович не допускал и мысли об отводе, пусть даже ради спасения окруженных войск.

— Как расценит товарищ Сталин и нарком Ворошилов, подобное известие? Однозначно отрицательно и будут абсолютно правы. Нельзя писать о стабилизации положения на фронте и одновременно отводить их из-за угрозы окружения. Настоящие советские красноармейцы и командиры, в отличие от трусов и паникеров смогут с честью преодолеть оказавшиеся на их пути трудности. Передайте им приказ держаться и ждать помощи — приказал Штерн комдиву Беляеву. Напуганный судьбой полковника Туровцева тот боялся спорить с посланцем Москвы, смиренно выполняя его волю.

Подобная пассивность, обернулась большим горем. Пользуясь отсутствием активности со стороны противника, финны приступили к дроблению попавшего в окружение полка и добились серьезных успехов, отрезав батальоны Зорькина и Кривцова от остальных сил полка.

Эта новая блокада сразу сказала на состоянии окруженных батальонов.

— Наверно, где-то в русском штабу сидит наш шпион, который тайно помогает нам, удерживая противника от активных действий, — шутил полковник Талвела, обращаясь к майору Аскелилла. — Будьте внимательны. Ваша главная задача не дать русским прорвать кольцо окружения и тогда голод и холод сделают за нас всю работу. Нам не придется тратить на них пули и снаряды.

Расчет финского полковника был абсолютно верным. Когда по прошествию времени финны атаковали позиции батальона капитана Зорькина, они смогли легко сломить сопротивление третий день ничего не евших солдат.

Всего в этом бою, финны захватили в плен чуть больше ста человек. По приказу майора Аскелилла, их построили в колонну и погнали в много километровый переход, оказав для многих из них последним. Всего к конечному пункту прибыло сорок восемь человек, остальные остались лежать на дороге.

Ничуть не лучше оказалась судьба раненых и больных, находившихся на батальонном медицинском пункте. Все они были убиты финнами, не желавших обременять себя заботами о солдатах противника. В целях экономии патронов, защитники Суоми расправлялись с беззащитными людьми штыками, прикладами своих винтовок и ножами.

Медсестер, пытавшихся защищать своих раненых и больных, финны подвергли изощренным надругательствам. Сорвав с них одежду, они сначала изнасиловали их, а затем, избив, отрезав груди и исколов штыками, бросили умирать на мороз.

Лишь малая часть батальона сумела по льду пробиться на позиции батальона Кривцова. В этот день он также подвергся атаке неприятеля, но сумел выстоять благодаря своему бывшему комбату Лунике.

Будучи рачительным командиром, он создал дополнительный запас продовольствия и провианта. Этот прощальный подарок комбата, помог его солдатам преподнести неприятный сюрприз полковнику Талвела, посчитавшего, что 'дело в шляпе'.

Как бы яростно не атаковали финские солдаты позиции батальона, везде они наткнулись на яростное сопротивление и были вынуждены отступить.

За свои неудачные действия майор Аскелилла был подвергнут унижительной критики со стороны командования, но не было радости и в стане победителя.

После того как враг был отбит и наступила пора подводить итоги, между Ильей Роговым и капитаном Кривцовым состоялся разговор относительно дальнейших действий.

Рогов был единственным командиром рот и взводов, кто смог прийти в блиндаж комбата. Остальные командиры были либо ранены, либо убиты.

Отношения Рогова с новым комбатом не сложились с первого дня, как тот принял батальон. В отличие от вдумчивого и рассудительного Луники, Кривцов считал, что командир должен проявлять к своим подчиненным принципиальность и требовательность. Только боевые действия сглаживали острые углы между комбатом и его подчиненными, теперь наступило время поговорить по душам.

— Послушай, Кривцов, ещё одна такая атака и всему батальону конец. Боеприпасы на исходе, продуктов нет. Сегодня мои бойцы съели последние сухари и завтра, придется перейти на подножный корм. Пока люди ещё могут держать оружие, пока они ещё могут сражаться, надо прорываться к Попцову — выложил Рогов горькую правду комбату, но тот не захотел его слышать.

— Опасные разговорчики ведете капитан Рогов! У меня есть приказ комполка держать оборону и ждать прихода помощи, и пока я не получу другого батальон не сдвинется с места и точка!

Кривцов был на голову ниже Ильи и от того испытывал определенное раздражение во время разговора с ним. Пытаясь придать себе большей уверенности, он положил обе руки на поясной ремень, считая, что такая поза должна утешить собеседника, но Рогов просто не обратил внимания на это.

— И ради выполнения приказа, который давно уже не соответствует сложившейся обстановки, ты намерен сидеть и ждать когда финны разобьют нас, как разбили батальон капитана Зорькина? Чьи солдаты от голода оружие в руках держать не могли. Пойми ты, прорвемся к Попцову, сохраним людей, станем силой, а иначе они нас поодиночке передавят — убеждал Илья собеседника.

— Куда прорываться!? Через финский заслон с пулеметами, не имея огневой поддержки. И сколько ты при этом народу положишь?

— Никто не говорит, что нужно пробиваться через заслон. Мои охотники Бармин и Сухов уверяют, что финнов можно по темноте обойти, было бы желание.

— Так вот желания у меня никакого нет! Ты меня понял? — напыжился Кривцов и для острастки положил руку на кобуру.

— Значит это твое последнее слово?

— Да, последнее и давай больше не будем говорить на эту тему. Мне ещё надо побывать в ротах, поговорить с людьми, оценить обстановку.

— Значит, будем сидеть, и ждать? — продолжал задавать вопросы Илья, чья ладонь незаметно опустилась в карман полушубка.

— Да, будем сидеть, и ждать пока командование не отдаст новый приказ. У тебя все? Если все, тогда ты свободен — Кривцов сделал неопределенный жест рукой.

— Нет, капитан, это ты свободен — усмехнулся ему в ответ Илья. Сказано это было без всякого зла, с усталой усмешкой, приведшей Кривцова в полное замешательство.

— Не понял — он удивленно вскинул глаза на Рогова и в этот момент получил сильный удар в лицо.

Прежние навыки дворовых драк не подвели Илью. Получив свинчаткой по лбу, несговорчивый Кривцов отлетел к стене и упал на пол, а из рассеченной брови обильно хлынула кровь.

— Я тебе чистоплюю угробить батальон не позволю! Это для тебя они подчиненные, а для меня боевые товарищи и просто так смотреть, как они перемерут от холода и голода я не стану! — выпалил Илья, наклонившись над поджавшим от испуга ноги капитаном.

— По причине полученного в схватке с финнами ранения, ты выбываешь с должности комбата. Сейчас вызову к тебе доктора, он наложит тебе повязку, а я, согласно уставу, став, временно исполняющим должность комбата буду готовить прорыв. И не дай тебе бог попытаться мне мешать. Пристрелю. Можешь не сомневаться. Ясно!?

Для большей аргументации своих слов Рогов потряс перед лицом испуганного капитана наганом и это, произвело на того должное впечатление. Испугавшись, что Илья чего доброго действительно пустит вход оружие, Кривцов посчитал за лучшее не спорить с ним и подчиниться, но только на время.

— Ты за это ответишь! — зло предупредил теперь уже бывший комбат, отчаянно пытаясь остановить бегущую из раны кровь. От полученного удара у него сильно кружилась голова, и он с большим трудом сначала приподнялся на локтях, а затем сел, опершись спиной о стену.

— Не волнуйся, отвечу, но потом. А пока лечись — презрительно бросил Кривцову Илья.

Решение нового комбата прорываться на соединение с полком, все встретили с радостью. Полные энтузиазма от одержанной над врагом победы и верой в собственные силы, люди были готовы вступить в смертельную схватку с врагом.

Готовясь к прорыву, капитан Рогов сделал главную ставку на солдат, бывших в прошлом промысловиками охотниками. В отличие от остальных, для них лес был не хаотическое нагромождение деревьев, в котором можно было легко заблудиться, а родным домом. Движение по лесным дебрям было для них привычной задачей, даже в ночное время.

Именно они встали во главе небольшого отряда, который повел за собой батальон в обход финских позиций. Взяв с собой только самое необходимое, взвода один за другим растворялись в темной чащобе леса.

Каждому красноармейцу было горько и обидно оставлять свои окопы и траншеи, за которые всего несколько часов назад они бились с врагом не на жизнь, а на смерть. Будь у них провиант, они бы никогда не отступили, но все запасы были уничтожены и трагическая судьба соседей, им была прекрасно известна.

Решение Роговым прорываться на соединение с основными силами полка застало финнов врасплох. Полностью уверенный в то, что русские никогда не оставят свои окопы, за которые они так упорно сражались майор Аскелилла допустил непростительный промах. Зализывая раны после неудачной атаки, он не приказал вести наблюдение за противником, и отход батальона остался незамеченным противником.

В аналогичном ключе рассуждал и лейтенант Харман, чьи солдаты блокировали дорогу, устроив на ней прочный лесной завал под прикрытием нескольких пулеметов. Привыкнув к тому, что противник наступает только по дороге, он ограничился тем, что выставил на второстепенных направлениях лишь одиночные посты.

За все время боевых действий, у финнов возникло твердое убеждение, что русские боятся их лесов и в определенном моменте они были правы. Для жителей южной России и Украины карельские леса были действительно губельными, но для сибиряков и уроженцев Севера они таковыми не являлись.

Опыт прежней жизни, позволил Бармину и Сухову незаметно подобраться к мерзнувшим на морозе финским дозорным, а затем в два ножа бесшумно снять их.

Когда прибывшая смена обнаружила окоченевшие трупы дозорных и выстрелами подняла тревогу, было уже поздно. Основные силы батальона уже ушли далеко вперед и поднятая им вслед финнами хаотическая стрельба, не причинила никакого урона.

Напуганные бойцов Суоми неистово падали в окружавшую их темноту как в копеечку, но от других активных действий воздержались. Надевать лыжи и идти в тревожную неизвестность для преследования противника, никто не решился.

Стоит ли говорить, сколько радости было у бойцов Ильи Рогова от благополучного соединения с главными силами полка, но самого командира ждало жестокое разочарование. И дело было не в капитане Кривцове, который до поры до времени решил помалкивать о самоуправстве Рогова. Главное заключалось в том, что вопреки надеждам Ильи комполка Попцов также был настроен на то, чтобы дожидаться, когда главные силы дивизии пробьют кольцо вражеской блокады.

На все телеграммы с описанием плачевного положения остатков полка, штаб дивизии неизменно твердил одно и то же: — держаться, держаться, держаться. Держаться, несмотря на то, что запасы продовольствия были на исходе, а количество больных и обмороженных увеличивалось с каждым днем в геометрической прогрессии.

От всего происходящего у Ильи сводило скулы, но он ничего не мог поделать. Вступать в пререкание со штабом дивизии ему не позволяло звание и должность, а посягать на авторитет Попцова, Рогов не хотел. Оставалось только продолжать убеждать комполка в необходимости прорыва и тут, госпожа Судьба подарила ему шанс.

К огромной радости Ильи вышел из строя генератор, питавший полковую рацию, что давало в сложившихся условиях остаткам полка свободу действий.

Едва это стало известно, Рогов с удвоенной силой стал насаждать на Попцова, который после двух дней бесед вынес решение вопроса о прорыве на общее собрание. Из одиннадцати оставшихся в строю офицеров, восемь человек высказались за немедленный прорыв и только трое против.

Главным аргументом было отсутствие продуктов у осажденных. НЗ оставалось только на один день, после чего люди должны были перейти на кору и корни.

Сразу после принятия решения, начались жаркие споры о том, как пробиваться. Многие командиры предлагали ударить объединенным кулаком по финской пробке на дороге.

— Заслышав звуки боя, наши обязательно придут на помощь и ударят по финнам с другой стороны — убеждал собрание капитан Бунькин, но Илья был с ним категорически не согласен.

— Во-первых, могут и не услышать, а во-вторых, у них может не быть сил для встречного удара. До сегодняшнего дня, к сожалению это так и было. Я предлагаю совершить обходной маневр и попытаться вывести остатки полка в квадрате 16–42. Даже если там есть заслоны противника, то они наверняка слабее тех сил, что блокировали дорогу — предложил Рогов, но тут же получил весомый контраргумент от Попцова.

— В ваших словах капитан есть доля истины, которая в определенной мере подкреплена удачным прорывом вашего батальона, но есть одно но. Общая численность нашего полка больше чем ваш батальон, несмотря на понесенные нами потери. Просто так, совершить многокилометровый бросок через лесной массив невозможно. Даже если мы начнем движение ночью, финны обнаружат наше отступление и начнут преследование.

Учитывая их мобильность за счет лыж, они успеют догнать нас и в лучшем для нас случае ударят по хвосту нашей колонны. А если мы наткнемся на их заслон и примем бой, то наши потери будут ещё большими.

— Я полностью согласен с вашими словами, товарищ полковник. Единственным выходом из сложившейся ситуации — это сильный арьергард, который будет прикрывать отход полка столько, сколько будет нужным — предложил Рогов, и наступило напряженное молчание. Правда слов Ильи не вызвала ни у кого сомнения, оставалось выбрать кто станет жертвенным барашком.

— И кого вы предлагаете на эту роль, товарищ капитан?

— Я готов взять командование арьергардом на себя, если не будет других кандидатур — предложил Илья и все с ним радостно согласились.

Можно было по-разному воспринимать принятое командирами решение, но по сути дела — это был единственно верный выбор. Во-первых, у Ильи Рогова уже был, пускай небольшой, но опыт подобных действий. А во-вторых, он занимал самую активную позицию в отличие от остального комсостава полка, чем наглядно подтверждая старую армейскую истину о том, что настоящий офицер — это капитан, а все стоящие над ним только занимают должности.

Обрадованный тем, что дело сдвинулось, Илья стал формировать из остатков своих взводов отряд, которому предстояло сыграть роль арьергарда. Среди тех, кто вошел в её состав был и сержант Ильяс Шамалов.

Перед тем как принять утвердить окончательный состав тех, кто будет прикрывать отход полка, Рогов предложил своему земляку самостоятельно сделать выбор.

— Если хочешь, то я отправлю тебя вместе с головным отрядом. Там для тебя будет много работы, но если решишь остаться вместе со мной в арьергарде, буду очень рад этому. Буду твердо знать, на кого можно будет положиться в трудную минуту. Что скажешь?

— Конечно с тобой, командир — без всякой запинки ответил Ильяс. Сказано это было с той простотой, что бывает у сильных духом людей, привыкших ценить собственную жизнь чуть меньше чем общее счастье остальных людей.

— Спасибо, тебе Ильяс. Вместе нам легче будет финнов бить — Илья радостно пожал руку земляку и, заметив в его глазах некую грусть, спросил без всякой задней мысли.

— А что такой грустный? Сон дурной приснился?

— Верно командир, был сон. Маму видел, она песню пела.

— Песню, так это хорошо — улыбнулся Илья, вспомнив завораживающую красоту песен земли, где родился и вырос. Много песен ему довелось слушать и простых и хороших, но лучше стенных песен не было.

— Конечно, хорошо — поддержал капитана Ильяс, утаив от него, что услышанная им песня была прощальной. — Я тогда пошел готовиться?

— Иди Ильяс. Уверен, что у нас все будет хорошо — кивнул земляку капитан, совершенно не представляя того, что будет через сутки.

Благодаря смелым и нестандартным действиям остатки стрелкового полка полковника Попцова, что по своей численности недотягивал до двух батальонов удалось прорваться к своим через финские заслоны.

Отряженные на разведку охотники указали на слабое, по их мнению, место в кольце финского окружения и оказались правы. Внезапный удар среди ночи оказался для финнов полной неожиданностью.

Долго и заливисто в январской ночи гремели пулеметные и автоматные очереди со стороны финских позиций. Время от времени к ним присоединялся свист мин и их глухие разрывы. Не имея точных ориентиров, финские минометные расчеты били во тьму наугад, но без значимых результатов.

Большинство мин упало в стороне от места прорыва и потому, были не в силах остановить рвущихся из смертельной ловушки советских солдат. Полностью уверовав в то, что именно этой ночью им удастся выйти к своим, они отважно шли на прорыв не щадя свои жизни.

Как и предполагал капитан Рогов, ночью финны не предприняли никаких активных действий. Готовые биться до последней капли крови на своем участке обороны, они не пришли на помощь соседям, опасаясь угодить в ловушку коварных большевиков.

Не имея связи с главными силами и не зная обстановки в целом, капитан Рюйтель терпеливо дожидался рассвета, чьи лучи расставили все на свои места.

Вместе со светом, к капитану прибыл и майор Аскелилла обрушивший на голову Рюйтеля град ругани и упреков. Столь громким и грозным поведением, господин майор пытался переложить на подчиненного часть собственной вины.

— Русские уже второй раз пытаются вырваться из наших тисков, и если это произойдет, я без сожаления отдам вас капитан в руки военно-полевого суда! Можете в этом не сомневаться! — гневался Аскелилла, пытаясь своим криком заглушить невеселые мысли о том, что с ним сделает полковник Талвела. В предыдущей беседе по телефону он в красках разрисовал судьбу самого майора.

— Надо немедленно отправить на преследование группу лыжников. Пусть догонят русских и связав боем задержат хотя бы часть их сил — приказал Аскелилла и капитан бросился выполнять его приказ.

Для хорошо бегущих на лыжах финнов найти следы и догнать бредущих по снегу людей, не составляло большого труда. Не прошло и часа, как они наткнулись на группу капитана Рогова и атаковали её.

Напасть на пробирающихся между деревьями людей, не знающих толком куда идти и от того испытывающих сильный страх — это одно. И совершенное иное, когда твое появление ждут, люди к нему готовы и способны ответить ударом на удар.

Стычка группы финских лыжников в составе пятнадцати человек с русским арьергардом оказалась для них плачевной. Потеряв в возникшей перестрелке троих убитыми

и четырех ранеными, финны отказались от преследования и отступили.

Когда идущему следом капитану Рюйтелю доложили о результатах преследования, перед офицером возникла нелегкая дилемма. В том, что перед ним только арьергард русской колонны ему было ясно и понятно. Возникал вопрос — что делать? Продолжить преследование отступающего противника, уничтожив сначала его прикрытие или оставить арьергард на потом и бросить имевшихся в его распоряжение лыжников на поиски главных сил.

Возникни этот выбор в начале утра и выбор бы был очевиден, но прошло время и 'спуск с поводка лыжных гончих' не гарантировал успех. После недолгого раздумья, капитан выбрал третий вариант. Часть сил он бросил против группы Ильи Рогова, другую половину отправил на поиск отступающего Попцова.

С первого взгляда решение принятое капитаном Рюйтелем было правильным, но на дело оказалось полностью ошибочным. Брошенные на поиски главных сил противника лыжники вернулись ни с чем. Делая ставку на то, что они преследуют напуганную лань, они действовали своеобразным образом, полагая, что добыча выберет самый короткий и быстрый путь к позициям комдива Беяева.

В полной уверенности, что вот-вот настигнут противника финны, пробежали километр за километром, но так и не встретили врага. Ведущие головную заставу Бармин и Сухов выбрали иной маршрут, выбрав более продолжительный маршрут движения, и оказались правы. Солнце ещё не село, а остатки полка, через снега и лесную чащобу успешно вышли в расположение советских войск.

Брошенные против группы капитана Рогова лыжники также не смогли достичь успеха. Русский арьергард дрался с обреченностью смертников и, наткнувшись на столь яростное сопротивление, финны были вынуждены прекратить преследование. Уж слишком чувствительны раны получил их отряд от схватки с русскими.

— Узнав о постигшей его лыжников неудаче, капитан Рюйтель пришел в ярость.

Вы не сумели найти и остановить главные силы русских, так пойдите и уничтожьте их арьергард. С паршивой овцы хоть шерсти клок! — приказал офицер солдатам и те бросились выполнять его приказ.

Красный круг солнца уже спускался к горизонту, когда финны в третий раз атаковали группу Ильи Рогова. Если в начале дня она по своей численности значительно превосходила взвод, то теперь её состав был немногим больше отделения. Однако и этих сил хватило не только отбить атаку врага, но заставить его на время прекратить движение. Возникшая пауза давала небольшой, но шанс оторваться от врага и под покровом ночи завершить этот смертельно опасный поход.

Это можно было сделать при условии, что кто-то останется прикрывать отход и этим кто-то стал Илья Рогов. Тверда веря, что ещё не отлита та пуля, что предназначена ему, он остался вместе с Ильясом, который сам вызвался помочь командиру.

Благодаря 'Дегтяреву' с двумя дисками и гранатам, они не только отбили очередную атаку противника, но смогли получить шанс на отход. Бросив ставший ненужный пулемет, они бросились бежать сквозь густой ельник.

Призрачная, совсем крохотная надежда на счастливый исход у них была, но одно случайная пуля, выпущенная мстительными финнами вслед беглецам, перечеркнула её. Угодив Илье в бок, она вызвала сильное кровотечение, запустив обратный отсчет жизни молодого капитана. Медленно, но неотвратимо теряя силы с каждым сделанным шагом,

капитан упрямо шел вперед пока не упал на снег в полном изнеможении.

Подхватив обессиленного командира, Ильяс некоторое время протащил его по снегу но, в конце концов, силы кончились и у него и он был вынужден остановиться. Привалив раннего Илью к ели, он опустился рядом с ним на корточки.

— Ничего командир, сейчас отдохнем и пойдем дальше. Выйдем, обязательно выйдем. Вот только отдохнем — говорил Ильяс, с трудом ворочая пересохшими от напряжения губами. Чтобы утолить жажду, он принялся жевать снег, который приятно охлаждал его рот.

— Брось меня. Иди один, я приказывают тебе — через силу проговорил Илья, но сержант только замотал головой в ответ.

— Нет, командир. Как же я земляка брошу. Вместе пришли вместе и уйдем. Ещё немного отдохнем и пойдем.

— Иди один, ты выйдешь, а я уже не жилец — настаивал на своем Илья, но сержант уже не слушал его. Острый взгляд Ильяса заметил какое-то движение среди окружавших их деревьев.

— Лыжники, командир! — доложил Шамалов и державшая винтовку рука, автоматически передернула затвор.

— Наши? — с потаенной надеждой на удачу спросил Рогов и, желая получше рассмотреть гостей вытянул шею.

В их сторону шла цепочка людей одетых в белые маскхалаты. С того места, где находились два товарища было трудно разглядеть лица и оружие лыжников, но вот походка позволяла безошибочно их идентифицировать. Вместо мерного качания из стороны в сторону, как бы переваливаясь с боку на бок, эти лыжники шли прямо, подобно оловянным солдатикам, что выдавало в них врагов.

— Финны — в один голос проговорил Рогов и Ильяс.

— Беги, я прошу тебя — сказал капитан, медленно вытаскивая из кармана наган, в обойме которого ещё было пять патронов.

— Дурак, ты командир — сочувственно произнес Ильяс и, взяв винтовку, отошел за остро пахнувший хвоей ствол ели.

Полностью уверенные в том, что им удастся захватить в плен, судя по полушубкам офицеров противника, лыжники сержанта Тайпелле неторопливо подходили к сидящему под елью Илье. Неотрывно следя за финнами, он успел обменяться с Ильясом, коротким, но емким 'прощай' и с трудом вскинув руку с наганом, открыл огонь.

Двоим товарищам, удалось убить двоих и ранить одного преследователя, прежде чем выпущенные из автоматов очереди насквозь прошли их тела. Взбешенные их сопротивлением финны, вначале искромсали штыками и ножами уже безжизненные тела, а затем бросили их в лесу, без погребения.

Только через семь лет, в далеком 1947 году, останки героев будут случайно обнаружены пошедшими за ягодами детьми. Они будут преданы земле, так навсегда оставшись для родных и близких без вести попавшими.

К концу января 1940 года положение дел в советско-финском конфликте на взгляд стороннего наблюдателя выглядело не совсем презентабельно для Москвы. В районе Кольского полуострова были достигнуты определенные успехи, но дальнейшего развития они не получили.

На направлении Кандалакши, где соединения 9-й армии вклинились вглубь территории Финляндии, события развивались для Красной армии по самому худшему сценарию. Пользуясь пассивностью и безынициативностью командования подразделений, финны сумели переломить ход борьбы в свою пользу. Быстрыми ударами подвижных лыжных соединений, они смогли изолировать соединения друг от друга, лишали подвоза продовольствия и боеприпасов, а затем уничтожали их.

Немного лучше была обстановка в Приладожье, где столкнулись два ударных шара — финский и советский. Полученное подкрепление в купе с репрессиями помогло командарму Штерну стабилизировать обстановку, но вот продолжить наступление вглубь вражеской территории никак не удавалось. Каждая попытка продвинуться вперед, натыкалась на яростное сопротивление финнов, и все что удавалось советским войскам — это продвинуться вперед на три — пять километров или не продвинуться вообще.

Словно под воздействием сильного январского мороза, огромная линия противостояния, протянувшаяся с севера на юг на многие сотни километров, застыла в неподвижности и только в районе Кольского перешейка бурлила жизнь.

Вступивший в должность комфронта Семен Константинович Тимошенко энергично готовился к штурму пресловутой 'линии Маннергейма'. Это потом, финский Маршал назовет её устаревшей, не успевшей соединиться в одно целое системой оборонительных укреплений, прилепленных на гранитных валунах. А в январе сорокового года вся пресса 'свободного мира' только и делала, что сравнивала линию Маннергейма с линией Мажино и расточала массу комплиментов и похвалы в адрес маленького свободолюбивого народа Суоми.

Считалось долгом приличия дать завышенные цифры потерь советской стороны и заниженные потери у финнов. Подчеркнуть бездарность красноармейцев и их командиров, расписать в числах и лицах кошмары, творимые большевиками и лично Сталиным в стране и дать крайне неблагоприятный прогноз развития военного конфликта, ненавязчиво сравнив его с Мукденом и Цусимой.

Особым почетом пользовалась карикатура, сюжет рисунков которой, сводился к одному. Либо кровожадный медведь в 'буденовке', либо курящий трубку Сталин больно ранили лапу или руку, об острый финский штык или шип. Все остальное разнилось только в том, что крикнет обозленный неудачей персонаж карикатуры и как больно ему будет от полученного укола.

Все это помогло финнам в конце избавиться от охватившего их страха от внезапного

русского вторжения и повысить свою самооценку. Полностью поверив в свои силы, гордые дети Суоми стали строить планы уже не только на Восточную Карелию и Архангельск, но и на другие 'исконно финские земли' лежавшие к востоку от них.

Время, оставшееся до середины марта, стремительно уменьшалось, неумолимо приближаясь к точке не возврата, после прохождения которой, уже ничего нельзя было исправить.

Для прорыва оборонительных укреплений врага, Москва предоставила комфронту все, что он только мог попросить. Из дальнего тыла на Карельский перешеек в срочном порядке перебрасывалось эшелоны с людским пополнением и боеприпасами. По приказу Генерального Штаба туда свозились артиллерийские дивизионы крупнокалиберных орудий, предназначенные для уничтожения бетонных сооружений противника.

Согласно, личному распоряжению Сталина, в обстановке секретности, на фронт были отправлены на обкатку несколько новых танков Т-34 и КВ-1, производство которых только-только началось на танковых заводах страны.

Получили свою долю 'праздничного пирога' и простые солдаты. Получив крепкий нагоняй от генсека, интенданты округов спешно грузили идущие на фронт вагоны, валенками, полушубками, теплыми рукавицами и ушанками. Вместе с ними шли эшелоны с продуктами, что не портились и легко приготавливались в условиях севера.

Не забыт был и культурные потребности красноармейцев. Чья-то светлая голова предложила отправить на фронт несколько культурных бригад для повышения боевого духа бойцов. Это предложение нашло горячий отклик у вождя, и соответствующий приказ был незамедлительно отдан, что не вызвало горячего отклика среди некоторых представителей московской богемы.

Одна столичная певица прославившаяся исполнением народных песен, упорно отказалась ехать на встречу с солдатами, заявляя, что на пение на морозе может серьезно повредить её голосовым связкам. Говорила она это вполне искренне, но доводы народного соловья остались не услышанными высоким начальством. Более того, ей было сделано такое строгое внушение, её так проработали, что ноги сами понесли песенную диву на вокзал, вслед уехавшей концертной бригаде.

Воспитательную беседу, оставивший в душе певицы глубокий след. В Великую Отечественную войну она активно выступала на всех фронтах, снискав к себе заслуженную любовь и славу у простых солдат и командования.

Страна и лично товарищ Сталин не скупился ради того, чтобы конфликт с Финляндией был завершён в самые короткие сроки. Командарму Тимошенко дали все, что он только попросил и даже немного сверху. Его не понукали, не торопили с началом наступления, лишь только указав последний временной рубеж, после пересечения которого, с него спросят со всей строгостью и пролетарской беспощадностью.

Наступление на Карельском перешейке началось в самых первых числах февраля силами двух армий, чьи могучие кулаки дружно навалились на вражескую оборону. Их главными составляющими были артиллерийские дивизионы 152мм и 203мм гаубиц, подтянутых к местам нанесения главного удара по противнику.

Перед началом операции, в штабе фронта шли жаркие споры о длительности советской артподготовки. Командарм Мерецков предлагал ограничиться пятью днями непрерывной бомбардировки укреплений противника. Его мнение поддержал начштаба армии, но у комфронта было иное мнение.

Хорошо помня как, командарм сильно обжегся во время декабрьского штурма 'линии Маннергейма', Тимошенко настоял на более продолжительном артобстреле.

— Считаю, что для гарантированного прорыва укреплений противника, фронту необходимо провести десятидневную артподготовку. Снарядов и орудий для этого у нас хватит.

— Но ведь это не меньше десяти тысяч снарядов в день, товарищ командарм! — с тоской в голосе воскликнул начштаба, но Тимошенко его резко оборвал.

— Не надо экономить там, где эта экономия выйдет нам боком! Родина и товарищ Сталин дали нам все, чтобы мы до середины февраля прорвали оборону врага, и мы должны оправдать оказанное нам высокое доверие. Приказываю провести артподготовку в течение десяти дней и ни днем меньше — громыхнул начальственным баритоном командарм и на этом прения закончились.

Следуя полученному приказу, главные штурмовые калибры фронта десять дней, непрерывно утюжили всю передовую линию финской обороны. Методично перемалывая в прах лес, камни, гранитные валуны, вместе с окопами, траншеями, дотами, дзотами, подвергая их защитников невыносимым испытаниям.

В большинстве случаев бетонные укрепления финнов с честью выдержали удар 'русских кувалд', чего нельзя было сказать о людях. Любое попадание в бетонные стены и своды дотов вызывало сильный звуковой удар по находящемуся внутри него гарнизону.

Попав под коварное воздействие акустики, храбрые финские парни испытывали сильный душевный дискомфорт. Уже к концу второго дня во всех попавших под обстрел дотах царило уныние и апатия. Никто не ставил патефон с песней 'Нет Молотов!', никто не плясал парами и не вскидывал лихо кулаки как прежде. Все хотели только одного, дожидаться окончания бомбардировки и заснуть в наступившей тишине.

По мнению китайских заплечных дел мастеров, пытка звуком способна довести человека до сумасшествия и десятидневный обстрел русской артиллерией наглядно подтвердил правдивость их слов. После пятого дня бомбардировки, командиры дотов были вынуждены провести ротацию своих солдат, не выдержавших пытку звуком.

Ещё недавно храбрые и смелые финны, бодро расппевающие боевые песни и готовые умереть ради спасения Суоми, представляли собой жалкое зрелище. Усталые и изнеможенные, с красными от недосыпа глазами они буквально рыдали перед своими командирами, стоя на коленях.

— Господин лейтенант, я больше не могу! Ещё один день и я сойду с ума сидя в этой проклятой коробке! — кричали несчастные солдаты, размазывая ладонями слезы, по заросшим щетиной щекам и это было истиной правдой.

Были случаи когда, не выдержав испытание и потеряв над собой контроль, солдаты покидали свои убежища и выбегали наружу, прямо под разрывы вражеских мин и снарядов.

От этой чудовищной пытки нервы сдавали не только у простых солдат и сержантов, но и у офицеров. С трудом сдерживая рвущие из груди крики отчаяния, они умоляли по телефону вышестоящее начальство прислать им замену.

— Ещё один день господин полковник и я не выдержу! Я застрелюсь, только бы не слышать эти проклятые русские колотушки! — взывали лейтенанты с капитанами и очень часто, начальство шло им навстречу.

За все время вражеской бомбардировки гарнизоны ботов были заменены до половины, а в некоторых случаях почти полностью.

Чтобы хоть как-то спастись от изматывающих звуковых ударов, солдаты заталкивали в уши клочки ваты, опускали и завязывали свои шапки, накрывали головы пледами и одеялами, но это мало им помогало. После каждого попадания снаряда, сильный вибрирующий звук нещадно бил по мягкой обороне финнов, заставляя многих солдат кричать: — Нет Молотов! Нет Молотов!

Эти крики были своеобразным оберегом для гордых детей красавицы Суоми от коварных происков сталинского наркома. Никто из них в глаза не видел Вячеслава Михайловича, но благодаря пропаганде считали его главным злом для своей страны.

Утро одиннадцатого дня многие защитники 'линии Маннергейма' встретили с облегчением. И пусть в этот день началось наступление врага, лучше встретиться с ним лицом к лицу и погибнуть, чем сойти с ума сидя в бетонной коробке.

Главным направлением наступления 7-й армии, командарм Мерецков избрал направление деревни Сумма. Именно там, по мнению Кирилла Афанасьевича, было легче прорвать оборону врага, но в очередной раз его надежды не оправдались.

Несмотря на огонь 203 мм гаубиц, советским артиллеристам удалось лишь серьезно повредить только один бетонный полукапонир противника. От прямого попадания снаряда частично обвалился бетонный потолок дота? 2, придавив часть находившихся в нем солдат. Все остальные доты худо-бедно выдержали испытание 'русских колотушек' и встретили атакующие порядки красноармейцев пулеметно-пушечным огнем.

Понеся изрядные потери от огня советских артиллеристов, финская пехота прикрытия не смогла удержать свои окопы с траншеями, и была вынуждена отступить, но сами доты продолжали упорно держаться.

Не смогли переломить ход сражения и брошенные на прорыв обороны противника новейшие танки Т-34 и КВ-1. Благодаря им, удалось привести к молчанию дот? 2, считавшийся ключевым узлом финской обороны.

Неуязвимые для противотанковых пушек противника, огнем своих мощных орудий бивших прямой наводкой по амбразурам дота, они смогли полностью уничтожить его защитников.

Следовавшие за ними пехотинцы не встретили ни малейшего сопротивления, когда окружив руины дота, установили на нем красное знамя. Оно было хорошо видно в бинокли и стереотрубы на наблюдательных пунктах и дало повод сообщить 'наверх' о долгожданном прорыве обороны противника.

Двигаясь по цепочке от батальона в полк, а затем в дивизию и корпус, это известие рождало необоснованную надежду на успех, который в этот день так и не состоялся.

Могучая танковая поддержка, так удачно дебютировавшая, к огромному разочарованию пехотинцев очень быстро сошла на нет. У одного из двух танков Т-34 неожиданно возникли проблемы с коробкой передач, и он был вынужден покинуть поле боя. Через несколько минут грозный КВ, подъехавший к доту, для обстрела его амбразур прямой наводкой наскочил на мину и, лишившись гусеницы, встал неподвижной громадой.

Оставшаяся в гордом одиночестве тридцать четверка попыталась продолжить бой, но высокое начальство, напуганное таким развитием событий, отдало приказ машине немедленно возвращаться. За каждый танк оно персонально отвечало перед Москвой и потому не захотело рисковать.

Атака же танками прорыва не принесло ожидаемого успеха. Засевшие в дотах финны огнем своих орудий смогли уничтожить семь Т-28 и продвижение пехоты вглубь вражеской

обороны благополучно захлебнулась.

Единственным успехом этого дня стало отражение контратак противника, пытавшегося вернуть себе утраченные траншеи. Огнем танков и минометов, советские пехотинцы отразили две атаки финнов, нанеся им серьезные потери.

Раздраженный Мерецков приказал артиллеристам сравнять с землей укрепления противника, отправив им в помощь ещё одну гаубичную батарею. Благодаря этому, к концу следующего дня советским артиллеристам удалось разгромить все доты передовой линии врага. Казалось, что дорога к долгожданной победе открыта, однако находившийся на задней линии обороны дот 'миллионик' оказался камнем преткновения на пути советской пехоты. Его пулеметы работали исправно, а рельеф местности не позволял красноармейцам обойти злополучный дот.

Видя бедственное положение пехотинцев, командир гаубичного дивизиона предложил пойти на риск и для уничтожения дота предложил пойти на риск и выставить орудия на прямую наводку, но командарм не поддержал это предложение. Вместо него, он ввел в дело свой главный артиллерийский резерв в виде батареи 280мм мортир.

Спешно доставленные на передовую, они весь день утюжили 'миллионик' и его окрестности своими мощными снарядами, но всего что они смогли добиться — это уничтожить западный капонир дота.

Неизвестно сколько времени пришлось бы потратить на окончательного прорыва финской обороны, но к началу четвертого дня финны оставили свои позиции, в связи с прорывом советских войск в районе Лядхе.

Определенное как место вспомогательного удара, это направление по замыслу командарма Мерецкова должно было приковать к себе внимание финнов и тем самым помочь войскам, наступающим на Суммы.

Желая иметь полную свободу рук для принятия важных решений, Кирилл Афанасьевич возложил всю ответственность за проведение наступления под Лядхе на комдива Рокоссовского.

— Тимошенко прислал его помогать нам, вот пусть и помогает, оттягивая на себя силы финнов. Чем лучше он это сделает, тем легче будет наступать нам здесь — пояснил командарм свою задумку начштабу и тот полностью согласился.

— Пусть покажет, как нужно воевать не числом, а умением — усмехнулся он, выделяя бывшему заключенному силы и средства для штурма вражеских укреплений.

Оба командира были уверены, что Рокоссовский не добьется успеха, однако комдив утер им носы. Имея гораздо меньше артиллерии и живой силы, он за два дня боев, прорвал главную линию обороны противника.

Пока комиссары и агитаторы вели разъяснительную работу с рядовым составом, в штабе дивизии состоялось совещание под председательством Рокоссовского. На него были приглашены командиры полков и соединений, которым предстояло штурмовать укрепления финнов.

Получив приказ явиться на совещание, комполка Телегин взял с собой Любавина. Хотя он неделю назад сдал батальон майору Малькову и был как бы ни у дел, комполка настоял на его присутствии.

— Ты лучше всех нас знаешь на деле обстановку вокруг этого проклятого 'миллионика' — заявил Телегин и его слова полностью соответствовали действительности. За все время своего нахождения на передовой, Любавин изучил передний край обороны противника как

свои пять пальцев.

Не ограничиваясь только одним наблюдением, он настоял на проведение глубокой разведки, которая дала, свои плоды. При этом Василий пошел в разрез с рекомендациями штаба отправлять за линию фронта разведгруппу численностью не меньше пятнадцати — двадцати человек.

— Десять — двенадцать человек много шуму наделают в лесу, а уж пятнадцать и подавно. Финны их обязательно засекут, а вот пять человек, наверняка смогут тихо пройти — советовали Любавины бывалые охотники и старший лейтенант прислушался к их советам.

Как следствие принятого им решения, за все время походов в тыл противника, у разведчиков было всего одно боестолкновение с финнами. Тогда как другие разведгруппы соседей, вели бои с вражескими солдатами с завидной регулярностью.

После того, как командир дивизии полковник Дынин довел до командиров приказ командующего армии о наступлении, Рокоссовский предложил командирам высказываться о том, как правильнее следует использовать артиллерию. Вести огонь с закрытых позиций или выкатить орудия напрямую наводку и сразу возникли споры.

Гаубичные батареи уже семь дней исправно кромсали финскую передовую и, наблюдая за разрывами снарядов, многие командиры считали, что оборона противника доживает свои последние дни.

— Да, там уже живого места не осталось! Наверняка уже все подчистую снесено вместе с этим чертовым 'миллиоником'! — раздались голоса сторонников ведения огня с закрытых позиций, и их было подавляющее большинство.

— Правильно, товарищи, — поддержал их Дынин. — Наши славные артиллеристы своим огнем, несомненно, в пух, и прах разбили доты противника. А если что у финнов и уцелело, то за оставшееся время полностью и окончательно их добьют. Гаубицы товарища Дерягина сделали свое дело, остальное за пехотой.

Полковник повернулся к Рокоссовскому, полностью уверенный в том, что вопрос об артиллерии закрыт, но у комдива было иное мнение. Он хотел услышать не решение коллективного собрания, а мнение командиров воинских подразделений.

— Следуя старой военной традиции, я предлагаю каждому из присутствующих высказать свое видение вопроса и по возможности обосновать его. Первым, должен говорить самый младший по званию командир — сказал комдив и этим человеком оказался Любавин.

— Я предлагаю вести огонь по дотам врага прямой наводкой, — предложил Василий и от его слов Дынин скривился, как будто ему в рот попало, что-то кислое.

— Вы не верите в то, что артиллеристы подполковника Дерягина хорошо стреляют. Я вас правильно понимаю, товарищ старший лейтенант? — холодно уточнил Дынин у Любавина и от его тона дознавателя, в комнате стало напряженно тихо. — Объясните нам, почему мы должны подвергать дополнительному риску наших артиллеристов? Только по тому, что вы так считаете?

Дынин всем своим голосом и видом пытался донести до Любавина ошибочность его предложения, но старший лейтенант продолжал упорно стоять на своем.

— Конечно, мы серьезно рискуем, выставив орудия на прямую наводку, но это даст возможность вести прицельный настильный огонь по врагу. Я в течение семи дней наблюдаю, за передовой противника и у меня нет твердой уверенности в том, что вражеские доты полностью разрушены.

Любавин достал из планшета блокнот и, заглянув в него, стал излагать свои аргументы.

— От огня нашей артиллерии серьезно пострадали проволочные заграждения противника, которые он пытается восстановить в ночное время суток. В места расположения дотов врага, согласно докладам наблюдателей отмечалось от двадцати пяти до тридцати шести попаданий снарядов нашей артиллерии. От этого наблюдается разрушение земляной насыпи над дотом? 4 и частичное повреждение его стен. Что касается 'миллионика' то видимых повреждений от огня нашей артиллерии не выявлено.

— Не пойму, что вы хотите сказать собранию, Любавин? То, что у финнов непробиваемые доты или, что мощность наших снарядов отличается от заявленных данных? Поясните нам суть своих слов — властно потребовал Дынин, которому уже надоел спор со строптивым оппонентом.

Будь на месте Любавина старший по возрасту командир, то он уже давно проявил благоразумие и согласился с мнением командира дивизии, однако старший лейтенант не собирался этого делать. Молодой задор подталкивал его отстаивать собственное мнение, не услышав аргументированных контр-фактов. Кроме этого, Василия поддерживало присутствие на собрание Рокоссовского, в котором он видел не салтыковского 'органчика', а думающего командира.

— Я всего лишь излагаю доводы в пользу ведения по вражеским дотам огня прямой наводкой и только — сдержано ответил Дынину Василий, у которого нестерпимо ныла нога, он непрерывных тычков, сапога майора Телегина.

— Неужели вам не понятно, что ваши доводы не состоятельны — начал Дынин, но комдив его не поддержал.

— Проверить состоятельность доводов товарища Любавина можно только на практике. Вы полностью уверены в том, что для подавления дотов противника следует установить орудия на прямую наводку?

— Да, товарищ комдив. Ровно, как и в том, что для уничтожения дотов понадобится команда саперов, для их подрыва.

От этих слов у Дынина перехватило дыхание, и он от злости побагровел. С трудом справившись с обуревавшим его гневом, он вздохнул глоток воздуха и собрался обрушить на строптивца весь свой командный гнев, но его опередил Рокоссовский.

— Это хорошо, что вы так уверены в своих расчетах, товарищ Любавин. Думаю можно будет предоставить ему возможность на деле доказать свою правоту. Насколько я помню, вы командуете батальоном. Этого вполне хватит для создания ударного соединения, чье наступление будет поддерживать огнем одна специально выделенная батарея. Вы согласны с таким вариантом, товарищ Дынин? — комдив требовательно посмотрел на полковника и тот не нашел в себе смелости не согласиться с мнением представителем штаба фронта.

— Думаю, в качестве исключения можно, товарищ Рокоссовский — выдавил из себя Дынин и, метнув убийственный взгляд в сторону Василия, добавил.

— Как говорил товарищ Горький, безумству храбрых поем мы песни. Но это совсем не означает, что в случае неудачи с них не будет спрошено по всей строгости — изрек предупреждение Дынин и поспешил закрыть совещание командиров.

Стоит ли говорить, с каким настроением в дивизии ждали разрешения этого спора. Многие откровенно жалели Любавина, говоря, что зря он вступил в конфронтацию с командиром дивизии.

— К чему все это упрямство, ведь ясно, что не по Сеньке шапка шита. Как командир скажет, так и будет — важно говорили познавшие горечь жизненных ошибок 'Фемистоклы

из Замоскворечья'.

— Это верно, — соглашались с ними 'Мильтиады' с той же пропиской — молодой ещё, видно мало его жизнь ломала. Даже если он и прав, командир всегда оказывается прав.

В их рассуждениях была своя доля правды, но Любавин совершенно об этом не думал. Перед ним стояла задача взять укрепления врага по возможности малой кровью, и он делал все, чтобы как можно лучше выполнить её.

Прогноз Любавина о том, что огонь с закрытых позиций не сможет подавить огневые точки врага, оправдался частично. За оставшиеся до штурма сутки артиллеристы интенсивно обстреливали финские доты и добились серьезных успехов. Так дот? 4 получил серьезные повреждения и к моменту штурма только две его амбразуры открыли пулеметный огонь по наступающим красноармейцам.

Выкаченные на прямую наводку орудия смогли привести пулеметы финнов к молчанию, до того как в дело вступили танки Т-28, идущие на штурм вражеской обороны вместе с пехотой. Артиллеристы били по амбразурам довольно точно и уже после третьего залпа, дот уже не огрызнулся пулеметными очередями.

Сказывалась хорошая тренировка на специально созданном для артиллеристов полигоне, но героями дня оказались не они, а саперы. Как не старались 'боги войны' они не смогли разрушить крышу и стены 'миллионика', пулеметы которого не позволяли стрелкам продвинуться вперед и вышибить финнов засевших во рву тыловой бетонной стенки.

Возводя этот участок обороны, финские инженеры намеривались построить второй дот 'миллионик', но отпущенных государством денег хватило на создание стенки и рва, в котором могла находиться пехота. Гаубичные снаряды превратили этот последний заслон врага в груды развалин. Достаточно было одного удара и 'линия Маннергейма' была бы прорвана, но пулеметы 'миллионика' не позволяли его сделать.

Только когда саперы на санках, под прикрытием огня двух танков смогли доставить к доту заряд большой мощности и подорвать его под амбразурой, наступил кризис финской обороны. Бетонная стена обвалилась внутрь дота и погребла под своими обломками пулеметный расчет этого сектора.

Прошло много времени, пока находившиеся в другой части капонира пришли на помощь своим товарищам и попытались задержать продвижение красноармейцев. С этой целью они распахнули дверь и, выставив наружу пулемет, открыли огонь по наступающим пехотинцам.

Подобные действия свидетельствовали о храбрости и смелости финских солдат, но, к сожалению, для них они не смогли остановить наступление советских солдат. Едва только из недр дота застучал пулемет, как один из прикрывавших пехоту танков развернулся и мощным пулеметно-орудийным огнем уничтожил пулеметный расчет финнов.

Опасаясь, что красноармейцы ворвутся внутрь дота, солдаты его гарнизона поспешили укрыться за его стенами, закрыв толстую бронированную дверь, однако это не спасло их от гибели. Советские саперы уничтожили дот, взрывами большой мощности. Сначала они обвалили крышу восточного капонира 'миллионика', а затем двумя взрывами разрушили его западное крыло.

Подобная участь была и у дота? 4, для полной ликвидации которого хватило одного заряда. Истерзанное взрывами строение не выдержало целенаправленного удара и рухнуло, подавив под своими обломками тех, кто не успел его покинуть.

Полностью взять эти два очага сопротивления под свой полный контроль и водрузить над ними в качестве знака победы красные знамена, советская пехота смогла только утром

следующего дня. Когда главные силы уже ушли далеко вперед, громя и уничтожая тылы войск противника.

Прорыв под Лядхе полностью изменил положение дел на всем перешейке. Не веря до конца, что русским удалось прорвать их легендарную линию обороны, финны затаили с отводом войск с линии обороны и теперь горько расплачивались за это.

Теперь финские войска создавали пробки на дорогах, пытаясь успеть уйти к запасным позициям обороны в районе Муолаа. Для того чтобы успеть опередить наступающих красноармейцев, финны бросали тяжелое вооружение, машины и пешком отступали на север.

Теперь финны, с опаской смотрели вверх и истово молили бога, чтобы в небе не было русских самолетов. Уж слишком заманчивой целью были колонны отступавших финских войск для нанесения бомбового удара. И господь не оставил их своей милостью. В числе тех самолетов, что летали в эти дни над лесами перешейка, в основном были самолеты наблюдатели, фиксировавшие перемещение войск противника. Изредка по отступавшему противнику наносили удары звенья истребителей, однако действовали они разрозненно, наносили удары наугад и потому, серьезного ущерба солдатам противника нанести не могли.

Чтобы хоть как-то задержать наступление Красной армии, финны применяли такой простой, но очень действенный способ как завалы. Порой для их создания уходило около получаса, чтобы соорудить стену из поваленных деревьев, надолго закрывавшую дорогу для прохождения.

При возведении завалов, финны проявляли изобретательность. Иногда, за завалом оставались пулеметчики смертники прикованные цепью к стволам деревьев. Иногда там находились имевшие пространство для маневра добровольцы, а иногда вместо них, советских солдат ждали замаскированные фугасы.

Благодаря завалам, в первые два дня темп продвижения к Муолаа советских войск заметно снизился, но затем пехотинцы и танкисты нашли действенное противоядие. Первыми к завалам подходили танки, которые сначала огнем своих орудий и пулеметов проверяли крепость финской обороны, а потом при помощи тросов, растаскивали завал из стволов.

Подходя к завалам, наученные горьким опытом декабрьских боев танкисты не спешили подставлять свои бока под бросок связки гранат или бутылок с зажигательной смесью. Приблизившись на пятьдесят-шестьдесят метров, они неторопливо расстреливали из пулеметов и орудий находившихся по ту сторону баррикад солдат противника.

Особенно хорошо было, если среди наступающих соединений были танки огнеметы. Выпущенные из них струи огня легко поджигали завал из бревен и спрятавшимся за танки, солдатам оставалось только ждать, когда финны отойдут от завалов или взорвутся спрятанные под ними мины.

Выбранная финнами тактика позволила им к середине февраля без серьезных потерь произвести отвод войск от главных рубежей обороны к рубежу Муолаа. Отступающие солдаты несли больше потерь не от огня преследовавшего их противника, сколько от сильных морозов, ударивших по Карельскому перешейку. После рождественских и крещенских холодов, ударившие на Сретенье морозы были прощальным приветом от матушки Зимы, доставившие серьезные проблемы для обеих воюющих сторон. И финны и русские несли потери от болезней, но это никоим образом не могло сказаться на общем положении дел, на фронте.

'Линия Маннергейма' была прорвана и на всю Финляндию обрушилась волна уныния. В ресторанах и кабаках финской столице уже не играли веселую музыку и не крутили ставшую гимном сопротивления 'Нет Молотов!'. Обыватели приготовились потуже затянуть пояса, а президент Каллио и премьер Рюти обратили свои испуганные взоры на Запад, в надежде на защиты и помощь о дикого русского медведя.

Сделанный им доклад маршала Маннергейма не оставлял политикам ни малейшей надежды. Как бы ни храбро финские солдаты с врагом, как бы медленно не наступали русские войска, исход войны предрешен. Капитуляция Финляндии была вопросом времени, и только вмешательство в войну третьей стороны могло избавить красавицу Суоми от позора.

— Пора господам Чемберлену и Даладье прислать в Финляндию свои войска, как это было обещано ими ранее. Пора Англии и Франции объявить войну Сталину. Одно только это заставит диктатора задуматься и остановить свои войска! — кипятился Рюти, но Маннергейм не разделял его мысли и надежды.

— Я не стал бы возлагать большие надежды на то, что объявление войны России заставит Сталина остановить свои войска. Англичане и французы объявили Гитлеру войну после того как он напал на Польшу и что из этого вышло? Где сейчас находятся их войска, и что стало с Польшей? — жестко кольнул маршал премьера и тот незамедлительно взвился.

— Вы рассуждаете так, потому что вы просто военный, а не политик! — выпалил Рюти оскорбленный столь вопиющим невежеством военного министра. — Не все мерится армия и пушками, господин маршал. Это все малые винтики Большой политики, у которой существуют свои законы и понятия.

— Ничего не имею против госпожи Большой политики, но объясните мне, пожалуйста, почему всю свою помощь господин Чемберлен и Даладье направляют нам через Норвегию и Швецию, а не напрямую, через Петсамо? Чем лучше норвежский Нарвик лучше нашего порта? Ведь отправка через него грузов только удлиняет путь их получения?

— Потому что так удобно англичанам с французами и безопаснее от русских боевых кораблей и подлодок! Они не могут напрямую направлять нам грузы ни через Балтику, ни через Баренцево море, только через Нарвик.

— И когда они намерены начать высадку обещанного десанта в Мурманске? Я уже говорил и повторю снова, к Благовещению русские войска будут в Хельсинки и господам союзникам, уже некого будет спасать — хмуро напомнил о реалиях простого дня, а не Большой политики.

— Я сегодня встречался с господином Канингеймом, и он назвал мне новые сроки высадки союзного десанта в Мурманске. Крайний срок этой операции двадцать первое марта, возможно, её начало будет перенесено на восемнадцатое марта! — воскликнул премьер, упреждая гневный упрек Маннергейма.

— А до этого мы должны сами сдерживать русских!?! — не удержался финский главнокомандующий.

— Нет, господин маршал! Наши дорогие союзники подумали и об этом. Уже отдан приказ о переброске к нам польских соединений из Франции. Пока речь идет о двух бригадах, но к середине марта их будет целый корпус — радостно объявил Рюти, но его слова не очень обрадовали собеседника.

— И кто ими будет командовать? Кому они здесь будут подчиняться мне или назначенному из Лондона командиру.

Вопрос маршала застал врасплох премьера. Он сообщил столь важную и приятную для всех новость и надо же её так испортить. Нет, маршал Маннергейм ничего не понимает в политики!

Возникшую заминку попытался сгладить Каллио. — Господин маршал, я твердо обещаю вам, что польские солдаты будут также подчиняться вашему командованию, как и остальные добровольцы, прибывшие к нам из Европы и Америки.

— Я очень на это надеюсь, господин президент — сдержанно молвил Маннергейм и поспешил откланяться. Враг был у ворот финской столицы, и нужно было спешить.

Глава XIV. Красные маки Виипури

Измотанные и понесшие крупные потери в результате боев на перешейке, войска генерала Эстермана не смогли удержать наступление Красной армии, на подступах к линии дотов в районе Муолаа. Испытывая нехватку времени, сил и возможностей, они не успели создать крепкую оборону на этом рубеже до подхода соединений противника. Все их отчаянное сопротивление носило разрозненный характер. Его хватило на отражение натиска передовых сил 7-й армии, но против натиска танков и пехоты командарм Мерецкова финны оказались бессильны.

Свою роль в прорыве финских позиций сыграла своя роль и авиация противника. словно стряхнув с себя изрядно затянувшуюся зимнюю спячку, советские летчики появились в небе над Муолаа и, несмотря на отчаянное сопротивление редких финских зенитных батарей, буквально засыпали оборону врага бомбами.

За два дня непрерывных бомбежек, смертоносный град, сброшенный на землю 'сталинскими соколами' смел наспех созданную оборону предполья противника. В ней возникли опасные бреши, сквозь которые неудержимым потоком хлынули советские танки и пехота.

По своему количеству это были не очень крупные соединения, но и их хватило, чтобы оборона финнов была прорвана и легкие танки Т-26 вышли на оперативный простор. Напрасно генерал Эстерман умолял Маннергейма прислать ему хотя бы немного подкрепления за счет войск с направления Ладоги или Кандалакши.

Несмотря на весь трагизм положения армии Перешейка, главнокомандующий не рискнул снять ни одного соединения из района Западной Карелии или Северной Финляндии, опасаясь, что эти действия могут привести к общему ухудшению положению на фронте.

— Нет никаких гарантий того, что обнаружив переброску наших войск, противник не предпримет попытку нового наступления, которое неизвестно чем может закончиться. От этих русских можно ожидать чего угодно, в том числе и невозможного — аргументировал свой отказ Маннергейм и Эстерману, приходилось проявлять чудеса изворотливости, дабы своими скудными резервами, повторить свой декабрьский успех.

Для этого, определенные шансы у генерала Эстермана были. Запасной рубеж финской обороны занимал межозерное пространство, что в определенной мере ограничивало советским войскам простор маневра, и состоял из трех линий бетонных дотов.

Также, сдерживать наседающего противника финнам помогали его старые болячки в виде упрямого нежелания советского командования проводить инженерную разведку местности, по которой предстояло наступать. Два дня, передовые части Красной армии пытались сходу, малыми силами прорвать переднюю линию финских укреплений на Муолаа и каждый раз терпели неудачу, неся неоправданные потери.

Только после этого находящиеся в авангарде подразделения стали выяснять точное

положение дотов противника. Передать их координаты артиллеристам, которые расправлялись с ними радикальным образом. Отказавшись от стрельбы с закрытых позиций, он выкатили на прямую наводку свои 203 мм гаубицы и принялись громить финские доты. Вскоре, многие амбразуры вражеских укреплений были разрушены прямыми попаданиями в них снарядов, а находившиеся внутри солдаты пострадали от осколков снарядов и кусков упавшего внутрь бетона.

Конечно, финны не могли позволить противнику безнаказанно расстреливать свои укрепления. Ответным огнем финские артиллеристы смогли уничтожить несколько русских гаубиц, но полностью сорвать наступление, они не смогли.

При поддержке танков БТ, наступающие цепи красноармейцев достигли линии дотов и попытались их захватить. Мощности танковых орудий хватило, чтобы уничтожить или привести к молчанию несколько дзотов, в чью задачу входило прикрытие промежутка между дотами. Один за другим они прекращали свое существование, но вот разрушить стены бетонных казематов, пусть и поврежденных дотов, они не могли.

Каждый из них представлял собой мощное бетонное укрепление размером 35 на 12 метров, имевших по три каземата с пулеметно-пушечными амбразурами, чей огонь не позволял советским солдатам продвигаться вперед.

Стараясь не попасть под огонь финских батарей, они фланировали на узком 'пяточке' пространства огнем своих пулеметов срывая атаки противника. Несколько раз, храбрые сыну Суоми пытались контратаковать и отбросить русскую пехоту от поврежденных дотов, но каждый раз неудачно.

В отчаянии, видя, как советские солдаты забрасывают внутрь дота гранаты и ведут через разломы в стенах пулеметный огонь по его защитникам, финны ударили по ним из артиллерии. Столь смелые и необычные действия противника заставили красноармейцев отступить вместе с имевшими легкую броневую защиту танками БТ.

Финны смогли восстановить свое положение, но как оказалось ненадолго. Уже через полчаса по ним ударили танки Т-28. Своим пулеметно-орудийным огнем они обратили солдат противника в бегство, а подошедшие к дотам саперы, взрывами большой мощности обвалили стены и крыши этих бетонных сооружений.

Примерно по такой же схеме действий была прорвана и вторая линия финской обороны. Единственное отличие заключалось в том, что наткнувшись на огонь из дотов, советские войска сразу отошли и стали организовывать инженерную разведку местности. Когда же картина прояснилась, заговорила артиллерия и в дело вступили танки.

Не всегда их атаки можно было назвать удачными. Сказывалось отсутствие опыта совместных действий танков с пехотой, торопливость в принятии решений, а также шаблонность в ведении боя. Вместо того, чтобы атаковать сразу крупными силами, командование вводило свои подразделения по частям, не смея отказаться от этой губительной тактики.

В определенной мере, этот опасный элемент, компенсировался личной инициативностью младших командиров, принимавших решение по ведению боя, исходя из сложившейся на поле боя обстановки. Так командиры батальонов, не имея приказа командования, но исходя из целесообразности, самостоятельно устанавливали связь с артиллеристами и во время ведения боя и напрямую передавали им заявки по ведению огня.

Сходная картина была и с танкистами. По достигнутой между командирами договоренности, идущие в атаку танки, не рвались вперед на всех скоростях, а старались

двигаться на врага вместе с пехотными цепями.

По мере наступления, между танкистами и красноармейцами вырабатывался своеобразный стиль действия. Огнем своих пулеметов и пушек танкисты открывали дорогу наступающей пехоте, а та в свою очередь оберегала целостность броненосных машин от гранат и бутылок с горючей смесью.

Конечно, данный вид совместных действий был далек от идеала, бывали досадные сбои, приводившие к потерям, но худо-бедно, войска продвигались вперед. Те доты, что устояли от огня советской артиллерии и по чьим амбразурам советские танкисты не могли вести прямой прицельный огонь, разрушались саперами, а уцелевших после взрывов финнов добивали красноармейцы.

Так методом тыка, проб и ошибок, к 22 февраля передовые соединения 7-й армии вышли к последнему рубежу финской обороны.

Неизвестно как долго бы они её прорывали, но в дело вмешалась природа. В ночь с 22 на 23 февраля в районе Муолаа разыгралась сильная метель. Мело так, что ничего не было видно на расстоянии пяти метров и что самое главное, ветер дул в направлении финнов. Наступать в подобных условиях было очень трудно, но командарм Мерецков решил рискнуть, сделав ставку на внезапность.

Атака началась без огневой подготовки и применения танков. Выставив вперед штыки, советские солдаты бросились в атаку и одержали победу. Застигнутые врасплох финны не оказали серьезного сопротивления и обратились в бегство.

Напрасно выбиты из своих траншей солдаты ожидали помощи от гарнизонов дотов. Полностью отрезанные от остального мира сплошной стеной падающего снега, они не видели, что творится рядом с ними. Из-за разыгравшейся метели финские пулеметчики полностью лишились обзора, и весь их огонь уходил практически в никуда.

К утру советские войска не только выбили финнов из их траншей, но и заставили отойти от дотов. Все бетонные укрепления противника оказались в окружении, однако быстро продвинуться дальше не удалось.

Белый союзник, скрывший атакующие цепи от вражеских пулеметов, прочно преградил дорогу красноармейцам. Сразу после метели ударили морозы, прочно сковавшие выпавший снег.

Как шутили солдаты, теперь вместо бетонных укреплений врага им предстояло брать снежные. Засевшие в хуторах финские солдаты оказывали ожесточенное сопротивление. За один день, они по несколько раз переходили из рук в руки. В этих местных боях, обе стороны несли большие потери и в первую очередь командный состав наступающих.

Причиной тому была показная храбрость младших командиров, считавших неприличным топтаться перед снежными заносами, после того как прорвана последняя вражеская линия обороны. С пистолетом в руке они смело поднимали своих солдат в атаку на детскую 'снежную крепость' и становились жертвами финских снайперов.

Быстро вычислили командиров по полушубкам и энергичным действиям, они выбивали их, справедливо полагая, что этим самым они сорвут атаку.

Не миновали пули вражеских снайперов и командиров полка, в котором воевал старший лейтенант Любавин. На второй день борьбы со 'снежными городками' он вновь принял командование батальоном. Майор Мальков получил тяжелое ранение, когда пытался поднять в атаку лежавших на снегу солдат. Его полушубок, хорошо различимый на фоне темных солдатских шинелей быстро привлек внимание финского снайпера, снявшего майора

с одного выстрела.

Самого Василия Любавина пули вражеских стрелков миновали, по самой банальной причине. Вместо полушубка он носил шинель и был вооружен солдатской винтовкой. Подобная мимикрия спасала Любавина, хотя его поведение вызывало полное непонимание со стороны высоких 'контролеров', которых черти регулярно заносили на передовую в часы затишья.

Один из таких был полковник Крыков прибывший из штаба дивизии на передовую, после того как батальон Любавина смог выбить и удержать за собой очень важный опорный пункт на дороге на Выборг.

Обрадованный успехом, Крыков стал требовать немедленно продолжить наступление, но это было невозможно сделать. Измученные непрерывными стычками с врагом, солдаты уснули прямо на снегу, и поднять их на ноги было очень трудно.

Любавин сам с трудом стоял перед высоким командованием и слушал его возмущенные речи. Столько нелестных вещей о себе из уст полковника он не слышал ни разу. Случись эта беседа месяца два назад, Василий бы сторел от стыда, но в этот момент он только меланхолично слушал командира, стараясь из всех сил не заснуть.

На его счастье, вслед за Крыковым в батальон приехал майор Телегин, который сумел сменить начальственный гнев если не на милость, то хотя бы на понимание. Оно проявилось в том, что 'увидев' изможденность и усталость солдат, полковник приказал отвести батальон в тыл для отдыха и пополнения.

Пока передовые части пробивались к Выборгу, тыловые соединения зачищали вражеские доты. Пробив брешь в обороне противника, солдаты и саперы при помощи взрывчатки и пулеметов приводили к молчанию находившиеся на флангах бетонные укрепления финнов.

К чести гарнизонов окруженных дотов, следовало признать, что ни один из них не выкинул белый флаг и запросил пощады. Некоторые защитники дотов погибли под развалинами своих укреплений или были уничтожены красноармейцами. Однако большинство пулеметных рот находившихся в дотах под прикрытием ночи оставили укрепления и попытались прорваться к своим.

Очень много дотов достались советским пехотинцам целехонькими, что придавало взявшим их солдатам особую гордость.

— Сами, без танкистов и артиллеристов финнов выбили — важно говорили они друг другу сидя перед костром, пытаясь отогреть озябшие руки.

Так получилось, что дата полной зачистки района Муолаа от солдат противника совпала с выходом советских войск к внешнему обводу обороны Выборга. И случилось это в последний день февраля.

Сами по себе созданные финнами укрепления, не шли ни в какое сравнение с теми укреплениями, что находились на Карельском перешейке. Дело заключалось в тех, кто защищал их, это были польские солдаты, прибывшие в Финляндию из Англии через Нарвик.

По приказу генерала Айронсайда три батальона поляков были переброшены под Выборг, оставшиеся два в район Петсамо. Хорошо вооружены и экипированы, они привезли из туманного Альбиона противотанковые пушки, минометы, а также сильное желание сражаться с большевиками, захватившими их родину.

Вобрав в себя потрепанные соединения Армии Перешейка, они смогли остановить наступление порядком уставших за время преодоления последнего оборонительного рубежа

противника, соединения 7-й армии.

Умело используя особенности местного рельефа, поляки смогли создать крепкую оборону Выборга, которая сумела выдержать атаки советских войск в течение двух дней. Несмотря на климатические условия, поляки ожесточенно сопротивлялись натиску войск командарма Мерецкова, мало в чем, уступая самим финнам, а иногда их и превосходили в умении держать оборону.

Куда меньших успехов добились польские 'добровольцы' на севере Финляндии. Присланной лордом Чемберленом подпитки, оказалось мало для серьезных изменений на Кольском полуострове. Заморские батальоны скорее взбодрили сердца и души, усталых от войны финнов. Они были как бы физическим напоминанием того, что большая Европа не забыла своего маленького северного союзника. Когда же поляки попытались атаковать позиции советских войск в районе полуострова Рыбачий, они не смогли продвинуться вперед. Благодаря хорошей работе разведчиков, советское командование было заранее оповещено о прибытии в Петсамо польских батальонов и было готово к обострению боевых действий на этом участке советско-финского фронта.

Возможные участки наступления были заблаговременно усилены пулеметными ротами и минометными батареями, подтянуты резервы и когда поляки вместе с финнами попытались атаковать, им был дан достойный отпор. Понеся ощутимые потери, противник был вынужден отступить и вернуться на свои исходные позиции.

В некоторых местах финские лыжные отряды предприняли попытку проникновения в тыл советских войск, используя отсутствие сплошной линии фронта в условиях тундры. Находясь в полной уверенности своего превосходства, финские лыжники проникли на советскую территорию, но далеко продвинуться им не удалось. В тот самый момент, когда они посчитали, что самое трудное уже позади, по ним ударил советский лыжный отряд, который нанес незванным гостям неприятные потери.

Попав под плотный ружейно-пулеметный огонь финны, отступили, но на этом их злоключения не кончились. Вставшие на лыжи русские медведи нанесли защитникам Суоми подлый и коварный удар. Следуя их примеру, через никем не охраняемую тундру, они сами проникли в тыл противника и внезапным ударом уничтожили походную базу финских лыжников.

Захватив мирно отдыхавших финнов врасплох, они уничтожили более тридцати человек, при этом никого не взяв в плен. Во время боя погибла одна чухонка, исполняющая на базе обязанности поварихи и мойки.

Её гибель обрела мировую известность благодаря грузинскому эмигранту Карло Свахудзе. Подвизавшись работать на Би-би-си, он активно вещал из лондонской радиостудии обличая преступления сталинского режима. Сидя перед микрофоном, вечно небритый, со стриженным седым бобриком, на примере гибели женщины Карло Свахудзе нарисовал апокалипсическую картину зверства советских солдат над мирными жителями в Финляндии.

Расширено толкую слова 'о бесценности слезы пролитой ребенком', он исступленно призывал ведущие государства Европы поставить заслон перед звериным оскалом большевизма и спасти всех финнов от истребления в жарких песках пустынь Туркестана.

В том, что это может случиться говорили множественные донесения, поступавшие в Москву как по линии НКВД, так и по линии ГРУ.

Англичане и французы сошлись в цене с эмиграционным правительством Польши об участии польских соединений в финском конфликте. Для того чтобы поскорей бросить

польское 'пушечное мясо' в огонь войны, британцы были готовы передать полякам оружие ранее предназначенного для оснащения вновь созданных английских дивизий, включая тяжелое вооружение.

Одновременно с этим шла подготовка союзного десанта на Мурманск. Работая одновременно сразу на трех направлениях; французском, финском и южном, Англия не успевала выполнить начатую ею работу на хорошо и отлично.

Не забывая о том, что находится в состоянии войны с Германией, Лондон ставил во главу угла сначала собственную безопасность. За это, он регулярно получал желчные упреки со стороны Парижа, недовольного медленным наращиванием численности британского корпуса на границе с Германией.

В качестве отместки, французы неотвратимо сокращали число своих солдат в запланированном на март месяц десанте на Кольский полуостров. Приводя в качестве оправдания разведывательные данные о том, что Гитлер готовит нападению на Францию.

Что-либо конкретное о плане немецкого наступления под кодовым обозначением 'Гельб' французы ничего не знали и использовали такую возможность для торгов с англичанами.

Дебаты шли жаркие по итогам, которых было решено, что львиная доля 'северного проекта' ляжет на Англию, тогда как осуществление 'южного варианта' ложится на плечи Франции. Подобный вариант очень устраивал 'лягушатников'. Генерал Вейган, главнокомандующий французских сил в Сирии и Ливане уверял Даладьё и Чемберлена, что к началу мая союзные войска смогут начать боевые действия в районе советского Закавказья. Полностью уверенный в своих силах, этот рьяный поклонник теории итальянского маршала 'Дуэ' предоставил даже сроки уничтожения главных нефтяных узлов Страны Советов.

Так на уничтожение Баку со всеми его приисками Вейган отводил пятнадцать дней. Одиннадцать дней по замыслу генерала выделялось на разрушение Грозного и его нефтеносных месторождений и всего три дня, было зарезервировано для уничтожения терминалов Батуми. После этого, франко-британские войска начинали вторжение на территорию Азербайджана и РСФСР для установления своего контроля над местными залежами нефти.

Начало полноценной реализации 'северного варианта' было определено на 19 марта, плюс — минус один день. Об этом англичане твердо заверили финского президента Каллио и маршала Маннергейма, призвав их любыми усилиями удержать Выборг до этой даты и тем самым избавить Хельсинки от поражения в конфликте со Сталиным.

Называя финнам точную дату начала 'большой войны' французы и британцы надеялись на добропорядочность своих союзников, но жестоко ошиблись. О планах Лондона и Парижа от финнов узнал Берлин, информация из которого плавно перетекла в Москву. Резидентура ведомства Лаврентия Павловича в столице Третьего рейха работала хорошо.

В сложившейся обстановке время играло на руку финнам. Им нужно было продержаться в общей сложности всего двадцать дней, после чего в дело вступали серьезные дяди. Эти обстоятельство положительно влияло на боеспособность державших оборону Выборга финско-польских войск. Точной даты большой войны за исключением верховного командования никто не знал, но настрой на скорое кардинальное изменение положение дел чувствовали все. И потому, каждый прошедший день они воспринимали как маленькую победу над ненавистным врагом.

Следуя канонам военного искусства для взятия Выборга, нужно было сделать паузу,

подтянуть резервы и только тогда проводить штурм города, однако обстановка не позволяла это сделать. В разговоре с комфронтом Тимошенко Сталин попросил ускорить взятие Выборга.

— Прошу понять, что чем быстрее мы возьмем Выборг, тем скорее мы заставим финнов сесть за стол переговоров. Тем сильнее будут наши позиции в разговоре с ними, и тем самым мы не позволим вмешаться в конфликт третьим странам. А желание такое у них есть.

Проникшийся всей ответственностью, командарм заверил Сталина, что Военный Совет фронта сделает все возможное для скорейшего взятия Выборга. С этой целью он отправился в штаб 7-й армии, где у него состоялся обстоятельный разговор с Мерецковым и представителем штаба фронта Рокоссовским.

Каждый из них видел по-своему штурм Выборга. Командарм Мерецков стоял за наступление на город со стороны Финского залива, силами штурмовых соединений, в состав которых входили танки и пехота. Морозы прочно сковали водное пространство залива, открывая советским войскам прямую дорогу по льду в обход оборонительных укреплений противника. Комдив Рокоссовский предлагал взломать оборону врага при помощи авиации и артиллерии, не задействовав для этого дополнительных сил.

Оба варианта имели свои сильные стороны, и представлявшие их командиры упорно отстаивали свою правоту перед комфронтом. В итоге, Тимошенко принял соломоново решение. Он утвердил вариант наступления, представленный Мерецковым и одновременно, дал 'зеленый свет' варианту комдива, взяв его под свой контроль.

Сделано это было сугубо из прагматических соображений, чтобы избавить от соблазна окружения командарма ставить палки строптивому командарму, взявшегося за казалось бы невыполнимую задачу. Без дополнительных сил ему предстояло пробиться к высоте прикрывавшей город с востока, взять её и, спустившись вниз выйти к пригородам Выборга.

Результаты первых дней боев не давали повода к оптимизму. Противник был готов драться до конца за каждый метр, каждый день, укрепляя свои позиции на подступах к Выборгу. Все говорило о том, что предстояли длительные затяжные бои, но комдив Рокоссовский нашел ключ к обороне врага.

Затребовав себе в подчинение авиацию, он сделал ставку не на истребители и бомбардировщики, а на тихоходны разведывательные бипланы. Поднятые в воздух, эти 'ленивые топтуны' как прозвали их финны, помогли вскрыть весь восточный участок обороны Выборга.

Зависнув над позициями врага, они выявляли расположение минометных и прочих артиллерийских батарей противника, место расположения его резервов, а иногда и его штабов. Переданы ими данные, позволяли советским артиллеристам быстро и точно разваливать вражескую оборону, методично уничтожать её основные узлы сопротивления и огневые точки, сокращать число её защитников.

Как бы храбры и отважны не были бы поляки, как бы, не велико было их желание отомстить русским за свою поруганную родину, против точно сыпавшихся на их головы мин и снарядов, они не могли устоять.

Сразу после убийственной артподготовки, на польские позиции начиналось наступление советских штурмовых групп, противостоять которым было очень трудно. Мощным ударом они прорывали оборону врага, занимали их траншеи и отбив наспех организованную контратаку, продолжали наступление.

С каждым днем, на ходу оттачивая умение взаимодействия артиллерии с авиацией,

войска комдива Рокоссовского неудержимо приближались к главной цели своего наступления — Выборгу. Сначала они подошли к высоте, а затем стали успешно громить находящиеся на ней оборонительные рубежи.

Пытаясь спасти положение, финны попытались отогнать 'топтунов' при помощи своих самолетов, но едва только пара их истребителей попыталась сделать это, как они попали под удар звена краснозвездных истребителей.

Несколько иная была картина наступления у командарма Мерецкова. Наступление со стороны Финского залива стало полной неожиданностью для финнов, но сдаваться они не собирались. В течение двух дней батареи на островах Туппура и Тейкари оказывали ожесточенное сопротивление советским танкистам и артиллеристам. Оказавшись в кольце окружения, они стояли до конца и пали под ударом танков и советских лыжных батальонов.

После этого, две оставшиеся финские батареи на островах Сантаниеме и Ристиние перестали играть существенную роль в обороне Выборга, и занимавшие их гарнизоны отступили под покровом ночи.

Высвобожденные силы, финское командование направило на оборону мыса Виланиеми, куда следующим днем, комбриг Курочкин двинул по льду бойцов своего 28-го стрелкового корпуса. Завязалась яростная схватка, в результате которой финна удалось остановить наступление противника.

Непрерывно контратакуя, финны угрожали отбросить советские штурмовые группы прямо на лед. Только своевременный ввод в сражение подразделение 28-го танкового полка позволил Курочкину избежать столь неблагоприятного для себя исхода.

К концу дня вся территории мыса Виланиеми осталась в руках советских войск, но для дальнейшего наступления требовалось подкрепление. Понимая значимость мыса в обороне города, командующий обороной Выборга генерал Эрнике дела все, что сорвать наступление противника и продержаться обещанного наступления со стороны 'большого брата'.

Обстановка вокруг Выборга была напряженна, но комдив Рокоссовский к вечеру того же дня смог её кардинально изменить, прорвав оборону врага, взяв вершину высоты восточнее Выборга. Позднее, польские сказители сложат песню в честь павших при обороне Выборга, красочно сравнив всех погибших солдат с красными маками, упавшими на белый снег ради спасения и свободы далекой Финляндии.

Успешные действия войск под командованием Рокоссовского создавали угрозу захвата Выборга сходу. Чтобы не допустить этого, генерал Эрнике был вынужден срочно начать переброску часть сил из района мыса Виланиеми к восточной окраине Выборга, что незамедлительно сказалось на общей обстановке.

Точно уловил перелом в ходе сражения, не дожидаясь, пока воздушная разведка подтвердит начало переброски войск противника, утром следующего дня, Мерецков бросил в бой свой последний танковый резерв, батальон легких танков майора Новосельцева.

Шаг был весьма рискованный, учитывая особенности местного рельефа и то, что за время конфликта финские солдаты научились бороться с советскими танками. Однако успех сопутствовал танкистам. В районе мыса у финнов не было противотанковых орудий, они все были выбиты в предыдущих боях, а метателей бутылок с 'коктейлем для Молотова' перестреляли танкисты из курсового пулемета и бегущие вместе с ними стрелки.

После недолгого ожесточенного боя оборона врага была прорвана. Танкисты перерезали дорогу на Хельсинки и отбили все контратаки противника. Выборг оказался в кольце блокады и его капитуляция, а также дальнейший поход Красной армии на финскую столицу

было вопросом времени.

Все это, заставило президента Каллио направить 9 марта в Москву делегацию для начала ведения мирных переговоров.

Глава XV. Ещё не все завершено, ещё не все предрешено

Известие о том, что финское правительство намерено, начать со Сталиным мирные переговоры вызвало у британского премьер министра Чемберлена бурю эмоций. Второе за последние полгода крушение стратегических планов, оказалось для лорда невыносимым испытанием. Вся прежняя сдержанность и холодность улетучилась, и вместо мудреного опытом государственного мужа, миру явился злой и сварливый старик.

Сначала его злость обрушилась на секретаря слишком не вовремя принесший ему эту весть. Затем гнев упал на помощника министра иностранных дел, добавившего красок в хмурую мартовскую палитру финских дел и наконец, 'на орехи' досталось пришедшего на доклад к премьеру генералу Айронсайду.

— Когда! Когда вы, черт возьми, отправите давно обещанные вами войска в Финляндию!? Из-за ваших чертовых проволочек мы упустили момент и финны готовы заключить со Сталиным мирный договор! Мирный договор, который отправляет на свалку все, что мы готовили за последние шесть месяцев. Вы это понимаете!? — дребезжащим голосом обрушил на генерала свой праведный гнев Чемберлен.

— Благодаря только нерасторопности ваших подчиненных, Сталин вновь наносит сильнейший удар интересам Британии! Это совершенно недопустимо! Мы стали посмешищем в глазах всей Европы! — гнева премьера достиг своего пика и стал сползать вниз — Что вы молчите!?

— Жду, когда мне будет представлена возможность сказать слово в свое оправдание — все это время, Айронсайд стойчески слушал Чемберлена, не делая попыток прервать его. К тому, что маленькая, но гордая Финляндия может подложить британской империи свинью, он был готов с начала нового года. И поэтому уже заранее составил тезисы своей оправдательной речи.

— Говорите, я слушаю! — зло буркнул премьер, похожий в этот момент на попугая из-за взъерошенных волос на голове.

— Войска, о которых вы изволили упоминать господин премьер министр, уже полностью готовы. Дивизия шотландских стрелков и две бригады поляков только и ждут сигнала к погрузке на корабли и отправки в Нарвик. Французы, к сожалению, будут представлены в них только одним неполным полком. Именно из-за них и была вся эта задержка, но по большому счету наш экспедиционный корпус, на первых порах может обойтись и без них. Ведь насколько я понимаю, сейчас главное начать. Остальные войска можно будет послать несколько позднее.

Слова генерала самым благоприятным образом воздействовали на премьера. Ярость его пропала, волосы улеглись сами собой и в глазах появились мысли. Господин премьер министр перестал гневаться и стал думать, чем очень обрадовал Айронсайда. Когда у человека пошел мыслительный процесс, с ним легче говорить.

— Сколько понадобится времени для переброски этих войск в Финляндию?

— При отсутствии шторма в Северном море минимум неделя, максимум десять дней — честно признался генерал.

— Почему так долго!?

— Для войск вооруженных полевой артиллерией — это стандартные сроки. Если бы у них были танки или тяжелые пушки, переброска заняла бы недели две минимум.

— Эти финны не смогут так долго ждать! Из страха перед вторжением большевиков в Хельсинки они готовы заключить мирный договор в течение трех дней! — гневно воскликнул Чемберлен, сетуя на этот раз не на Айронсайда, а на нерадивых союзников, от которых так много ждали, но получили только одну головную боль.

— Но разве они не способны затянуть переговоры на пару тройку дней? Ведь всегда есть обстоятельства, которые помогают сделать это! — удивленно воскликнул генерал. — Пусть господа дипломаты помогут им в этом!

— Русские самолеты вторую ночь бомбят Хельсинки. Все финское правительство в панике и готово пойти на все лишь бы только воздушные удары прекратились.

— Всегда подозревал, что эти финны малодушный народ. Они умеют гордо вскидывать голову из нашей подмышки, но оказавшись лицом к лицу с неприятностями, сразу ложатся в дрейф и поджимают хвост.

— Я полностью согласен с вашей точкой зрения Айронсайд, но это никак не сможет повлиять на поведение наших подручных. Они уже послали Сталину предложение о начале мирных переговоров и не сегодня, так завтра они начнутся. Сомневаться в этом не приходится. Страх перед русскими танками и ордами большевиков полностью парализовал у них возможность рационального мышления.

Чемберлен выжидательно посмотрел на генерала, словно ожидая, что тот достанет из кармана мундира волшебную палочку и одним взмахом исправит грустное положение дел в британской империи. Волшебной палочки у Айронсайда не было, но интересная идея была, и он поспешил поделиться с ней с премьером.

— Мне кажется, что, то как быстро финны подпишут мирный договор с русскими, серьезного значения не имеет. Если им так хочется — пусть подписывают. Сегодня подписали, а завтра расторгли — предложил начальник имперского штаба и премьер моментально уловил ход его мыслей.

— То есть вы хотите сказать, что независимо от того подпишут финны договор или не подпишут операция 'Благовещение' начнется?

— Совершенно верно, господин премьер министр. К 21 марта наш экспедиционный корпус будет находиться на советско-финской границе и сможет начать наступление на Мурманск.

— Однако хватит ли сил для подобных действий? Несмотря на малочисленность советских войск на этом участке фронта, финны не очень преуспели в борьбе с большевиками — выразил здравое опасение премьер, но Айронсайд тут же отмел его.

— Хватит, господин премьер министр. Мы уже создали материально-техническую базу для нашего северного фронта, и нам остается только запустить эту машину и разумно использовать её вместе с людскими резервами.

— Рад это слышать, но вдруг русские попытаются сорвать наши перевозки через Нарвик, и пошлю свои подводные лодки? Первый лорд адмиралтейства докладывал, что в Северном флоте у русских, есть бригада подводных лодок.

— Защита наших морских путей — прямая забота адмиралтейства, господин премьер министр. Если их пугают десять русских подлодок, пусть отправят больше кораблей для защиты транспортов — не упустил возможность больно уколоть 'мареманов' Айронсайд. Спор между армией и флотом имел место в королевских вооруженных силах, как впрочем, и во всех других странах мира.

— Давайте оставим решать проблемы защиты морских коммуникаций морякам, это их компетенция. Когда вы намерены начать переброску войск под Мурманск?

— Как только получу на это ваш приказ, господин премьер министр.

— Тогда считайте, что он у вас уже есть — сварливо молвил Чемберлен и тут же получил язвительный ответ.

— Тогда можно считать, что мы уже начали. Мне отдать приказ по телефону в вашем присутствии или мне пройти в свой кабинет? — генерал решительно встал со стула и, не услышав ни звука из уст премьера, пошел творить историю.

Не прошло и получаса, как телефонный звонок и короткая фраза 'Пламя', дало начало реализации 'северного варианта', так долго подготавливаемого англичанами.

Уже к вечеру этого дня в британском Портсмуте и Саутгемптоне началась погрузка польских и британских солдат на корабли, идущие в Нарвик. Переброска проводилась под мощным прикрытием эсминцев и крейсеров, имевших строжайший приказ адмиралтейства не потерять ни один транспорт. Сотни глаз смотрели за поверхностью морских волн в поисках перископов 'русских подлодок', а десятки ушей пытались услышать шум их винтов.

При столь огромных силах, ни одна лодка большевиков просто не рискнула напасть на британские конвои в Северном море. Но не из-за страха быть потопленной, просто их там не было.

Ничто не помешало англичанам перебросить по морю части своего будущего экспедиционного корпуса в Россию, но эти действия обернулись для островитян серьезными последствиями.

Берлин давно следил за действиями англичан в Финляндии и Скандинавии, находя в них большую угрозу для своих имперских интересов, особенно в районе Нарвика. Учитывая тот факт, что львиную долю железной руды немецкая промышленность получала из Швеции, появление британских солдат в Скандинавии создавало угрозу перекрытия это важного канала сырьевого снабжения.

— Не сделав ни единого выстрела на французской границе, англичане хотят приставить нож к нашему горлу, под благовидным предлогом оккупировав Нарвик. Мы не можем закрывать на это глаза и делать вид, что все идет хорошо. Нам необходимо как можно скорее начать операцию 'Везерюбунг', благо для этого у нас все готово — кипел праведным гневом фюрер, на докладе о положении дел на фронтах фельдмаршала Кейтеля.

— Но очень может быть мой фюрер, что действия англичан в районе Нарвика носят временный характер. Вполне возможно, что вынуждено, заняли это норвежский порт для начала боевых действий против русских — высказал предположение начальник штаба ОКВ генерал Гальдер.

— Я не верю в это, Гальдер. Война против русских удобный предлог, чтобы иметь возможность держать войска в Норвегии столько, сколько им будет нужно. И все это время поставки нам шведской железной руды будут под угрозами. Нет, я не желаю иметь над своей шеей висящий на нити британский меч. Нет, нет и ещё раз нет — Гитлер решительно хлопнул ладонью по столу с картами и оба военных вздрогнули от испуга.

— Однако начав операцию 'Везерюбунг' мы перейдем от спокойного стояния на границе к активным действиям против британцев и французов, чья армия считается лучшей армией в Европе и мире. К великой радости Сталина мы сцепимся с Парижем и Лондоном в смертельной схватке, а он будет радостно смотреть на нас и потирать руки — попытался облагородить фюрера Кейтель, но тот остался глух к его словам.

— Мне глубоко плевать на Сталина, когда речь идет о шведской руде. Без неё мы не сможем реализовать нам Четырехлетний план и сделать германскую армию первой армией мира! — с негодованием воскликнул вождь. — Без шведского железа все наши начинания останутся только на бумаге. Не будет авиации, не будет танков, не будет мощного морского флота, который Германия обязана иметь, чтобы на равных говорить с французами, англичанами, американцами и, черт возьми, с японцами. А чтобы это все было, нам надо раз и навсегда прочно заткнуть эту чертову дыру — Нарвик. Через неё англичане легко могут сорвать все наши планы, создав нам экономическую блокаду. Как пытался создать им в свое время Наполеон. Вам — это ясно?!

— Да, мой фюрер — униженно выдал из себя Кейтель.

— Вот и прекрасно. Давайте тогда заниматься делами. Что у нас по Дании?

Эта маленькая скандинавская страна стала пробным шагом перед 'прыжком на север', что состоялся 18 марта. Приближалось окончание полярной ночи, что, по мнению гросс-адмирала Редера, давало дополнительное преимущество британскому имперскому флоту.

Захват страны Ганса Андерсена прошел без сучка и задоринки. Общие потери в этой войне измерялись единицами. У датчан погибло пять человек, у немцев двое, после чего над главной ратушей Копенгагена взвился красно-черный флаг новой Германии.

Гораздо хуже дело обстояло в Норвегии. Специально вышедшие под покровом ночи в воды Северного моря немецкие корабли стали перехватывать все транспорта идущие в Ставангер, Тронхейм и Нарвик. Сделано это было в тот момент, когда высадив очередную партию войска, английские корабли уже подходили своим портам и никак не могли помешать действиям немцев.

Вслед за эсминцами, в дело вступили крейсера, линкоры и тральщики, прикрывавшие действия германских транспортников с десантом. Все они держали курс с юга на север вдоль побережья Норвегии, захватывая главные города королевства.

Кристиания, Ставангер, Берген, Тронхейм все они были захвачены немцами в результате внезапного удара. Везде норвежские войска оказывали неприятелю в той или иной мере сопротивление, но к утру 19 марта все прибрежные города перешли под полный контроль немецких войск.

На примерно такой исход и были изначально нацелены творцы операции 'Везерюбунг', но были и исключения. В Осло и Нарвике оккупантов ожидали неприятные сюрпризы.

Меньше всего немецкие корабли ожидали встретить сопротивление в норвежской столице, но прикрывающие подход к Осло две береговые батареи, сорвали все планы противника. Своим прицельным огнем с дистанции в пятьсот метров, они нанесли серьезные повреждения тяжелому немецкому крейсеру 'Блюхер', идущему в голове колонны.

В результате попадания снарядов на крейсере вспыхнули пожары, возникли проблемы с управлением, и огромную махину понесло прямо на берег. Возможно, экипажу крейсера бы удалось справиться с возникшими на борту 'Блюхера' проблемами, немецкие морячки всегда славились этим умением. Однако на его беду, корабль шел точно на береговую торпедную установку, которая двумя удачными выстрелами навсегда вычеркнула 'Блюхер' из списка

Кригсмарине.

В возникшей ситуации, оставшиеся немецкие корабли приняли решение воздержаться от высадки десанта в Осло и высадили десант в Сонбуктене. В дело вступили пикирующие бомбардировщики, которые обрушили град бомб на норвежскую столицу и в особенности на аэропорт. Туда сумела высадиться штурмовая десантная группа, уничтожившая как охрану аэродрома, так и расчеты зенитных орудий прикрывавшие их.

Только к двадцатому марта высадившиеся в аэропорту немецкие пехотинцы ворвались в Осло и привели норвежскую столицу к полной покорности. Вместе с Осло немцы попытались захватить в плен короля Хокона, который много значил для простых норвежцев. Для его захвата была создана специальное подразделение под командованием майора Лейбница, но им не повезло. Благодаря мужеству норвежских солдат защищавших подступы к королевскому дворцу, монарх сумел выскользнуть у оккупантов прямо из-под носа. Посаженный в автобус, Хокон вместе с семьей был благополучно вывезен из столицы и после непродолжительного скитания по югу королевства, был переправлен в Лондон.

Счастливого спасение короля от нацистского плена, было воспринято норвежцами как божий помысел, и придал им сил. Королевская эмблема стала символом Сопротивления, что появилось в стране с первого дня немецкого вторжения.

Своеобразно развивались дела немцев и в Нарвике. Высаженному с моря десанту не составило большого труда захватить порт и привести местный гарнизон к молчанию. Об этом незамедлительно ушло радиосообщение в Берлин, а дальше все пошло вкривь и вкось.

К моменту высадки немцев англо-франко-польские войска находились на границе Норвегии и Швеции. Стокгольмское правительство сквозь пальцы смотрело на проход по своей территории войск иностранного государства, так как Большое слово за них было сказано.

Когда командовавший союзными войсками бригадный генерал Пайпс узнал о захвате немцами Нарвика, он сильно испугался. И как всякий нормальный генерал приказал корпусу повернуть обратно, послав далеко и глубоко интересы красавицы Суоми. Перво-наперво нужно было восстановить связь с митрополией и только потом, возможно продолжить поход к Петсамо.

Занявший Нарвик десант под руководством полковника Штернера, известие о возвращении англичан и их союзников не застало врасплох. Такой вариант изначально не исключался, и едва заняв порт, немцы стали возводить оборонительный рубеж на его восточной окраине.

Заняв жесткую оборону, при поддержке корабельных орудий, отряд Штернера смог успешно отразить две атаки противника, но вскоре положение поменялось, и поменялось не в пользу немцев.

К Нарвику подошли британские корабли, имевшие численный перевес над эскадрой Кригсмарине. Завязалось сражение, в котором линкор 'Лютцов' и крейсера 'Адмирал Хиппер' и 'Эндем' получили серьезные повреждения и были вынуждены покинуть акваторию порта.

В сложившейся обстановке, оказавшись между двух огней, Штернер был вынужден оставить Нарвик, отойдя к югу от города.

Англичане шумно отпраздновали победу, но по своей сути она была больше похожа на победу легендарного царя Пирра. Британский флот также понес потери от огня немецких комендоров. Число кораблей пришедших на защиту Нарвика заметно сократилось, а

занявший порт корпус Пайпса оказался в сложном положении.

Отброшенный от порта десант Штернера полностью отрезал столицу полярной Норвегии от остальной страны, перекрыв все пути сообщения с юга. Попытка выбить его с занятых позиций завершилась неудачей. Даже имея численный перевес и поддержку флота, англичане и поляки не смогли полностью разгромить немцев. Началась позиционная война, которая была больше выгодна немцам, чем англичанам.

Сразу после захвата Осло, Гитлер отдал приказ о скорейшей переброске частей вермахта на севере Норвегии, для 'полной ликвидации проблемы Нарвика'. Немецкое командование стало активно перебрасывать войска по воздуху, морем, железнодорожным транспортом. Медленно, но верно из Тронхейма к Нарвику немецкие солдаты, чтобы дать сатисфакцию зарвавшимся англичанам.

После 'освобождения' Нарвика, в британском кабинете министров шли бурные дебаты о дальнейших действиях империи. О скорой помощи финнам и совместном походе на Мурманск, министры Чемберлена и он сам забыли надолго, если не навсегда.

Весь вопрос заключался в том, что делать с Нарвиком. Вначале восторжествовало мнение, что его следует превратить во второй Гибралтар, но доклад генерала Айронсайда, холодным душем привел в чувства разгоряченные головы министров.

— Да, мы можем превратить Нарвик в Гибралтар и постоянно угрожать Германии перерезать её экспорт шведской железной руды. Для нашего флота и армии короны это будет дорогое удовольствие, но мы можем это сделать. Однако неутешительные вести поступают к нам от наших французских коллег. Их разведка получила план летнего немецкого наступления на Францию, и открывшиеся намерения немцев заставляют нас о многом призадуматься. Возможно, что это только хитрая мистификация со стороны немцев, но возможно и то, что нам удалось заглянуть в святую святых Цоссена. В сложившихся условиях мы не можем приковать к себе все свои силы к Нарвику, чье стратегическое значение несравнимо со значением Гибралтара.

— Вы предлагаете просто так взять и отдать Нарвик немцам обратно!? — посыпались гневные упреки на генерала со стороны министров.

— Я прекрасно понимаю вашу горечь и гнев, господа министры. В душе я полностью согласен с вами, однако высокий пост, который я занимаю, обязывает меня не поддаваться чувствам и сохранять рассудок холодным — призвал Айронсайд, но безрезультатно.

— И что приказывает вам сделать ваш холодный рассудок, генерал? Сдать без боя врагу город, за который уже щедро заплачено кровью наших солдат и их союзников? Но это позор!

— Не надо учить меня морали! — вспыхнул военный. — Я прекрасно знаю её законы и смею заверить вас, не собираюсь их преступать. Все мои рекомендации относительно судьбы Нарвика основаны исключительно на интересах государства.

— Мы сами государство и сами определяем его интересы, о которых вы так печетесь — язвительно напоминали начштабу министры, но у того были свои убойные аргументы.

— Вы хотите защищать Нарвик до последней капли крови? Прекрасно, защищайте, но только потом не жалуйтесь и не вините армию в том, что не хватает денег, выделенных на оборону страны. Прикажите, и я исполню вашу волю, ответственность за которую ляжет полностью на вас.

Конец дебатам положило известие, пришедшее в Лондон из несостоявшегося 'северного Гибралтара'. Вместе с кораблями, гросс-адмирал Редер перебросил на север страны подводные лодки, одной из которых посчастливилось отличиться.

Жертвой её атаки стал британский авианосец 'Глориес', что в сопровождении двух эсминцев двигался из Британии в Нарвик. Выпущенные торпеды повредили рули и винты корабля, из-за чего он потерял ход и стал легкой добычей линкоров 'Шарнхорст' и 'Гнейзенау', ведущих патрулирование акватории Северного моря.

К огромному сожалению, из-за полученных повреждений, 'Глориес' не успел поднять в воздух находившиеся на его борту свои торпедоносцы 'Суордфиш' и отогнать непрошенных гостей. Уже после второго залпа линкоров один из снарядов попал в борт британского корабля, сбросив в воду готовившиеся взлететь самолеты.

Сопровождавшие авианосец эсминцы храбро бросились на защиту своего товарища, но все их усилия пропали напрасно. Часть выпущенных ими торпед не дошли до вражеских кораблей, и затонула, а от других немецкие капитаны сумели уклониться.

При этом немцы вели энергичный обстрел кораблей противника силами малой артиллерии и их действия оказались более удачным в отличие от англичан. Один из эсминцев попав под накрытие, потерял ход и затонул. Второй, успел поставить дымовую завесу и пробиться в эфир к авианосцу 'Арк Роял' с просьбой о скорейшей помощи.

Британские моряки очень надеялись на спасение, но их ожидания не оправдались. Вцепившись в добычу мертвой хваткой, немецкие линкоры, несмотря на дымовую завесу, сумели потопить авианосец и его прикрытие в течение получаса. Когда британские корабли пришли к месту трагедии, спасти было некого.

Вместе с командами эсминцев в холодных водах Северного моря погибло свыше полутора тысяч человек. Гибель 'Глориес' оказалась шоком для британского адмиралтейства, которое буквально тряслось над каждым авианосцем.

— Хоть мы и великая морская держава, но строительство таких судов слишком дорого обходится британской казне. Мы не можем нести такие потери ради удержания Нарвика — решительно заявил адмирал Дадли и на этот раз кабинет министров с ним согласился.

Для истинных островитян потеря корабля, по своей ценности всегда была выше, чем потеря сухопутного соединения. Решение об оставлении Нарвика было принято, и эвакуация началась.

К десятому апреля англичане полностью очистили норвежскую территорию. 'Северный вариант' наступления на Советский Союз великих европейских держав рухнул, причинив невыносимую душевную боль премьеру Чемберлену.

Однако полученное поражение от Сталина не остановило 'могучего британского старика'. Его пульс продолжал злобно биться, а душа пылала страстным желанием отыграться. Генерал Айронсайд приступил к обсуждению с французской стороной реализацию 'южного варианта'. Его исполнение по настоянию Чемберлена было назначено на май месяц. Именно тогда, британо-французская авиация должна была полностью уничтожить нефтяные прииски Баку и Грозного, а также превратить в пепел порт Батуми.

Британский лев готовился к грозному и сокрушительно прыжку, который должен был стать расплатой за все его горести и унижения от советского вождя.

Всегда приятно подводить победные итоги. В отличие от подведения итогов неудач, за них, как правило, всячески поощряют, отмечают и позволяют сделать, в зависимости от степени заслуг, шаг по карьерной лестнице.

Мир с Финляндией был подписан и все спорные вопросы были разрешены в пользу Советского Союза. Это уже потом, по прошествию десятилетий, убежденные благородными сединами и увенчанные розовыми лысынами, деятели от истории будут с пеной у рта доказывать, что не было никакого трехмесячного карельского блицкрига принесшего Советскому Союзу трудную, но заслуженную победу.

Что маленькая, но гордая и свободолюбивая Финляндия не проиграла в схватке со страшным коммунистическим монстром. Отчаянно сопротивляясь, она так обескровила своего противника, что у него толи не хватило сил взять Хельсинки и присоединить Финляндию к СССР, как это было сделано с Западной Украиной и Белоруссией, толи он банально испугался.

И в качестве самого наиубедительнейшего доказательства своих домыслов, эти ученые мужу будут приводить пример 'красного' финского правительства, провозглашенного в начале войны в Ленинграде. Раз страшный и ужасный Сталин не посадил его в столице и не передал ему власть над всей Финляндией, значит, он не смог реализовать свой главный замысел — поработить красавицу Суоми, и значит он не победитель.

Подобное фарисейство наверняка сильно рассмешило бы Вячеслава Михайловича Молотова проводившего мирные переговоры с финнами. Имея у порога столицы победоносные полки Красной армии, они были на многое ради того, чтобы они не сделали свой последний марш-бросок и как можно скорее покинули пределы финского государства.

Отправляя делегацию для переговоров в Москву, президент Каллио испытывал вселенскую грусть и при этом сохранял в своей измученной душе тайную надежду, что великие европейские державы помогут ему не исполнять статьи договора.

Твердая вера в то, что переговоры это только вынужденное унижение ради недопущения врага в столицу и природная упертость, придавало начавшимся переговорам некоторую пикантность. С первых часов переговоров финны хотели показать злым 'москвитам', что смиряясь с их силой, они не намерены покоряться ей.

Сдержанно улыбаясь сидевшим напротив них победителями, они всем своим поведением хотели показать им, что не собираются посыпать голову пеплом и горько каяться за свои деяния и прежнюю несговорчивость. За это право финская делегация была готова биться как можно дольше, но глава советской стороны нарком Молотов смотрел совсем в другую сторону дела.

К тайному разочарованию финнов, он не стал требовать от финнов отставки президента Каллио, выдачи маршала Маннергейма или хотя бы на худой конец расстрела автора песенки 'Нет Молотов'. Будучи настоящим государственным человеком, Вячеслав Михайлович ставил на первое место интересы своей страны и потому, все разговоры касались территориальных

уступок.

Предательски пошмыгивая носом и тайком утирая ладонью скупые слезы, финские представители согласились отдать Стране Советов в аренду мыс Гангут и отодвинуть финскую границу на линию, предложенную советской стороной до начала конфликта.

Подобная податливость вызвала только сочувствующую улыбку у главы советской делегации. Действуя в лучших традициях просвещенного Запада считавшего своей собственностью территорию, на которую ступала нога белого человека, Советский Союз потребовал те земли, на которых шли сражения с финнами.

В их перечень вошел весь Карельский перешейк с 'царским подарком' городом Выборгом. Вся Западная Карелия, часть приграничных земель северной Финляндии и незамерзающий порт в Баренцевом море — Петсамо.

Последние два требования были особенно обидны для финнов, так как по их пониманию на этих направлениях они одержали победу. Взяли в плен советских солдат, танки, орудия и не допустили глубокого проникновения врага на свою территорию. Где справедливость?

Если вам так нужен кусок приграничной земли в районе Кандалакши, то заплатите нам за него. Русский царь Петр заплатил шведам за Ингерманландию и прочие прибалтийские земли при подписании Ништадского мирного договора. Платите и вы.

Эти слова говорились финскими представителями с самым серьезным видом и Вячеслав Михайлович, не преминул вернуть на землю хельсинкских мечтателей.

— Хорошо, если царь Петр скажет нам заплатить, мы заплатим. Напишите ему письмо — любезно предложил нарком, пододвинув к сидевшему напротив него, генералу Вито Макарайнену. Гордому финну стоило нечеловеческих трудов выдавить из себя некое подобие улыбки и не запустить в русского наркома чернильным прибором.

От столь неконструктивного поведения Вячеслава Михайловича вся финская делегация обиделась. Будь это в октябре прошлого года, финны бы по команде Макарайнена гордо встали и ушли, громко хлопнув дверью. Однако на дворе стоял победный март сорокового и подобный демарш ох как дорого обошелся бы красавице Суоми.

Поэтому финны были вынуждены остаться, но в отместку за неспортивное поведение Молотова, они в один голос заговорили о неприемлемости территориальных требований со стороны СССР. И вот тут-то сыграло свою роль 'финское альтернативное правительство'. Вынутое из тени на свет божий подобно кролику из шляпы фокусника, оно обрело плоть и кровь, чем привело в шок и трепет финскую делегацию.

— Если представители финского правительства считают требования Советского Союза завышенными, то другое финское правительство полностью с ними согласно. Более того, оно готово выплатить советской стороне контрибуцию за проигранную вами войну, объявить Аландские острова демилитаризованной зоной, полностью распустить армию и флот, чтобы гарантировать соседним странам свой нейтральный статус, — Молотов сделал паузу, а потом добавил. — Если вы не хотите говорить с нами, мы будем говорить с другими представителями финского народа.

Шантаж был откровенно грубым, несмотря на то, что нарком постарался придать им дипломатичный вид. Однако как нестранно, он оказался весьма действенным. Напуганные финны попросили разрешение проконсультироваться с президентом и утром следующего дня объявили о согласии Финляндии на все территориальные требования предъявленные ей наркомом.

Столь быстрое согласие сильно обрадовало наркома, да и все советское правительство в целом вместе с товарищем Сталиным. Сведения, приходящие в Москву из хорошо информированных британских источников, рисовали советскому вождю откровенно неприглядную картину. Лондонский лев был готов к прыжку и мирный договор Москве был нужен вне меньшей степени, чем он был нужен Хельсинки.

С подачи Сталина, Молотов блестяще разыграл комбинацию и добился максимального результата в переговорах с таким сложным партнером как финны. Советский Союз получил с разгромленного врага в том размере, которые удовлетворяли все стратегические нужды страны и при этом не давал Финляндии статус бедной и несчастной страны, дочиста ограбленной 'этими русскими'.

Выставленные территориальные претензии, отказ от контрибуции и полной демилитаризации страны, не позволили французскому премьеру Даладье, полностью подставить свое плечо британскому партнеру в реализации 'северного варианта'.

В глазах французских парламентариев, Россия по праву взяла себе приграничные земли соседа, не ущемив его права на исконно финские территории. Европейские страны сплошь и рядом проводили такую практику и это, считалось в Париже нормальным положением вещей. Вот если бы Сталин занял Хельсинки или потребовал полного присоединения Финляндии к России, тогда другое дело. Тогда объединенная Европа должна показать дикому медведю его настоящее место, а так косолапый слегка объел край чужого пирога, не покусившись на целое.

Схожее мнение было и у германского фюрера, который по воле случая стал временным партнером Москвы. Гитлер считал, что Сталин проявил излишнюю скромность в отношении финнов. Сам вождь немецкой нации в сложившихся обстоятельствах действовал бы совершенно иначе.

Впрочем, был ещё один важный момент, заставлявший господина рейхсканцлера быть вежливым в отношении своего восточного соседа. Вермахт собирался смыть со страны позор Версаля и чтобы сделать это в максимально благоприятной обстановке, немцам требовалось спокойствие на границе с СССР.

О намерении островитян реализовать, пусть даже в урезанном виде 'южный вариант', разведка также исправно докладывала вождю, и он предпринял ряд контрмер. Одной из них было большое командное совещание посвященное итогам финской войны. Проводя его в преддверии первомайского парада, Сталин намеривался завершить временной раздел между Красной армией образца 1937 года и новой армией образца 1939 года. Он хотел, чтобы основываясь на опыте завершившейся войны, военные раз и навсегда уяснили для себя, что в грядущей войне нужно будет воевать по-новому. Что опыт Гражданской войны как бы он не был бы близок и родней для большинства командиров уже малопригоден для решения военных задач в нынешних условиях.

Среди тех командиров, кто был приглашен на совещание в Кремль, был и комдив Рокоссовский. Он уже оправился от той страшной аварии, что произошла с ним в конце февраля под Выборгом. Следуя вслед за наступающими войсками, 'эмка', в которой сидел комдив, столкнулась с едущим за снарядами грузовиком. В результате лобового столкновения сильно пострадал водитель и сидевший на переднем сидении Рокоссовский.

Сидевший за рулем грузовика молодой безусый парнишка не справился с управлением на скользкой зимней дороге. Весь бледный и трясущийся от страха, он подошел к вылезшему из автомобиля комдиву и попросил расстрелять его.

— Я виноват, товарищ комдив, расстреляйте меня немедленно. Я готов принять заслуженную кару — лопотал шофер, чем вызвал сильное раздражение у комдива.

— Вину человека, в нашей стране устанавливает суд, и только он, — кривясь от боли в грудной клетке и головокружения, произнес Рокоссовский. — Поэтому, я приказываю вам явиться к военному коменданту и доложить ему о случившемся. Пусть он с вами разбирается, а не я. Ясно?

— Так точно — ничего не понимая, кивнул головой шофер.

— Вот и езжайте, а мы сейчас поедem в медсанбат. Он тут, кажется недалеко — приказал комдив и на этом инцидент был исчерпан.

Как потом оказалось, у Рокоссовского было сильное сотрясение, сломано несколько ребер и конец войны комдив встретил в Москве.

Правдивость пословицы гласившей, что ушедший охотник теряет место у костра, Константин Константинович наглядно ощутил на себе при подведении итогов войны. Его участие в боевых действиях против белофиннов, командование фронтом скромно оценило орденом Боевого Красного Знамени, тогда как другие командиры встретившие окончание войны на командных пунктах получили Звезды Героев и ордена Ленина.

Также не прибавилось у Рокоссовского количество рубиновых ромбов. Высокое руководство фронтом посчитало, что вчерашний заключенный пока ещё не достоин звания комкора.

— Пусть ещё послужит — говорили новоиспеченные командармы, любовно поглаживая на своей груди высокие награды, но Константин Константинович не роптал. Да, было немного обидно, но все это меркло, становилось мелким на фоне встречи комдива с семьей. Радость от простого человеческого общения, в этот момент была для него во стократ важнее и приятнее, чем официальные поздравления и признания.

Впрочем, правда запоздало, но восторжествовала для комдива в виде приглашения его в Кремль на совещание. Комфронта Тимошенко знал настоящих героев Карельского перешейка.

Вместе со всеми, комдив радостными овациями приветствовал появление на трибуне Сталина, сказавшего в этот день много важного и полезного для собранного в кремлевском дворце командного состава Красной армии.

— Я хотел бы, товарищи, коснуться некоторых вопросов, которые, на мой взгляд, очень важны для нас для всех.

Первый вопрос о войне с Финляндии. Правильно ли мы поступили, что объявили войну Финляндии? Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с финским правительством не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить как можно быстрее. Поскольку его нынешняя безопасность, есть безопасность нашего Отечества.

Не потому, что Ленинград представляет собой 30–35 процентов оборонной промышленности нашей страны и от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба всей нашей страны, но и потому, что Ленинград есть наша вторая столица. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там буржуазное, белогвардейское правительство — значит дать важный козырь в руки наших врагов. Позволить им создать серьезную базу для новой гражданской войны внутри страны против Советской власти. Поэтому мы были вынуждены объявить войну Финляндии, поскольку переговоры с ней не дали нашей стране

никакого результата.

Стоя за трибуной, Сталин говорил несколько медленно, как будто вел доверительную беседу с каждым из находящихся в зале военных. Стремясь рассказать о том, что его больше всего волновало в этот непростой для страны момент, поделиться своими мыслями со слушателями.

— Второй вопрос, а не поторопились ли мы, что объявили войну именно в конце ноября, в начале декабря. Нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяц два-три-четыре, подготовиться и только потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не стали откладывать этого дела, зная, что мы ещё не вполне готовы к войне в финских условиях, начали активные боевые действия именно в конце ноября, начале декабря. Ведь все это зависело не только от нас, а в большей мере от международной обстановки. Там, на Западе, три самых сильных державы вцепились друг другу в горло. Когда же решать вопрос о безопасности Ленинграда, если не в этих условиях, когда руки у наших потенциальных противников заняты и нам представляется благоприятный момент, для того, чтобы ударить по несговорчивым финнам.

Было бы большой глупостью упустить этот момент и решить вопрос о безопасности Ленинграда. Отсрочить это дело месяца на два означало бы отсрочить это дело лет на 20, потому что всего не предусмотреть в политике. Воевать-то они воюют, но как-то слабо, не воюют, а в карты играют. Вдруг они возьмут и померяться и стало быть благоприятная обстановка для того, чтобы решить вопрос об обороне Ленинграда и обеспечении безопасности государства был бы упущен.

Конечно, слова вождя не содержали всей той правды, что сплелась в хитрый узел, который было невозможно развязать и только разрубить. Стоя на кремлевской трибуне, Сталин был вынужден открыть своим военачальникам только часть правды, но и этого было достаточно, чтобы создать цельную и правдивую картину.

— Третий вопрос. Правильно ли разместили наши военные руководящие органы наши войска на фронте? Как известно, войска были размещены на фронте в виде пяти основных колонн. Одна самая сильная колонна наших войск — на Карельский перешеек. Другая колонна наших войск действовала в районе северного побережья Ладожского озера с основным направлением на Сердобль. Третья колонна — меньшая — имела направление движения на Улеборг. Четвертая колонна — получила направление на Торнио, и пятая колонна шла с севера на юг — на Петсамо.

Правильно ли было такое размещение войск на фронте? Я думаю, правильно. Чего хотело добиться командование таким размещением наших войск на фронте?

Если взять Карельский перешеек, то первая задача такая. Ведь на войне надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое, а ещё лучше предусмотреть худшее. Наибольшее количество наших войск было сосредоточено на Карельском перешейке для того, чтобы исключить всякую возможность наступательных действий на Ленинград со стороны финнов.

Мы знали, что финнов поддерживают Франция, Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает Америка, поддерживает Канада. Знаем хорошо. Надо в войне предусмотреть всякие возможности, особенно не упускать из виду наиболее худшие возможности. Вот, исходя из этого, надо было создать на Карельском перешейке большую группировку, которая, прежде всего, должна была обезопасить Ленинград от всяких возможных случайностей.

Во-вторых, эта группировка нужна была для того, чтобы разведать штыком состояние войск противника на Карельском перешейке, их силу и расположение. В-третьих, создать плацдарм для того, чтобы подведенные из тыла войска могли быстро и стремительно наступать вглубь территории врага. И, в-четвертых, взять по возможности Выборг.

Следующий участок — севернее Ладожского озера. Наши войска преследовали две, точнее сказать три цели. Это разведка территории противника, затем штыковая разведка — это наиболее серьезная и верная разведка из всех видов разведки. И, наконец, создание плацдарма для дальнейшего выхода в тыл линии Маннергейма.

Третья группа имела такую же цель — разведка территории, населения, создание плацдарма и при благоприятных условиях осуществить выход к Оулу. Это была возможной задачей, но не вероятная, не вполне реальная.

Четвертая группа наступала в сторону Торнио — с задачей выяснить расположение войск противника, создать плацдарм и при благоприятных условиях подойти к Торнио.

Пятая группа Петсамовская. Разведка — создание плацдарма и нанести удар по городу. Все эти группировки преследовали одну конкретную цель — заставить финнов разбить свои силы, ослабить их армию, стоящую на линии Маннергейма и не дать финнам возможность нанести свой удар в Карелии по направлению на Архангельск.

Мы не раскрывали карты, что у остальных группировок имеется задача по отвлечению на себя сил противника. Если бы мы все карты раскрыли, то сильно расхолодили бы наши армейские части и вряд ли добились того, что смогли захватить Финляндию с пяти сторон.

Мы так осторожно и с некоторой скрытой целью подходили к вопросу войны с Финляндией, потому что война в Финляндии — очень трудная задача. Царь Петр I двадцать один год воевал со Швецией за Выборг, но так и не смог полуостров Ханко. Его дочь Елизавета воевала в Финляндии два года, но так и не получила Гельсингфорс. Мы знаем, что Екатерина II два года вела войну, но так ничего и не получила и только царь Александр за два года войны смог присоединить всю Финляндию к России.

Все это мы знали и не исключали такой возможности, что война с финнами продлится до августа или сентября 1940 года. Вот почему мы на всякий случай, начали войну сразу на пяти направлениях, но до этого дело не дошло.

У нас было всего 50 дивизий. Резерв так и остался не тронутым — 10 дивизий, но это потому, что наши войска хорошо поработали, разбили финнов и прижали их к стене. На переговорах мы поставили перед финнами два вопроса — выбирайте: либо идете на большие уступки, либо вы получите правительство Куусинена, которое будет потрошить ваше правительство. Финны испугались и предпочли уступки, и теперь мы можем угрожать их столице сразу с двух сторон — Выборга и Гангута. И добились мы всего этого за 3 месяца и 12 дней благодаря хорошей работе нашей армии.

Вождь сделал паузу и стал негромко хлопать и сейчас же весь кремлевский дворец наполнился громким и дружным рукоплесканием, переходящим в овации. Не желая, чтобы отдания уважения к армии перешло в его личное прославление, Сталин требовательно поднял руку, и зал быстро стих.

— Еще несколько вопросов, товарищи. В ходе боевых действий и продвижения наших армий вглубь Финляндии, выяснилось, что наши войска и командный состав наших войск, так и не сумел приспособиться к условиям войны в Финляндии.

Вопрос, что помешало сделать это? Мне, кажется, что им особенно помешало созданная предыдущей кампанией психология в войсках и командном составе — шапками закидаем.

Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что Красная Армия непобедима, что ей нет равных, что у неё все есть, нет никаких нехваток и просчетов.

Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться применительно к условиям Финляндии. Наша армия не сразу поняла, что война в Польше — это была военная прогулка, а не война. Она не поняла, что в Финляндии будет настоящая война, а не прогулка, и когда поняла это, когда перестроилась мы, смогли добиться серьезных успехов. А где командный состав не смог быстро перестроиться, успехи были минимальные, полученные дорогой ценой.

Вот к чему приводит хвастовство о том, что наша армия непобедима. С этим хвастовством, с этим невежеством надо кончать самым решительным образом. Надо вдолбить нашим людям в голову, что непобедимых армий не бывают. Бывают победоносные, но чтобы армия стала победоносной нужно много труда и старания. Сама она победоносной не будет, хотя и бьется за справедливое дело на земле — победа коммунизма. Надо вдолбить в голову начиная с командного состава и кончая рядовыми, что война — это игра с некоторыми неизвестными и что в ней могут быть и поражения. И потому, надо учиться не только, как наступать, но и отступать.

Что помешало нашей армии быстро перестроиться и на ходу приспособиться к серьезной войне? Что помешало нашему командному составу перестроиться для ведения войны не по-старому, а по-новому? Ведь за все годы Советской власти мы серьезной войны и не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у озера Хасан или в Монголии — это чепуха, это не война, это небольшие эпизоды на скромном пяточке. У нас было 2–3 дивизии, и у нас были 2–3 дивизии в Монголии, столько же на Хасане.

Что касается Гражданской войны — это была не настоящая война, потому что она была без артиллерии, без авиации, без танков и минометов. Без всего этого, какая это серьезная война. Это была особая война, не современная.

Так, что помешало нашему командованию с ходу вести войну с финнами не по типу гражданской войны, а по-новому? Помешали, по-моему, культ традиции и опыт гражданской войны. Как у нас расценивают комсостав: а ты участвовал в гражданской войне? Нет, не участвовал. Пошел вон. А тот участвовал? Участвовал. Давай его сюда, у него большой опыт и прочее.

Эти слова вождя породили тихий гул в зале, но зоркое ухо Сталина его моментально уловило.

— Я должен сказать, конечно, опыт гражданской войны очень ценен, традиции гражданской войны тоже ценны, но сегодня всего этого совершенно недостаточно. Вот, к примеру, средний командир с большим опытом гражданской войны. Он уважаемый и честный человек, но он не хочет слышать, что нельзя вести людей в атаку без артиллерийской обработки вражеских позиций. Что таким образом он загубит не только свой полк или дивизию, но и всю войну. Ведь нельзя одержать победу над врагом, который сидит в окопах, имеет артиллерию, танки, он обязательно тебя разгромит.

Вот такие недостатки были в командовании 7-й армии. Командиры не понимали, что артиллерия решает дело, и упрямо гнали полки в атаку на неподавленные огневые точки противника. И при этом вели разговоры о том, что следует жалеть снаряды, мины, патроны, что следует стрелять только по цели. Все это — является проявлением традиций гражданской войны, когда всего у нас было мало. У нас в головах до сих пор прочно сидит,

что в войну мы обходились без артиллерии, без танков и автоматов. Наши люди замечательные, герои и все прочие, мы напред и понесем.

Вот этот опасный культ традиций и опыта гражданской войны и не позволил нам быстро перестроиться на новый метод современной войны. Надо сказать, что все-таки недели через 2-3-4 стали перестраиваться. Сначала 13-я армия, Штерну удалось перестроиться, тоже не без скрипа.

Хуже всего пошло у товарища Ковалева. Так как он герой гражданской войны, ему было очень трудно освободиться от опыта этой войны, который совершенно недостаточен. Командир считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибает как командир. Он должен свой опыт гражданской войны дополнить опытом современной войны.

И вновь глухой гул пробежался по рядам сидящих в зале командиров, и теперь это был гул не обиды за свое славное прошлое, а гул недовольства. И вновь Сталин нанес упреждающий удар.

— А что такое современная война? Чего она, собственно говоря, требует? Она требует в первую очередь массовой артиллерии. В современной войне артиллерия — это бог войны. Кто хочет перестроиться на современный лад, он должен понять, массовая артиллерия решает судьбу войны. И потому все разговоры, что нужно стрелять по цели, а не по площадям, жалеть снаряды — это несусветная глупость, которая обязательно загубит все дело. Если нужно давать в день 400–500 снарядов, чтобы разбить тыл противника, его передовой край, чтобы он не был спокоен, чтобы он спать не мог, нужно не жалеть снарядов и патронов. Как писали финские солдаты, они на протяжении двух месяцев не могли выспаться, только в день перемирия выспались. Вот что значит артиллерия.

Второе дело — авиация. Массовая авиация, не сотни, а тысячи самолетов. И вот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не должен говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше нужно бомб давать противнику для того, чтобы оглушить его, перевернуть вверх дном его города, тогда добьемся победы. Больше снарядов, больше бомб, меньше людей потеряем. Будем жалеть патроны и снаряды — будет больше потерь. Надо выбирать. Давать больше снарядов и бомб, жалеть свою армию, сохранять силы, давать минимум убитых или жалеть бомбы и снаряды.

Дальше, танки. Нужно массовое количество танков, не сотни, а тысячи танков. Танки, защищенные броней — это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте. Нужно давать больше снарядов и патронов по противнику, жалеть своих людей, сохранять силы армии.

Минометы, четвертое, нет современной войны без массовых минометов. Все корпуса, все роты, батальоны, полки должны иметь минометы 6-дюймовые обязательно, 8-дюймовые. Это страшно нужно для современной войны. Это очень эффективные минометы и очень дешевая артиллерия. Не жалеть мин! Вот лозунг. Жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды — не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была малой кровью, не жалейте мин.

Дальше — автоматизация ручного оружия. До сих пор идут споры, нужны ли нам самозарядные винтовки с 10-зарядным магазином? Люди, которые живут традициями гражданской войны — дураки, хотя они и хорошие люди, когда говорят: 'А зачем нам самозарядная винтовка?' Возьмем нашу старую 5-зарядную и самозарядную винтовку с десятью зарядами. Ведь, что мы знаем со старой винтовкой, только одно. Целься,

поворачивай, стреляй, попадаешь в мишень — опять целись, поворачивай, стреляй. А возьмите бойца с 10-зарядной винтовкой, он в тир раза больше пуль выпустит, чем человек с нашей винтовкой. Этот боец равняется трем бойцам. Как же после этого не переходить на самозарядную винтовку, ведь это полуавтомат. Прошедшая война показала, что наличие у солдат страшная необходимость. Для разведки, для ночных боев, чтобы напасть и поднять панику в тылу врага.

Наши солдаты не такие уж трусы, но и они бегали от автоматов. Как же такое дело и не использовать. Значит — пехота, ручное оружие с полуавтоматической винтовкой и автоматическим пистолетом — обязательны.

Дальше. В современной войне необходимо иметь культурный, квалифицированный и образованный командный состав. Такого командного состава у нас нет или есть, но единицы.

Произнеся столь неутешительный вывод, вождь демонстративно отпил глоток воды из стакана, внимательно слушая реакцию военных на его слова, но зал молчал. И тогда Сталин перешел к главной фигуре Марлезонского балета.

— Мы говорим об общевойсковом командире. Он должен руководить авиацией, артиллерией, танками, танковыми бригадами, минометчиками, но если он не имеет, хотя бы общего представления об этом роде оружия, какие он может дать указания? Нынешний общевойсковой командир это не командир старой эпохи гражданской войны, где воевали винтовками и 3-дюймовыми пулеметами. Сейчас командир, если он хочет быть авторитетным для всех родов войск, он должен знать авиацию, танки, артиллерии с различными калибрами, минометы, тогда он может давать задания. Значит, нам нужен командный состав квалифицированный, культурный, образованный.

Дальше. Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. До последнего времени, если какой-нибудь командир провалился, прошил дело, его направляли в штаб. Или когда в штабе оказывался в штабе человек с 'жилкой', выяснилось, что он может командовать, говорили, ему место не в штабе и отправляли его на командный пост.

Если таким путем будем смотреть на штабы, тогда у нас штаба не будет. А что значит отсутствие штаба? Это значит отсутствие органа, который и выполняет приказ и подготавливает приказ. Это очень серьезное дело. Мы должны наладить культурные искусно действующие штабы. Этого требует современная война, как она требует и массовую артиллерию, и массовую авиацию.

Затем требуются для современной войны хорошо обученные, дисциплинированные бойцы, инициативные. У нашего бойца не хватает инициативы. Он индивидуально малоразвит. Он плохо обучен, а когда человек не знает дела, откуда он может проявить инициативу, и поэтому он плохо дисциплинирован. Таких новых бойцов надо создавать, не тех митюх, которые шли в гражданскую войну. Нам нужен новый боец. Его нужно и можно создать: инициативного, дисциплинированного и индивидуально развитого.

Для современной войны нам нужны политически стойкие и знающие военное дело политработники. Недостаточно того, что политработник на словах будет твердить: партия Ленина — Сталина права, как аллилуйя-аллилуйя. Этого мало, этого теперь недостаточно. Он должен быть политически стойким, политически образованным и культурным, он должен хорошо знать военное дело. Без этого мы не будем иметь хорошего бойца, хорошо налаженного снабжения, хорошо организованного пополнения для армии.

Вот все те условия, которые требуются для того, чтобы вести современную войну и

одерживать в ней победы.

Как вы думаете, была у нас такая армия, когда мы начали войну с Финляндией? Нет, не была. Отчасти была, но у неё много чего не хватало. Почему? Потому что наша армия, как бы вы её не хвалили и прославляли, но она — молодая армия, необстрелянная. У неё сил много, у неё техники много, у неё веры в себя много. Она считает себя непобедимой, но при этом она все-таки молодая армия.

Свое первое боевое крещение наша современная Красная Армия прошла на полях Финляндии. Что тут выяснилось? То, что наши люди — это новые люди. Несмотря на их все недостатки, очень быстро, в течение каких-то полутора месяцев они преобразовались, стали другими.

Главный плюс этой войны в том, что две наши армии обстрелялись и получили хороший опыт. Наши командиры и солдаты это не те солдаты и командиры, что начали войну в ноябре прошлого года, в этом нет никакого сомнения. Уже одно появление ваших блокировочных групп — это верный признак того, что наша армия становится вполне современной армией.

Очень хорошо, что свой опыт они получили не в войне с германской армией, а в Финляндии. Благодаря полученному опыту наша армия во многом стала похожа на современную армию. Она крепко встала обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской армии, но 'хвосты' от старого остались и с этим явлением надо бороться.

Интересно спросить, а что представляет собой финская армия? Вот многие из вас видели её подвижность, дисциплинированность, видели, как она применяет против нас лыжные отряды автоматчиков, снайперов и прочие там фокусы, и некоторая зависть сквозила к финской армии. Можно ли её назвать вполне современной армией? По-моему, нельзя. С точки зрения обороны укрепленных рубежей, она более или менее удовлетворительная, но не современная, потому что была пассивна в обороне. Её солдаты только и делали, что сидели в дотах, попивали чай, слушали музыку и считали, что с их дотами не справятся.

Это была их большая ошибка. Не может современная армия пассивно относиться к своей обороне, как бы она ни была прочна и сильна. Нельзя сидеть на своих камнях и сознательно отдавать инициативу противнику.

Финская армия показала, что она не вполне современна и потому, слишком религиозно относиться к непревзойденности своих укреплений. А наступление финнов — гроша ломаного не стоит. Вот за три месяца боев, был ли случай массового наступления со стороны финских войск? Были ли попытки серьезного наступления для прорыва нашего фронта, для занятия какого-либо рубежа? Да, были контратаки, да были попытки потеснить, отбить занятый нашими войсками рубеж, попытки окружения и уничтожения, попавших в окружения войск, но серьезного прорыва фронта не было.

Сразу после начала войны, когда мы одновременно ударили сразу в пяти точках, выяснилось, что финская армия не способна к большим наступательным действиям. Под ударами наших войск она перешла к пассивной обороне, с редкими, всегда неудачными контратаками, по итогам которых несла большие потери.

В том, что она создана и воспитана для обороны, а не для наступления, кроется её главный недостаток, не позволяющий считать её современной армией.

На что она была способна, и чему завидовали отдельные товарищи? На небольшие выступления, на окружение с заходом в тыл, на завалы, на лучшее знание своих условий

местности, и только. Все эти завалы можно свести к фокусам. Фокус — хорошее дело: хитрость, смекалка и прочие. Но долго на фокусе прожить невозможно. Раз обманул — зашел в тыл, второй раз обманул, а третий раз и не обманешь.

Не может армия постоянно отыгрываться на одних только фокусах, она должна быть настоящей армией способной наступать. Если она этого не может, она неполноценна. Я даю ей эту оценку с тактической стороны, не касаясь её слабости в артиллерии и авиации. Не потому, что Финляндия бедна, ничего подобного. Благодаря производимой в стране целлюлозе, из которой делают порох, Финляндия очень богатая страна. Просто финское правительство решило сэкономить на артиллерии, танках, авиации, вложив все деньги в строительство укрепленных линий. Пожалели денег на полноценное вооружение и теперь горько сожалеют о том, что у них была неполноценная армия.

Армия, которая не смогла провести ни одного большого наступления, не имела серьезной артиллерии, которая не имела серьезной авиации и много танков, армия, которая могла только хороша партизанить — заходить в тыл, делать завалы и уничтожать беззащитных раненых — не является современной армией. Мне трудно назвать её так.

Общий вывод. К чему свелась наша победа, кого мы, собственно говоря, победили? Всего мы провоевали 3 месяца и 12 дней, после чего финны встали на колени и мы уступили. Спрашивается, кого мы победили? Говорят, финнов. Ну, конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить — не бог весть, какая задача. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Победили не только одну их оборонительную технику, мы победили их тактику, их стратегию. Все боевые действия велись по указке, по советам и наущению Англии и Франции, а еще раньше им здорово немцы помогали. Половину своих оборонительных линий финны построили по их советам.

Мы разбили не только финнов, мы должны были их победить. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являются учителями финнов. В этом главная составная нашей победы. Нам надо максимально использовать полученный в этой войне опыт, оценить, развить и передать тем, кто не воевал. Чтобы они как можно скорее научились воевать по-современному, чтобы избавить наших соседей от соблазна проверять крепость нашей обороны — закончил свою речь Сталин и зал разразился бурными и долгими овациями. Со словами вождя было трудно не согласиться и в числе тех, кто искренне хлопал его речи в кремлевском зале, был и комдив Рокоссовский. Даже не зная всей правды, он прекрасно понимал, что большая война уже стоит на пороге его Родины и к её началу надо готовиться.

Эпилог. Они славно погибли, чтобы мы хорошо поели

Страстное желание смыть позор двойной неудачи в Большой политике, сжигали лорда Чемберлена днем и ночью. С каждым новым днем идея сатисфакции со Сталиным становилась главным смыслом деятельности британского премьер министра. О полномасштабной реализации 'южного варианта' уже говорить не приходилось. Без его финской составляющей все планы большой войны против России теряли свою реалистичность. Да и французский партнер в связи с 'неправильным' поведением Гитлера, уже не выказывал ту готовность указать советскому вождю его место в Большой политике, которой он был охвачен всего полгода назад.

Время идет и вместе с ним меняется настроение политиков, а также обстоятельства, что в той или иной мере влияли на принимаемые ими решения. Все на что был согласен Даладьё — это произвести показательное кровопускание Советскому Союзу, точнее сказать его нефтяным запасам.

— Пусть господин Сталин почувствует нашу могучую решимость, для которой нет преград в виде границ или дальнего расстояния между ними. Наша славная авиация может достать не только нефтяные прииски Каспия, но и саму русскую столицу. Пусть усатый горец сидит в своем Кремле и трясется от страха, что на его голову могут упасть наши бомбы — важно вещал французский премьер, чьи самолеты составляли основную силу будущего показательного удара.

В его словах, конечно, было много позерства и хвастливости. Воздушные силы союзников не могли нанести массированный удар по Москве, но вот серьезно осложнить жизнь нефтедобывающей отрасли советской экономики было им по силам.

Благодаря хорошо информированным источникам советской разведки в Лондоне, карающие планы британского премьера были известны Сталину и работа по их срыву велась. Однако создать мощное противовоздушное прикрытие Баку, Грозному и Батуми быстро не удавалось.

Этот факт, позволял командующему французскими силами в Сирии генералу Вейгану, уверенно заявлять Чемберлену, что объединенные воздушные силы союзников выполнят поставленную перед ними задачу. Его слова радостно согревали израненную душу британского льва. Внимательно разглядывая карту южного Каспия и Армянского нагорья, Чемберлен очень надеялся, что искры предстоящего конфликта на юге смогут разжечь пожар большой войны на востоке. Что реализация 'южного варианта' обязательно затронет интересы Германии на Балканах и втянет-таки Гитлера в восточные дела.

История знала подобные прецеденты, но судьба в который раз посмеялась как над самим Чемберленом, так и над британской политикой в целом. Возвращенное и выпестованное ею чудовище для борьбы с большевистской Россией, вместо того, чтобы начать поход на восток, обрушилось на своих благодетелей.

10 мая 1940 года немецкие войска приступили к реализации плана 'Гельб' и вторгнуться

на территорию Бельгии, Голландии и Люксембурга. Нападение Германии на Западную Европу положило конец политической карьере Невилла Чемберлена. Бедный британский лев не пережил тройного крушения своих политических надежд и сломленный чередой неудач он подал в отставку. На посту председателя партии консерваторов и премьер-министра страны, его заменил амбициозный политик Уинстон Черчилль.

Стремясь сохранить лицо партии, он назначил своего предшественника своим заместителем по Государственному совету, но все это было напрасно. Подорвав здоровье в борьбе со Сталиным, Чемберлен стремительно угасал. Ровно через полгода после своей отставки, он скончался в своем поместье, сломленный сообщениями о разгроме британских войск на полях Франции.

Всего десять дней было достаточно, бронированным соединениям вермахта, чтобы разгромить войска голландцев, взять неприступные форты бельгийцев и прорваться через Арденны вглубь Франции.

Немецкие клинья прочно отрезали главные силы союзников от столицы Франции, и начался знаменитый 'бег к морю' завершившийся Дюнкерком. Теща себя мыслью, что отсутствие большой крови между Лондоном и Берлином, приведет англичан к мысли подписать мирный договор с Германией, фюрер позволил британцам беспрепятственно эвакуировать своих солдат с континента. После блестящего завершения плана 'Гельб', все внимание Гитлера было приковано к реализации плана 'Рот'.

Позор германской нации двадцати двух летней давности должен был смыт с боевых знамен немецких войск и со страниц истории рейха. Противные лягушатники должны были сторицей заплатить за весь тот позор и унижение, что пришлось вытерпеть немцам двадцать лет.

Командовавший французскими войсками генерал Гамелен, а затем сменившие его на этом посту генерал Вейган отчаянно пытались помешать Гитлеру, но все было напрасно. Быстрые и подвижные соединения вермахта разгромили по частям превосходящие их силы французской армии, сделав абсолютно ненужными мощные укрепления линии Мажино.

После недолгого сопротивления, танки генерала Клейста форсировали Марну, и вышли к пригородам французской столице. Напуганный столь стремительным развалом фронта, сменивший Даладье премьер Поль Рейно вместе со своим правительством позорно бежали из Парижа в Бордо, где передал власть над страной маршалу Петену.

Престарелый герой Первой мировой войны не стал возвращаться в столицу, которая сдалась противнику без боя 14 июня, выбрав в качестве своего местопребывания городок Виши. Ему предстояло заплатить за разбитые политиками горшки, склонив свою седую голову перед победившим их врагом.

22 июня в Компьенском лесу был подписан акт о перемирии. Гитлер специально настоял на том, чтобы все действия происходили именно в том месте, где двадцать два года назад было зафиксировано поражение Второго рейха. Исполняя желание германского фюрера, в Компьен был срочно доставлен вагон, маршал Фош принял капитуляцию германской стороны.

Столь стремительный разгром Франции вызвал шок не только на Западе, но и на Востоке. Как и многие политические деятели того времени, Сталин считал французскую армию одной из лучших армий мира, которую разбить за короткое время было невозможно. Конфликт ведущих стран Европы давал советскому государству несколько лет спокойной жизни, за которые Сталин собирался превратить Красную Армию в армию, отвечающую

всем требованиям времени.

Оглушительное падение Франции и изоляция Англии оставляли Советскому Союзу слишком маленький отрезок времени, для исполнения этих намерений. Чтобы успеть перевооружить армию, военная промышленность СССР и так бежавшая со всех ног, должна была бежать ещё быстрее.

Впрочем, свой гешефт от разгрома Франции, генеральный секретарь ВКП(б) получил. Вслед за Польшей, созданной в первую очередь благодаря усилиям Парижа, настал черед Румынии. При поддержке Франции, она получила по окончании войны огромные приращения за счет соседей, в числе которых была и Советская Россия.

Громко крича о единстве румынского и молдавского народа, Бухарест присоединил к себе Бессарабию. Подобные действия вызвали энергичный протест Москвы, но были полностью одобрены странами победителями: Англией, Францией, Италией и Японией. Сфатул Цэрий поспешил зафиксировать вхождение Бессарабии в состав румынского королевства, и началась 20-летняя оккупация.

В тот день, когда покровители румынов и организаторы 'Санитарного кордона' вокруг СССР ставили свои подписи под протоколом капитуляции в Компьене, в Москве было принято решение о создании Южного фронта, во главе которого был поставлен генерал армии Жуков. После разгрома японцев в Монголии, его военная карьера пошла стремительно вверх.

С введением генеральских званий, он из комкоров шагнул сразу в генералы армии, что соответствовало командарму 1-го ранга. Выше его нового звания был только маршал Советского Союза и герой Халхин-Гола считал, что ждать его ему недолго.

Наглядный пример такой карьеры был Семен Тимошенко. За успешное командование Северо-Западным фронтом, он получил звание маршала, звезду Героя и должность наркома обороны.

Получив назначение на Южный фронт, Георгий Константинович был готов энергичными боевыми действиями выкинуть наглых захватчиков с бессарабской земли. Для этого командующий Киевским военным округом стал под видом внезапных учений, стягивать войска на румынскую границу.

В числе тех, кто принял участие в 'молдавском походе' был и капитан Любавин. Грудь его украшал орден Красной Звезды вместе с нашивкой за ранение. Вместе с другими героями Карельского перешейка, он был готов, как следует всыпать угнетателям молдавского народа, но это, слава богу, не понадобилось.

После получения ноты советского правительства о возвращении Советскому Союзу территории Бессарабии, румынское правительство взяло паузу на размышление, а затем согласилось с требованиями Москвы.

Советские войска без единого выстрела перешли границу и не встречая сопротивления со стороны в страхе разбежавшихся от них румынских солдат и полицейских вышли на левый берег реки Прут.

Благополучное завершение 'молдавского похода' было отмечено торжественным парадом войск-освободителей на Соборной площади в Кишиневе 4 июля. Орденов и медалей, равно как и продвижение по службе его участники не получили, но у каждого из них появилась особая запись в учетном листе наркомата обороны.

Примерно такая же запись легла в личное дело бывшего комдива, ставшего генерал-майором Константина Рокоссовского. Он руководил стрелковой дивизией, что была введена

на территорию Латвии для поддержки новых властей Латвийской республики.

Летом сорокового года все три прибалтийские республики получили ультиматум о недопустимости нахождения у власти авторитарных правителей Сметоны, Улманиса, Пятса и потребовали избрания подлинно народных правительств этих стран.

Для большего воздействия на умы профашистских правителей Прибалтики, на территорию Литвы, Латвии и Эстонии были введены ограниченные контингенты советских войск, появление которых, было радостно встречено простыми жителями этих республик.

Как и 'молдавский поход' освободительный поход в Прибалтику также окончился без серьезных столкновений и кровопролития. В Вильнюсе, Риге и Таллине советские воины были, тепло приняты горожанами, приветствовавшими их цветами и радостными криками.

После завершения этой миссии, генерал-майор Рокоссовский получил назначение командиром 9-го механизированного корпуса, дислоцированного в Новоград-Волынский на Украине. В воздухе витали искры большой войны, до начала которой оставалось меньше года.

За напряженным положением в Европе внимательно следили по ту сторону океана. Соединенные Штаты Америки с огромным трудом выползали из пропасти кризиса, в которую их столкнула 'Великая депрессия', порожденная акулами крупного капитала.

Хотя президент Рузвельт радостно уверял своих сограждан, что самый худший момент в истории страны уже позади, многие понимали, что это не совсем так. Достаточно было одного средней руки кризиса, и экономика Америки вновь бы рухнула на колени с гораздо худшими последствиями для себя, чем в начале 30-х годов.

Спасти США могла только большая война и желательно в Европе. По этой причине президент Рузвельт с радостью встретил известие о нападении Гитлера на Францию, которое ему принес его госсекретарь Халл.

Расчетливый циник, запретивший прием еврейских беженцев из Европы на американской территории, ворвался к президенту с радостным видом и торжественно доложил Рузвельту: 'Это война'!

Оба собеседника прекрасно понимали, что слово война имело для Америки совсем иной смысл.

— Нам надо как можно внимательнее следить за этими событиями, Корделл. В том, как хорошо мы будем заниматься этим — зависит судьба нашего государства — произнес президент, и госсекретарь не оплошал. Почти всю неделю он лично занимался проблемой Европы, после чего доложил Рузвельту, что все в порядке.

— Они будут славно драться, чтобы мы могли хорошо поесть — процитировал Халл латинскую поговорку, чем вызвал умиление у хозяина Белого дома.

— Да будет так — отозвался Рузвельт и поставил свою подпись под посланием в конгресс о начале создания крупнейшего в мире военно-промышленного комплекса. На американском континенте началась гонка вооружения, которая должна была окончательно отодвинуть Америку от пропасти кризиса и поднять высоко вверх над остальными странами и народами земного шара.

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net